

Потрясающе!.. Книга, заставляющая сердце биться с удвоенной силой.

Cosmopolitan

МИН КУНШ

ТЕМНЫЕ РЕКИ СЕРДЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

The Big Book. Дин Кунц

Дин Кунц

Темные реки сердца

«Азбука-Аттикус»

1994

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кунц Д. Р.

Темные реки сердца / Д. Р. Кунц — «Азбука-Аттикус»,
1994 — (The Big Book. Дин Кунц)

ISBN 978-5-389-15988-4

Загадочного человека, сменившего имя, уничтожившего все документы, свидетельствовавшие о его прошлом, разыскивает таинственное и беспощадное Агентство. А он в это время увлечен поисками женщины, с которой был знаком всего лишь один вечер. Внезапно вспыхнувшее чувство заставляет его безрассудно устремиться навстречу смертельной опасности.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-15988-4

© Кунц Д. Р., 1994
© Азбука-Аттикус, 1994

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	38
Глава 5	43
Глава 6	48
Глава 7	65
Глава 8	81
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Дин Кунц

Темные реки сердца

© Ю. А. Комов (наследник), Т. А. Дадьянова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Гэри и Зов Карамардиан в благодарность за их дружбу, за то, что они относятся к тем людям, которые делают жизнь радостной для других, за то, что они приютили нас, пока мы были вдали от нашего дома.

Мы решили со следующей недели поселиться у вас навсегда!

Часть первая В незнакомых водах

*Для заблудших путников, для нас,
Нет тарифов у вокзальных касс.
Недоступен нам любой маршрут,
За который денежки берут.*

*Странный, ускользающий пейзаж
Превращает видимость в мираж,
Как и нашу собственную суть.
Так все зыбко, что посмертный путь,
Где царят безмолвие и тьма,
Меньше тайн хранит, чем жизнь сама.*

Книга памятных печалей

*Нити жизни из клубков судьбы
Нежат нас, воздушны и слабы,
Но пророчит дней грядущих даль
Их тисков убийственную сталь¹.*

Книга памятных печалей

Глава 1

С мыслями об этой женщине и печалью в сердце Спенсер Грант мчался сквозь дождливую ночь в поисках красной двери. Рядом с ним в машине молча сидела собака. По крыше автомобиля негромко стучали капли дождя.

Когда февральские сумерки совсем сгустились, ближе к ночи, с Тихого океана принесло грозовые тучи и начался сильный дождь. Его, пожалуй, нельзя было назвать ливнем, но он, казалось, вымыл из города всю энергию. Лос-Анджелес вместе с пригородами утратил четкие линии, размылись углы, ушло кипение, царившее на магистралях. Здания сливались в одну сплошную стену, машины медленно тянулись по улицам, расплывшимся в серой мгле.

В Санта-Монике, где справа от дороги тянулись по берегу океана пляжи, Спенсер остановился у светофора.

Рокки – дворняга чуть поменьше лабрадора – с большим интересом смотрел вперед. Когда Спенсер с ним ездил в своем грузовичке, то Рокки иногда смотрел в боковое окно, хотя ему гораздо интереснее было наблюдать, что происходит впереди.

Даже когда ему приходилось ездить на заднем сиденье, он редко смотрел в окно за ним. Он ужасно не любил смотреть назад. Возможно, от этого у него кружилась голова. Когда же пейзаж как бы наезжал на него, неприятного ощущения не было.

А возможно, вид уносящегося назад шоссе ассоциировался у Рокки с прошлым. У него были причины не любить прошлое.

---

¹ Перевод М. Яхонтовой.

Так же, как и у Спенсера.

Ожидая, когда загорится зеленый свет, Спенсер дотронулся до лица. У него была привычка касаться своего шрама, когда его что-нибудь тревожило, – так другие иногда теребят четки. Ощущение в пальцах успокаивало его, возможно напоминая, что самое страшное в своей жизни он уже пережил и ничего более ужасного с ним произойти не может.

Этот шрам на лице сразу бросался в глаза. Спенсер был меченым.

Бледный гладкий рубец шириной миллиметров десять тянулся от правого уха до подбородка. И хотя в тонкой полоске соединительной ткани не было нервных окончаний, у Спенсера бывало ощущение, что на лице лежит раскаленная проволока. На летнем солнцепеке шрам оставался холодным.

Загорелся зеленый свет.

Собака, предвкушая движение, вытянула вперед лохматую шею.

Спенсер не торопясь ехал на юг вдоль темного побережья, положив на руль обе руки. Он с волнением высматривал красную дверь на фасадах множества магазинов и ресторанов.

И хотя он больше не дотрагивался до полоски на лице, но все время ее чувствовал. Он никогда не забывал про свою отметину. Улыбаясь или хмурясь, он чувствовал, как натягивается кожа на правой половине лица. Если же он смеялся, удовольствие всегда портило это напряжение кожи.

Казалось, дворники равномерно отщелкивают ритм дождя.

Во рту у Спенсера пересохло, а ладони были влажными. Напряжение в груди росло от волнующего предвкушения встречи с Валери.

Правда, временами появлялась мысль повернуть и поехать домой. Новые надежды, возникшие у него, наверняка были очередным миражом. Он был одинок и всегда будет одинок, если не считать Рокки. Ему самому было стыдно за такой проблиск надежды, за ту наивность, которая еще жила в нем, за тайные желания, за это тихое безумие. Но все же он продолжал двигаться.

Рокки не знал, что они ищут, но, когда появилось красное пятно, он беспокойно задвигался. Несомненно, он реагировал на изменение в настроении Спенсера, которое почувствовал мгновенно.

Коктейль-бар виднелся между китайским рестораном с рисунком на матовых стеклах и пустой витриной бывшей картинной галереи. Витрина была заколочена, и на некогда благородном фасаде не хватало нескольких облицовочных кирпичей, как будто это заведение не просто прогорело, но было вышиблено из бизнеса артиллерийскими снарядами. Сквозь серебристые струи дождя фонари у коктейль-бара освещали красную дверь, которую он запомнил с прошлой ночи.

Спенсер не мог вспомнить название этого заведения. Теперь ему показалось, что провал в памяти был шуткой, – неоновая надпись над входом гласила: «Красная дверь». Он усмехнулся.

После бесконечных шатаний по барам в течение многих лет он уже перестал их различать и не обращал внимания на названия. В сотнях городов и городишек эти бесчисленные забегаловки были, в сущности, чем-то вроде церковных исповедален – только сидя на табуретке перед стойкой, а не стоя коленями на молитвенной скамейке, он бормотал свои признания посторонним людям, хотя они не были священниками и не могли отпустить ему грехи.

Его исповедниками становились пьянчуги, такие же заблудшие души, как и он сам. Они были не в силах определить для него необходимое искупление, чтобы он мог обрести душевный покой. Они сами не знали, в чем смысл жизни.

В отличие от незнакомцев, которым он частенько открывал душу, Спенсер никогда не напивался. Для него опьянение было столь же диким и неприемлемым, как и самоубийство. Напиться – значит потерять над собой контроль. Этого он допустить не мог. Постоянный самоконтроль – это единственное, что ему оставалось в жизни.

Доехав до конца квартала, Спенсер свернул налево и остановил машину в переулке.

Он ходил по барам не для того, чтобы пить, а просто чтобы не быть одному, чтобы рассказывать о своей жизни кому-нибудь, кто уже к утру забудет обо всем. Иногда за весь вечер он выпивал одну-две кружки пива. И потом в своей спальне он долго лежал, уставившись в потолок, и наконец закрывал глаза. Тени на потолке лишь напоминали о том, что ему так хотелось забыть.

Когда он выключил двигатель, барабанная дробь дождя стала еще слышнее – это был холодный звук, от которого мороз пробегал по коже так же, как и от криков тех умиравших детей. Он иногда слышал их в своих самых страшных снах.

Желтоватый отсвет ближайшего фонаря проник внутрь грузовичка, упал на Рокки. Его большие выразительные глаза внимательно смотрели на Спенсера.

– Возможно, это все и ни к чему, – проговорил Спенсер.

Собака подалась вперед, чтобы лизнуть правую руку хозяина, которая все еще лежала на руле. Казалось, пес хотел сказать Спенсеру, чтобы он успокоился и делал то, что собрался.

Спенсер протянул руку, чтобы погладить собаку, и Рокки наклонил голову – не для того, чтобы Спенсеру было удобнее потрепать его за уши и шею, а в знак покорности и преданности.

– И сколько же мы с тобой вместе? – спросил собаку Спенсер. Рокки, все еще наклоняя морду вниз, слегка подрагивал под ласковой рукой хозяина. – Почти два года, – ответил Спенсер на собственный вопрос. – Два года ласки, долгих прогулок, погони за оводами на пляже, регулярного питания... и все же тебе иногда кажется, что я хочу тебя ударить.

Рокки по-прежнему сидел в позе, выражавшей полную покорность.

Спенсер приподнял собачью морду. Чуть посопротивлявшись, Рокки все же уступил.

Глядя псу в глаза, Спенсер спросил:

– Ты мне доверяешь? – Собака смущенно отвела глаза и смотрела куда-то влево. Спенсер ласково потянул ее морду к себе. – Ну-ка давай держать хвост пистолетом, идет? Будем гордыми, ладно? Уверенными в себе. Будем держать голову высоко и смотреть людям прямо в глаза. Ты меня понял? – Рокки высунул язык и лизнул пальцы, державшие его. – Воспринимаю это как согласие. – Спенсер отпустил собаку. – В этот коктейль-бар я тебя взять не могу. Ты уж не обижайся.

В некоторых забегах Рокки разрешалось сидеть у ног Спенсера или даже на табуретке; хотя он и не был собакой-поводырем, но никто не возражал против подобного нарушения санитарных правил. Обычно собака была наименьшим из нарушений, за которые следовало бы привлечь к ответственности и вызвать полицейского. Однако «Красная дверь» – заведение с определенными претензиями, и Рокки бы там не обрадовались.

Спенсер вылез из грузовичка, захлопнул дверь. Заперев машину, он через дистанционное управление включил систему сигнализации.

Он не мог положиться на Рокки как на сторожа «эксплорера». Его пес был из тех, кто в жизни не нападет на автомобильного вора и даже не пугнет его, если только этот вор не испытывает особого отвращения к собачьим ласкам.

Проскочив под холодным дождем к спасительному укрытию навеса, Спенсер оглянулся.

Собака передвинулась на его место, уткнулась носом в боковое стекло, одно ухо торчало, другое свешивалось вниз. От дыхания Рокки стекло помутнело. Пес смотрел в окно и молчал. Рокки никогда не лаял. Он просто смотрел и ждал. Это были шестнадцать килограммов любви и преданности в чистом виде.

Спенсер отвел глаза, повернул за угол и съезжил под пронизывающим ветром.

Звуки этой влажной ночи наводили на мысль, что побережье со всеми строениями, деревьями превращается в массу ледяных глыб, постепенно поглощаемых темной пастью океана. Дождь стекал с навеса, булькал в сточных канавах, брызгал из-под колес проезжавших мимо

машин. Едва слышимый, скорее даже не слышимый, а ощутимый, непрерывный шум прибоя свидетельствовал о постоянном и медленном разрушении пляжей и берегов.

Когда Спенсер проходил мимо заколоченных витрин бывшей картинной галереи, из темного подъезда раздался голос. Это был сухой, хриплый, скрипучий голос:

– Я знаю, кто ты.

Остановившись, Спенсер взгляделся во тьму. В подъезде сидел человек, раскинув в стороны ноги и прислонившись к двери, ведущей внутрь галереи. В грязной одежде, небритый, он более походил на кучу рванья, чем на человека, к тому же его лохмотья были настолько пропитаны потом и прочими органическими выделениями, что стали настоящим питомником для паразитов.

– Я знаю, кто ты, – тихо, но достаточно четко произнес бродяга.

Из темноты доносился запах немытого тела, мочи и дешевого вина.

В конце семидесятых, когда многих пациентов психиатрических больниц выпустили на волю во имя свободы и человечности, на улицах появилось огромное количество одурманенных наркотиками сумасшедших бродяг. Они заполонили улицы страны, эта армия живых трупов, судьбой которых спекулировали десятки беспардонных политиканов.

Хриплый и пронзительный шепот звучал зловеще, как голос ожившей мумии: «Я знаю, кто ты».

Лучшим ответом было не обращать внимания и идти своей дорогой.

В темноте можно было различить бледное лицо бродяги, обрамленное снизу неопрятной бородой, сверху – длинными и спутанными патлами. Запавшие глаза мерцали, как два заброшенных колодца. «Я знаю, кто ты».

– Никто не знает, – ответил Спенсер.

Коснувшись пальцами шрама, он прошел мимо заброшенной галереи и этого жалкого субъекта.

– Никто не знает, – прошептал бродяга.

Возможно, его слова, обращенные к прохожему, вначале показавшиеся зловещими, даже похожими на какое-то пророчество, были всего-навсего бессмысленным повторением последней фразы, которую он слышал от проходящих мимо. «Никто не знает».

Спенсер остановился у входа в коктейль-бар. Не совершает ли он непоправимой ошибки? Он взялся за ручку, но войти не решался.

Опять из темного подъезда раздался хриплый шепот. Сквозь шум дождя утверждение, казалось, звучит как механический голос далекой радиостанции, расположенной где-нибудь на краю земли. «Никто не знает...»

Спенсер толкнул красную дверь и вошел.

В этот вечер, в среду, очереди здесь не было. Возможно, не было очередей ни в пятницу, ни в субботу. В заведение не ломились посетители.

Теплый воздух был пропитан табачным дымом. Было душновато. В дальнем левом углу прямоугольного помещения под светом прожектора пианист без особого воодушевления трудился над пьесой «Мандарин».

Зал был отделан в черно-серых тонах и украшен полированной нержавеющейкой, зеркалами и светильниками в стиле ар-деко, отбрасывающими большие темно-синие круги на потолок, что придавало заведению старомодно-стильный вид. Но обивка давно потерлась, зеркала потрескались, сталь помутнела от табачного дыма.

Большинство столиков пустовало. Несколько немолодых пар сидели поближе к музыканту.

Спенсер подошел к стойке, справа от двери, и сел на самый крайний табурет, подальше от пианино.

У бармена были жидкие волосы, землистое лицо, водянисто-серые глаза. Его профессиональная вежливость и бледная улыбка не могли скрыть глубочайшей скуки. Он действовал четко, как робот, и так же механически, полностью отвергая возможность вступить с ним в беседу, поскольку всячески избегал встретиться с посетителем глазами.

У стойки, чуть подальше, сидели еще два человека лет пятидесяти, каждый сам по себе, и с угрюмым видом смотрели в свои стаканы. Воротники их рубашек были расстегнуты, галстуки сбились набок. Вид у них был обескураженный и мрачный, как у служащих рекламного агентства, получивших уведомление об увольнении десять лет назад, но все еще не решивших, что им делать дальше. Возможно, они пришли в «Красную дверь», потому что привыкли расслабляться после работы именно здесь в те дни, когда еще на что-то надеялись.

Единственная работавшая сейчас официантка была необыкновенно хороша – наполовину вьетнамка, наполовину негритянка. На ней был тот же костюм, что и накануне вечером (на Валери вчера был такой же): черные туфли на высоком каблуке, короткая черная юбка, черный джемпер с коротким рукавом. Валери называла девушку Рози.

Посидев минут пятнадцать, Спенсер остановил Рози, проходившую мимо него с подносом:

– Валери сегодня работает?

– Должна, – ответила та.

Он почувствовал облегчение. Валери не солгала. Он боялся, что она могла его надуть, вежливо отшить.

– Я немного из-за нее волнуюсь, – сказала Рози.

– Почему это?

– Ее смена началась уже час назад. – Взгляд Рози остановился на его шраме. – Она даже не позвонила.

– Она нечасто опаздывает?

– Вал? Никогда. Она очень организованный человек.

– Она уже давно здесь работает?

– Месяца два. Она... – Рози перевела взгляд со шрама и взглянула ему в глаза. – Вы ей друг или просто приятель?

– Я был здесь вчера вечером. Сидел на этом месте. Народу было мало, и мы немного поболтали.

– Ах да, я вас помню, – сказала Рози, и стало ясно, что она не очень-то понимает, почему это Валери тратила на него время.

Он не походил на мужчину чьей-либо мечты. На нем были кроссовки, джинсы, рабочая рубашка и джинсовая куртка, купленная в «Кей-марте», – точно так же он был одет и в свой первый приход сюда. Ни одной дорогой вещи. Часы марки «Таймекс». И конечно же, шрам. Всегда этот шрам.

– Я ей звонила, – сказала Рози. – Но никто не ответил. Я волнуюсь.

– Но она опоздала всего лишь на час, это не так много. Может быть, проколола шину.

– В этом городе, – сказала Рози, и лицо ее помрачнело, отчего она показалась старше лет на десять, – ее могли изнасиловать, ее мог пырнуть ножом какой-нибудь накутившийся дряни двенадцатилетний панк, ее даже мог пристрелить угонщик машин прямо на дороге около дома.

– Ну вы и оптимистка!

– Я смотрю телевизор.

Она отнесла напитки на столик, за которым сидели две немолодые пары, вид у них был скорее кислый, чем веселый. Не поддавшись новому веянию, охватившему многих калифорнийцев, они яростно пыхтели своими сигаретами. Казалось, они боялись, что недавнее постановление, запрещавшее курить в ресторанах, сегодня распространит запрет на бары и частные дома, и поэтому курили так, как будто каждая сигарета была последней.

Когда пианист начал бренчать «Последний вечер в Париже», Спенсер отпил немного пива.

Глядя на унылую физиономию бармена, можно было подумать, что на улице июнь 1940 года, по Елисейским Полям катят немецкие танки и небо расчерчено зловещими полосами истребителей.

Через несколько минут к Спенсеру опять подошла официантка.

– Думаю, вы приняли меня за сумасшедшую, – сказала она.

– Ничего подобного. Я тоже смотрю новости.

– Просто дело в том, что Валери такая...

– Необыкновенная, – закончил за нее Спенсер и, очевидно, попал в точку, поскольку она с удивлением и даже с некоторой тревогой уставилась на него, как будто он прочел ее мысли.

– Да. Необыкновенная. С ней можно быть знакомой всего неделю, и все же... все же хочется, чтобы она была счастлива. Хочется, чтобы у нее все было хорошо.

«Даже не неделю, – подумал Спенсер. – Хватает и одного вечера».

Рози сказала:

– Возможно, потому, что она очень ранима. Ей пришлось много пережить.

– Правда? – спросил он. – Как это?

Она пожала плечами:

– Я точно не знаю, она мне не говорила. Это просто чувствуется.

Он тоже почувствовал в Валери эту уязвимость.

– Но вообще-то, она может и постоять за себя, – сказала Рози. – Фу, не могу понять, чего это я так волнуюсь. В конце концов, она же мне не младшая сестренка. Каждый может иногда опоздать.

Официантка отошла, и Спенсер снова отхлебнул тепловатое пиво.

Пианист приступил к мелодии песни «Это был отличный год», которую Спенсер терпеть не мог, даже когда ее пел Синатра, хотя он был большим поклонником Синатры. Он знал, что эта песня написана как немного задумчивая, даже слегка меланхолическая, однако ему она казалась ужасно грустной, и он чувствовал в ней не ту грусть, которую может испытывать немолодой человек, вспоминая о прежней любви, а горечь и печаль человека, у края жизни вдруг осознавшего, что он так и не ощутил настоящей любви, настоящего тепла.

Может быть, его собственная интерпретация этой песни каким-то образом выражала его опасение, что когда-нибудь, через много лет, когда его жизнь подойдет к концу, он также будет тосковать от одиночества и неустроенности.

Он взглянул на часы. Валери опаздывала уже на полтора часа.

Беспокойство ее напарницы передалось и ему. Перед его глазами все время возникала одна и та же картина: Валери на полу с лицом, наполовину закрытым темными прядями волос и залитым кровью. Глаза широко раскрыты и не мигают. Он понимал, что все это глупость. Она просто опоздала на работу. И ничего в этом нет страшного. Однако с каждой минутой его тревога нарастала.

Спенсер поставил на стойку недопитое пиво, слез с табурета и прошел под синими светильниками к красной двери. Толкнув ее, он вышел в промозглую ночь, где дождь падал на холщовый навес над дверью с таким шумом, как будто маршировал полк солдат.

Проходя мимо картинной галереи, он услышал, как тихо плачет в тени подъезда оборванец. Он остановился, чувствуя жалость и сострадание.

Между всхлипываниями бродяга шептал слова, которые некоторое время назад произнес Спенсер: «Никто не знает... никто не знает...» Очевидно, эта короткая фраза имела для несчастного какой-то особый глубокий и очень личный смысл, потому что он произносил эти два слова не тем тоном, которым их произнес Спенсер, – в его голосе слышалась неподдельная мука. «Никто не знает».

Хотя Спенсер и понимал, что делает глупость, помогая саморазрушению этого бедолаги, он вытащил из бумажника хрустящую бумажку в десять долларов. Он протянул ее в темноту в сторону запаха, исходящего от бродяги:

– На, держи.

Показалась рука, она была или в черной перчатке, или же просто невероятно грязная – в темноте он не смог разглядеть. Купюру вытянули из пальцев Спенсера, затем опять послышалось тоненькое пощипывание:

– Никто... никто...

– Все будет хорошо, – сочувственно произнес Спенсер. – Такова жизнь. Всем нам приходится нелегко.

– Такова жизнь, нам всем приходится нелегко, – прошептал бродяга.

Все еще видя в своем воображении мертвое лицо Валери, Спенсер поспешно обогнул угол и направился к своему «эксплореру».

Рокки смотрел на него через боковое стекло. Как только Спенсер открыл дверь, собака передвинулась на свое место.

Спенсер залез в грузовик, захлопнул дверь, вместе с ним в кабину ворвался запах сырой ткани и озона.

– Ну что, бандит, скучал?

Рокки поерзал на сиденье и попытался завилять хвостом, хотя это было непросто, поскольку он сидел на нем. Включая двигатель, Спенсер сказал:

– Тебе будет приятно узнать, что я не стал сегодня делать глупостей. – Пес чихнул. – Но только потому, что она не пришла.

Собака удивленно склонила набок голову.

Дергая за ручку коробки передач, Спенсер сказал:

– Так вместо того, чтобы забыть обо всем, к чертовой матери, и пойти домой, знаешь, что я буду делать, а?

Было ясно, что собака не знала ответа на этот вопрос.

– А я собираюсь сунуть нос не в свое дело, еще раз попытать удачи. Скажи мне честно, дружище, ты считаешь, что я совсем чокнулся?

Рокки лишь тихо сопел.

Отъезжая от тротуара, Спенсер сказал:

– Да, ты прав. Это клинический случай.

Он направился прямо к дому Валери. Она жила в десяти минутах езды от бара.

Прошлой ночью они с Рокки ждали в «эксплорере» до двух ночи у «Красной двери» и медленно ехали за Валери, когда она после закрытия бара отправилась домой. Благодаря своим навыкам разведчика Спенсер знал, как незаметно вести наблюдение за машиной. Он был совершенно уверен, что она его не засекла.

Он, правда, не был также уверен в том, что сможет вразумительно объяснить ей – или самому себе, – почему он вдруг решил ехать за ней. После единственного вечера, когда они немного поговорили, да и то их время от времени прерывали многочисленные посетители, требуя ее внимания, Спенсер был полон желания узнать о ней все. Абсолютно все.

В сущности, это было не просто желание. Это была потребность, и ему было необходимо ее удовлетворить.

Хотя у него были вполне невинные намерения, ему было ужасно стыдно за эту навязчивую идею. Прошлой ночью он сидел в своем «эксплорере» напротив ее дома и смотрел на ее освещенные окна с прозрачными занавесками. На какое-то мгновение на них возникла ее тень, легкая и нечеткая, как дух на спиритическом сеансе. Около половины четвертого погас свет. Пока Рокки мирно спал, свернувшись калачиком, Спенсер все сидел, глядя на темный дом, думая о том, какие книги читает Валери, чем она любит заниматься по выходным, какие у нее

были родители, где она жила в детстве, о чем она мечтает и как сбивается ее ночная сорочка, когда сон девушки бывает неспокоен и ей снятся тревожные сны. В этих раздумьях он провел еще час.

Теперь, спустя почти сутки, он снова направлялся к ее дому, чувствуя легкую тревогу. Она опоздала на работу. Просто опоздала. Его неоправданное беспокойство подсказывало ему, что как бы он ни хотел это скрыть от себя самого, но эта женщина интересовала его чрезвычайно.

По мере того как он удалялся от набережной в сторону жилых кварталов, движение становилось менее интенсивным. Мокрые крыши проезжавших машин тускло поблескивали, и создавалось ложное впечатление единого движения, как будто улица превратилась в реку с медленным и ленивым течением.

Валери Кин жила в тихом квартале, застроенном в конце сороковых деревянными оштукатуренными домами. Эти четырех-пятикомнатные домики были скорее уютны, нежели удобны: заросшие диким виноградом крылечки, разукрашенные ставни, резные или лепные наличники и застрехи, красиво оформленные чердачные окна.

Поскольку Спенсеру не хотелось привлекать к себе внимание, он, не замедляя движения, проехал мимо ее дома, расположившегося в южной части квартала, лишь бросив взгляд на темные окна. Рокки сделал то же самое, однако собака не нашла в этом доме ничего необычного, так же, впрочем, как и ее хозяин.

В конце квартала Спенсер свернул. Переулки, убегавшие вправо, заканчивались тупиками. Он миновал их. Он не хотел оставлять машину в тупике. Тупик – это ловушка. На следующем перекрестке он опять свернул направо и остановил машину у обочины на улочке, похожей на ту, где жила Валери. Он выключил дворники, однако двигатель продолжал работать.

Он все еще надеялся, что возьмет себя в руки, включит нужную скорость и направится домой.

Рокки с интересом взглянул на него. Одно ухо торчало вверх. Другое свисало вниз.

– Что-то я не управляю ситуацией, – сказал Спенсер скорее себе, чем любопытному псу. – И сам не знаю почему.

Дождь стучал по стеклам машины. Сквозь водяную пелену свет фонарей казался мерцающим.

Он вздохнул и выключил двигатель.

Выезжая из дома, он забыл зонт. После небольшой пробежки до входа в «Красную дверь» и обратно он немного промок, но если придется идти до самого дома Валери, то он вымокнет до нитки.

Он и сам не понимал, почему не остановил машину у ее дома. Профессиональное. Инстинкт. Паранойя. А может быть, все три фактора, вместе взятые.

Наклонившись над Рокки, не замедлившим лизнуть его в ухо теплым влажным языком, Спенсер открыл бардачок и, вытащив оттуда фонарик, засунул себе в карман куртки.

– Если кто-нибудь полезет в машину, – предупредил он собаку, – выпусти из него все кишки.

Рокки зевнул, и Спенсер выскочил из грузовика. Он запер машину с помощью дистанционного управления и, дойдя до перекрестка, повернул на север. Он не стал бежать. Как бы он ни спешил, все равно промокнет насквозь, пока дойдет до нужного домика.

Вдоль улицы росли палисандры. Они не очень-то защищали от дождя, даже когда были покрыты листьями и розовыми цветами, теперь же, зимой, ветви вообще были голыми.

Когда Спенсер дошел до улицы, где жила Валери, его одежда была совсем мокрой. Огромные индийские лавры толстыми корнями взламывали тротуар, зато их раскидистые ветки и широкие листья хорошо защищали от холодного дождя.

Эти огромные деревья не давали пробиться желтоватому свету уличных фонарей и тех фонарей, что горели у входной двери. Деревья и кустарники, росшие возле домов, тоже были большими, даже чересчур. Если кому-нибудь из обитателей этих жилищ пришло бы в голову выглянуть в окно, то вряд ли им удалось бы увидеть сквозь густую зелень, что происходит на тротуаре.

Идя вдоль домов, Спенсер быстрым взглядом окидывал припаркованные у обочины автомобили. Насколько он мог судить, ни в одном из них никого не было.

У дома напротив коттеджа Валери стоял фургон «Мэйфлауэр» для перевозки мебели. Спенсеру это было на руку, поскольку большой фургон загораживал окна соседей. Около машины никого не было, – очевидно, переезд был запланирован на утро.

Спенсер прошел по дорожке, ведущей к дому, и поднялся на невысокое крыльцо, по обеим сторонам которого рос не дикий виноград, а ночной жасмин. И хотя он еще только расцветал, воздух был напоен его нежным, ни с чем не сравнимым ароматом.

Крыльцо не освещалось, так что Спенсера вряд ли могли увидеть с улицы.

В темноте ему пришлось обшарить рукой чуть ли не всю дверь, прежде чем он обнаружил кнопку звонка. Он нажал ее и услышал, как в глубине дома раздался тихий мелодичный звон.

Он подождал. Свет не зажигался.

Он почувствовал, как по шее поползли мурашки. У него было ощущение, что за ним наблюдают.

Справа и слева от крыльца были окна. Насколько он мог судить, между плотно задвинутыми шторами не было щелей, сквозь которые кто-либо мог на него смотреть.

Он оглянулся. Желтый свет уличных фонарей превращал дождевые потоки в сверкающие струи жидкого золота. У обочины в тени деревьев стоял фургон, лишь передняя его часть освещалась фонарем. Неподалеку стояли «хонда» устаревшей модели и еще более старый «понтиак». На улице не было ни души. Ни одного движущегося автомобиля. Тишину нарушал только монотонный шум дождя.

Спенсер еще раз позвонил.

По шее снова побежали мурашки. Он даже провел рукой под воротником, надеясь, что туда попал паук и щекочет его мокрую кожу. Но никакого паука там не было.

Он опять вышел на улицу, и тут ему показалось, что позади фургона что-то зашевелилось. Он с минуту вглядывался во тьму, но больше ничего не заметил, кроме отвесно падающих золотистых потоков дождя, как будто они и вправду были струями драгоценного металла.

Он понимал, почему так нервничает. Он был здесь чужим. Он чувствовал, что не имеет права здесь находиться, и это действовало ему на нервы.

Опять повернувшись к двери, он вынул из кармана брюк бумажник и вытащил свою кредитную карточку.

Хотя он и не желал себе в этом признаваться, он был бы здорово разочарован, если бы в окнах Валери горел свет. Он действительно волновался из-за нее, но не предполагал, что она лежит раненая или даже мертвая в своем темном доме. Он не был психом: образ, возникший у него перед глазами – окровавленное лицо Валери, – он подсознательно вызывал сам, чтобы иметь предлог сюда приехать.

Его стремление узнать о Валери как можно больше походило на юношеское увлечение. В данный момент он не мог рассуждать здраво.

Спенсер испугался. Однако не стал оборачиваться.

Он просунул карточку в щель между дверью и косяком и попытался поднять щеколду. Он предполагал, что на двери может оказаться и засов, поскольку Санта-Моника был не менее криминогенным, чем все остальные города в предместье Лос-Анджелеса, но надеялся, что ему повезет.

Ему повезло даже больше, чем он рассчитывал. Входная дверь была не заперта. Даже защелка не была отпущена. Когда он повернул ручку, дверь отворилась.

В полном изумлении и все сильнее чувствуя свою вину, он опять бросил взгляд назад. Индийские лавры. Большой фургон для перевозки мебели. Машины. И дождь, дождь, дождь.

Он вошел. Закрыл дверь и остановился, прислонившись к ней спиной, дрожа всем телом и чувствуя, как с мокрой одежды стекает вода на ковер.

Сначала комната, куда он попал, показалась ему абсолютно темной. Однако, когда его глаза привыкли к темноте, он смог различить занавешенное окно, потом второе и третье – они выделялись темно-серыми прямоугольниками в крошечной тьме.

И хотя в этом мраке могли таиться толпы людей, он почувствовал, что находится в доме один. Дом казался не просто пустым, а нежилым, брошенным.

Спенсер вытащил из кармана фонарик. Он постарался прикрыть левой рукой свет, чтобы тот не был замечен извне.

Луч осветил пустую гостиную, где не было никакой мебели. На полу – ковер цвета кофе с молоком. На окнах легкие занавески бежевого цвета без всякого рисунка. На потолке светильник с двумя лампочками, который, очевидно, включался одним из трех выключателей, расположенных у входной двери. Он не стал их трогать.

В своих хлюпающих кроссовках он прошел в другой конец гостиной, где под аркой был вход в небольшую и такую же пустую столовую.

Спенсер подумал было о мебельном фургоне на другой стороне улицы, но решил, что вещи Валери не могут там находиться. Вряд ли она выехала отсюда этим утром, после того как он оставил свой наблюдательный пост около ее дома и отправился спать. У него, скорее, было чувство, что она вообще сюда не въезжала. На ковре никаких следов от мебели. На нем явно давно не стояло никаких столов, торшеров, тумбочек или шкафов. Если Валери и жила в этом доме те два месяца, что работала в «Красной двери», то, по всей вероятности, никак не мебелировала его и не собиралась жить здесь долгое время.

Справа от столовой небольшой проход вел в маленькую кухню, в которой стояли сосновые столики с верхом из красного пластика. Он сделал несколько шагов, оставляя мокрые следы на выложенном серыми плитками полу.

Сбоку от двойной мойки осталась стопка посуды – глубокая тарелка, хлебница, мелкая тарелка, блюдечко и чашка, – все было чисто вымыто. Рядом стоял также и стакан, около которого лежали вилка, нож и ложка – тоже совершенно чистые.

Спенсер повернул фонарик вправо, чуть прикрывая пальцами стекло, чтобы сделать луч менее ярким. Он дотронулся пальцами до края стакана. Хотя Валери и вымыла его, все же ее губы касались этого края.

Он никогда не целовал ее. А может быть, теперь никогда и не поцелует.

Эта мысль смутила его, он почувствовал себя идиотом и еще раз напомнил себе, что в его одержимости есть что-то ненормальное. Он не имел права находиться здесь. Он вторгся без каких-либо оснований не только в ее дом, но и в ее личную жизнь. До этого момента он был честным человеком и всегда уважал закон. Однако, проникнув в этот дом, он пересек какую-то черту, перешел границу порядочности, а то, что утратил, вернуть было невозможно.

И все равно он не ушел оттуда.

Открыв ящички кухонных столов, он не обнаружил в них ничего, кроме консервного ножа. Там не было тарелок, никакой посуды, если не считать той, что стояла на краю мойки.

Большинство полок в небольшой кладовке были пусты. Весь запас продовольствия состоял из трех банок с персиками, двух – с ананасовым компотом, коробочки с небольшими синими пакетиками заменителя сахара, двух коробок с готовыми завтраками и банки растворимого кофе.

Холодильник был практически пуст, но морозилка забита готовыми и довольно дорогими блюдами.

Холодильник стоял рядом с дверью, стекло которой закрывала желтая занавеска. Он сдвинул ее в сторону и увидел, что дверь выходит на боковое крыльцо, за которым виднелся мокрый дворик.

Он оставил занавеску. Внешний мир его не интересовал, ему было интересно лишь то, что было связано с жизнью Валери, местом, где она дышала, ела, спала.

Хлюпая кроссовками по плиткам кухни, он прошел к двери. Перед ним качались тени и скрывались в углах, когда он проходил мимо них, но тут же вновь возвращались на прежнее место.

Его била дрожь. В доме было холодно и промозгло, почти так же, как и снаружи. Очевидно, отопление было весь день выключено, и это свидетельствовало о том, что Валери ушла из дома уже давно.

Шрам горел огнем на его холодном лице.

Посредине задней стены столовой была еще одна дверь. Он открыл ее и увидел небольшой коридорчик, поворачивающий сначала налево, потом направо. В конце его виднелась приоткрытая дверь, за которой можно было разглядеть выложенный белой плиткой пол и раковину.

Он уже собирался было шагнуть в коридорчик, как услышал звуки, не похожие на стук дождя по крыше. Сначала глухой удар, потом какой-то тихий скрип.

Он моментально выключил фонарик. Стало темно и жутко, как в комнате ужасов, когда замираешь, прежде чем из темноты на тебя выскакивает искусственный скелет со злобющей улыбкой.

Сначала звуки казались специально приглушенными, как будто кто-то крался к дому по мокрой траве, но вдруг поскользнулся и ударился о стену. Но чем дольше Спенсер прислушивался, тем больше убеждался, что звук донесся откуда-то издалека, – возможно, просто кто-то хлопнул дверцей машины где-нибудь на улице или около соседнего дома.

Он включил фонарик и стал оглядывать ванную. Полотенце для рук, банное полотенце и мочалка висели на вешалке. В пластмассовой мыльнице лежал наполовину использованный кусок мыла. Аптечка же была пуста.

Справа от ванной в небольшой спальне практически не было мебели. Встроенный шкаф тоже пустовал.

Вторая спальня – слева от ванной – была чуть побольше, чем первая, и он понял, что Валери спала здесь. На полу лежал надувной матрас. Сверху простыни, шерстяное одеяло и подушка. Встроенный шкаф с двойными дверцами открыт, на неокрашенной деревянной полке болтались металлические плечики.

Хотя во всех остальных помещениях не было и намека на какие-нибудь безделушки или украшения, здесь на стене в центре висела какая-то картинка. Спенсер подошел поближе и осветил ее фонариком. Это была цветная увеличенная фотография таракана, напоминавшая страницу из книги по энтомологии, поскольку надпись под картинкой была сделана в сухом академическом тоне. На этом крупном снимке таракан достигал сантиметров пятнадцати в длину. Фотография держалась на одном гвоздике, который проколол картинку посередине, пронзив спинку насекомого. На полу под картинкой лежал молоток, которым, видимо, гвоздь забили в стену.

Эта фотография не могла служить украшением. Невозможно представить, чтобы кто-либо повесил у себя на стене фотографию таракана с целью украсить спальню. Да и тот факт, что был использован гвоздь, а не кнопки, или клейкая лента, или хотя бы булавки, свидетельствовал о том, что человек, приколовивший картинку, был сильно рассержен.

Совершенно очевидно, таракан имел какое-то символическое значение.

Спенсеру пришла в голову тревожная мысль, не сделала ли все это сама Валери. Но нет, вряд ли. Женщина, с которой он беседовал прошлым вечером в «Красной двери», показалась ему очень мягкой, нежной, не способной на дикую ярость.

Но если это не Валери, то кто?

Он еще раз осветил таракана фонариком. Его панцирь блестел на глянцевой бумаге, как мокрый. При неровном свете фонарика казалось, что тонкие ноги и усики насекомого слегка шевелятся.

Иногда маньяки-убийцы оставляют на месте своих преступлений что-то вроде визитных карточек. Насколько Спенсер знал, они используют что угодно – от игровой карты до какого-нибудь сатанинского символа, вырезанного на теле жертвы, или слова, или стихотворной строчки, написанной кровью на стене. Эта прибитая гвоздем картинка была похожа на такую визитную карточку, правда она была еще более необычной, чем то, о чем ему доводилось читать или слышать за свою жизнь.

Он почувствовал приступ тошноты. В доме он не обнаружил никаких следов насилия, но еще предстояло заглянуть в примыкающий к дому гараж. Возможно, он найдет Валери на холодном цементном полу в таком же точно виде, как представлял мысленно, – лицо чуть повернуто, глаза широко раскрыты, на лице следы крови.

Он понимал, что делает поспешные выводы. В последние годы рядовые американцы все время живут в постоянном страхе перед бессмысленной и необъяснимой жестокостью, но Спенсер острее многих воспринимал темные стороны современной жизни. Ему пришлось пережить боль и страх, которые оставили свой след, и теперь он повсюду ожидал встретить насилие – это было так же неизбежно, как чередование восхода и заката.

Он отвернулся от таракана, размышляя, хватит ли у него духу осмотреть гараж, но тут окно спальни резко распахнулось и между занавесками пролетел небольшой черный предмет. С первого взгляда ему показалось, что это граната.

Инстинктивно он выключил фонарик, еще когда осколки стекла падали на пол. Граната в темноте глухо шмякнулась о ковер.

Спенсер не успел и пошевелиться, как раздался взрыв. Не было ни света, ни грохота, лишь пронзительный звук и картечь, вонзающаяся во все тело – от ног до лба. Он закричал, упал. Он корчился и извивался. Боль была всюду – в руках, ногах, лице. Тело было немного защищено курткой. Но руки! О боже, руки! Он пошевелил пылающими пальцами. Дикая боль. Сколько же пальцев ему оторвало? Сколько костей раздробило? Боже, боже! Руки его свело от боли, но одновременно ему казалось, что пальцы онемели, поэтому он никак не мог понять, какие повреждения получил.

Но хуже всего была дикая боль во лбу, на щеках, в левом углу рта. Адская боль. Пытаясь успокоить ее, он закрыл лицо руками. Он боялся дотронуться до лица, боялся нащупать что-либо ужасающее, но его руки так сильно болели и дергались, что он так и не понял, что с лицом.

Сколько же еще шрамов появится у него – сколько еще этих бледных или уродливо-красных полос обезобразят его лицо от лба до подбородка?

Скорее выбраться отсюда, попросить о помощи.

Еле ворочаясь, он, как раненый краб, пополз в темноте. Он плохо соображал, где находится, и был сильно испуган, но все же двигался в нужном направлении, перемещаясь по полу, усыпанному чем-то, похожим на мелкие камешки, в сторону двери. Наконец ему удалось встать.

Он решил, что стал жертвой каких-то бандитских разборок из-за территории. Преступность в Лос-Анджелесе в девяностых ничуть не уступала тому, что было в Чикаго во времена «сухого закона». Современные молодежные банды более жестоки и лучше вооружены, чем мафия, а кроме того, они накачаны нар-котиками и в своих расистских выступлениях проявляют чудовищную жестокость.

С трудом дыша и нащупывая дорогу разрывающимися от боли руками, он выбрался в коридорчик. Он почувствовал резкую боль в ногах и чуть не потерял равновесие. Ему было трудно держаться на ногах – как будто он стоял во вращающемся бочонке в луна-парке.

Послышался треск разбивающихся окон в других комнатах и несколько последовавших за этим приглушенных взрывов. Однако в коридоре не было окон, так что на этот раз он не пострадал.

Несмотря на растерянность и страх, Спенсер вдруг понял, что не чувствует запаха крови. И вкуса ее тоже не чувствует. Другими словами, никакого кровотечения у него нет.

Вдруг он понял, что произошло. Никакая это не бандитская разборка. Картечь не нанесла ему серьезных ран, значит это не настоящая картечь. Это твердые резиновые пули. И граната тоже не настоящая, а с пластиковыми пулями. Такие гранаты имеются только в распоряжении служб безопасности. Он сам пользовался ими. Очевидно, несколько секунд назад какая-нибудь группа захвата пыталась совершить налет на этот дом и использовала эти гранаты, чтобы вывести из строя находящихся в доме.

Несомненно, мебельный фургон являлся прикрытием для нападавших. И ему не помешало бы, когда он заметил там какое-то движение.

Ему следовало бы успокоиться. Этот налет был делом рук местной полиции, отдела по борьбе с наркотиками, ФБР или еще какой-либо службы безопасности. Очевидно, он оказался в центре одной из их операций. Он знал, что надо делать в таких случаях. Если он ляжет на пол лицом вниз, положив руки на голову и растопырив пальцы, чтобы было видно, что в них ничего нет, в него не будут стрелять. Они наденут на него наручники, станут его допрашивать, но не убьют и не покалечат.

Правда, дело в том, что ему было запрещено здесь находиться. Он нарушил право собственности. Они могут принять его за грабителя. Все его объяснения относительно того, почему он здесь оказался, покажутся им в лучшем случае неправдоподобными. Черт побери, они решат, что это полная чушь. Он и сам не мог понять – почему его так зацепила эта Валери, почему он хотел узнать о ней, почему у него хватило нахальства и глупости войти в этот дом.

Он не лег на пол. На ватных ногах он заковылял по темному коридору, придерживаясь рукой за стенку.

Эта женщина была вовлечена в какую-то незаконную деятельность, и сначала полицейские – или кто они там – решат, что он тоже связан с нею. Его задержат, будут допрашивать, возможно, даже накажут за помощь и содействие Валери в том, в чем ее обвиняют.

Они узнают, кто он такой.

Репортеры разносят все о его прошлом. Его физиономия появится в журналах и на экранах телевизоров. Он прожил немало лет в спасительной безвестности, никто не знал его нового имени, его внешность сильно изменилась со временем, и его невозможно было узнать. Но теперь этому придет конец. Он опять окажется в центре внимания, под лучами прожекторов, вокруг него вечно будут крутиться репортеры, каждый раз, появляясь на публике, он будет слышать шепоток за своей спиной.

Нет. Это невыносимо. Он больше этого не выдержит. Уж лучше умереть.

Эти люди, скорее всего, полицейские какого-нибудь из подразделений, а он не виновен ни в каком серьезном преступлении, но в данный момент они против него. Даже не желая того, они могут сломать ему жизнь, просто сообщив о нем прессе.

Опять раздался звон стекла – еще два взрыва.

Люди из группы захвата обычно ни перед чем не останавливаются, если полагают, что имеют дело с наркоманами, одуревшими от какой-нибудь травки или еще кое-чего похуже.

Спенсер добрался до середины коридорчика и теперь стоял между двумя дверьми. За правой дверью серел полумрак – это столовая. Значит, слева – ванная.

Он вошел в ванную, закрыл дверь в надежде выиграть хоть немного времени и разобратся в происходящем.

Резкая боль в лице, руках и ногах начинала понемногу успокаиваться. Он несколько раз быстро сжал и разжал кулаки, чтобы наладить кровообращение в руках.

В противоположном конце дома раздался треск такой силы, что дрогнули стены. Очевидно, они выломали входную дверь.

Еще один мощный удар. Дверь на кухню.

Они были в доме.

Они приближались.

У него не было времени на размышления. Необходимо было действовать, полагаясь только на свой инстинкт и на военную подготовку, которая, как он надеялся, была не хуже той, которой обладали ворвавшиеся сюда люди.

На задней стене помещения, прямо над ванной, чернота прерывалась сероватым прямоугольником. Он залез в ванную и обеими руками быстро ощупал раму окна. Он не был уверен, что сможет вылезти через него, однако это был единственный путь к спасению.

Если бы окно было закрыто жалюзи или даже просто как следует закреплено, он бы оказался в западне. К счастью, ординарная рама окошка держалась на рояльных петлях и открывалась вовнутрь. Он потянул за щеколду, и поддерживавшие фрамугу боковые скобы с тихим щелчком распрямились, окно полностью открылось.

Он боялся, что тихий скрип и щелчок привлекут внимание людей возле дома. Однако шум дождя заглушил звуки. Никто не поднял тревоги.

Спенсер ухватился за оконный карниз и подтянулся к отверстию. В лицо ему плеснули холодные струи дождя. Влажный воздух был насыщен сильным запахом земли, жасмина и травы.

Задний двор казался гобеленом, сотканным из черных и мрачных темно-серых нитей, рисунок которого размыл дождь. По крайней мере один человек – а скорее всего, два – из группы захвата должен был бы наблюдать за этой частью дома. Однако, хотя зрение у Спенсера было достаточно острым, он не смог различить среди узоров гобелена что-либо, напоминающее человеческие силуэты.

Было мгновение, когда ему показалось, что его плечи не протиснутся в отверстие, однако он весь сжался и буквально вывернулся наружу. Земля была не очень далеко, так что он спрыгнул вниз без особых затруднений. Он прокатился по мокрой траве и замер, лежа на животе, чуть приподняв голову и безуспешно стараясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте.

Растения на клумбах и деревьях, отделявшие соседний участок, сильно разрослись. Несколько старых инжирных деревьев, которые давно не подрезали, возвышались массивными башнями.

Просвечивающее между густой листвой небо уже не было черным. Огни огромного города, отражаясь в плотных облаках, окрасили небо в мрачно-желтый цвет, переходящий в темно-серый на западе, над самым океаном.

Хотя Спенсер не впервые наблюдал такое неестественное освещение, оно наполнило его каким-то мистическим страхом и предчувствием беды, как будто под этим зловещим сводом людям грозила неминуемая гибель, которая всех приведет в ад. Было только удивительно, как при этом мрачном освещении двор оставался таким же темным, но он мог поклясться, что чем больше он вглядывался во тьму, тем чернее она казалась.

Боль в ногах утихала понемногу, руки по-прежнему еще ныли, но он мог ими действовать, лицо тоже горело меньше.

Внутри темного дома раздалась короткая автоматная очередь. Один из копов, наверное, был до смерти рад дорваться до оружия и палил по теням. Странно. Обычно в отряды специального назначения брали людей с крепкими нервами.

Спенсер сделал бросок по мокрой траве в спасительную тень старого фикуса. Встав на ноги и прижавшись спиной к стволу, он осмотрелся: газон, кусты, ряд деревьев, ограничивавших участок, – все это придавало уверенности в том, что ему удастся выбраться из этой переделки, однако не менее он был уверен и в том, что его заметят сразу же, как только он ступит на открытое пространство.

Беспрерывно сжимая и разжимая кулаки, чтобы снять боль, он решил, что будет лучше всего забраться на дерево и спрятаться в его густой листве. Да нет, это бесполезно. На дереве они найдут его, они не уйдут, пока не обшарят каждый кустик, каждое растение – высокое или низкое.

В доме слышались голоса, хлопали двери. После выстрелов там уже и не пытались действовать тихо и осторожно. Однако света не зажигали.

Времени у него в запасе не было.

«Арест, раскрытие имени, камеры, репортеры, вопросы... Нет, это невыносимо».

Он мысленно отругал себя за свою нерешительность.

Дождь стучал по листьям у него над головой.

«Статьи в газетах, в журналах, опять вернется это проклятое прошлое, толпы незнакомых людей будут глазеть на него как на ходячую железнодорожную катастрофу».

Сердце стучало все сильнее, страх его возрастал в таком же бешеном темпе.

Он не мог пошевелиться. Его как будто парализовало.

Впрочем, это оцепенение сослужило ему хорошую службу, когда мимо дерева проскользнул человек в черном, с автоматом, похожим на «узи». Хотя он был всего лишь в нескольких метрах от Спенсера, все его внимание было поглощено домом; по-видимому, он ожидал, что из окна кто-то вот-вот выскочит прямо в ночь, и не подозревал, что интересующая его личность находится в нескольких шагах от него. Однако человек заметил открытое окно в ванной комнате и замер.

Спенсер начал действовать прежде, чем человек успел повернуться. Бойцов из отрядов специального назначения нелегко оглушить – будь он из местной полиции или федеральной службы. Вырубить его быстро и без шума можно, только нанеся ему сильный и, главное, неожиданный удар.

Спенсер что есть мочи ударил копа правым коленом в пах, вкладывая в этот удар всю свою силу.

Некоторые отряды перед операцией обычно надевают специальные суспензории с алюминиевыми чашечками, а также бронежилеты. Однако этот парень не был ничем защищен. Он вскрикнул, но сквозь дождь и мглу этот крик не был слышен уже на расстоянии трех метров.

Двинув коленом, Спенсер одновременно двумя руками ухватился за автомат, резко поворачивая его, чтобы выдернуть из рук бойца, прежде чем тот сможет нажать на спуск и предупредить об опасности.

Тот упал на мокрую траву. Спенсер, не удержав равновесия, рухнул прямо на него.

Хотя коп и пытался закричать, но от адской боли потерял голос. Ему трудно было даже вздохнуть.

Спенсер мог бы засунуть его оружие – короткоствольный автомат, насколько он мог судить в темноте, – прямо в горло своему противнику и, раздробив его трахею, заставить его захлебнуться собственной кровью. А сильным ударом в лицо он сумел бы раздробить его нос так, чтобы осколки вонзились в мозг.

Однако он не хотел никого ни убивать, ни калечить. Ему просто нужно было время, чтобы смыться отсюда подальше. Он ударил копа прикладом в висок, не очень сильно, но достаточно для того, чтобы бедняга отключился.

На поверженном были очки ночного видения. Отряд особого назначения проводил свою операцию в полном техническом оснащении, поэтому-то и не понадобилось зажигать огни в доме. Они видели в темноте, как кошки, а Спенсер был мышью.

Он откатился в сторону, затем приподнялся, держа в руках автомат. Это был «узи» – он узнал его по форме и весу. Он повел стволом сначала влево, потом вправо, ожидая увидеть еще кого-либо. Но никого не было.

С того момента, как человек в черном проскользнул мимо дерева, прошло не более пяти секунд.

Спенсер бросился через газон, подальше от дома, прямо в заросли цветов и кустов. Ноги путались в траве. Твердые стебли азалий били по ягодицам, цеплялись за джинсы.

Он бросил автомат. Он не собирался ни в кого стрелять. Даже если его арестуют и отдадут на растерзание газетчикам и репортерам, он скорее сдастся, чем станет стрелять.

Он продрался сквозь кусты между деревьями, пробежал мимо миртового деревца с его белыми, светящимися во тьме цветами и оказался возле стены, разделяющей участки.

До спасения оставался лишь один шаг. Если они и обнаружат его, то не станут стрелять в спину. Они окликнут, назовутся, прикажут ему не шевелиться и схватят его, но стрелять не станут.

Бетонный оштукатуренный забор около ста восьмидесяти сантиметров высотой был украшен сверху коническим кирпичом, ставшим скользким от дождя. Спенсер ухватился как следует и подтянулся, упираясь в стенку ногами, обутыми в кроссовки.

Он навалился животом на холодные кирпичи и только подтянул ноги, как позади раздалась автоматная очередь. Пули ударили в бетонный забор совсем рядом, так что осколки бетона попали ему в лицо.

Никто не окликнул, не предупредил о выстреле.

Он перекатился через стену и оказался в соседнем дворе. В эту секунду опять раздалась автоматная очередь – на этот раз длиннее прежней.

Автоматы в жилом квартале. Это какое-то безумие. Что же за отряд там действует?

Он упал прямо в розовые кусты. Стояла зима, розы были подрезаны, однако даже зимой в Калифорнии достаточно тепло, чтобы на кустах еще держалась зелень. Колючие ветки цеплялись за одежду и царапали кожу.

Послышались голоса по ту сторону забора, приглушенные шумом дождя:

– Вот сюда, давай быстрее!

Спенсер вскочил на ноги и помчался вперед, не обращая внимания на колючки. Одна из них сильно царапнула непокалеченную щеку и запуталась в волосах, как бы образуя над его головой корону. Он с трудом, раздирая руки в кровь, освободился от нее.

Он находился в саду возле соседнего дома. На первом этаже горел свет. За окном, усеянным дождевыми каплями, появилось лицо. Молодая девушка. Спенсер понимал, что подвергнет ее смертельной опасности, если не уберется отсюда до появления своих преследователей.

Пробежав какими-то дворами, преодолев не один забор, проплутав множеством тупиков и дорожек, так и не зная, удалось ли ему оторваться от преследователей или они продолжают гнаться за ним, Спенсер все же наконец нашел ту улицу, где оставил свой «эксплорер». Он подбежал к машине и дернул за ручку.

Заперта, разумеется.

Он стал искать ключи по карманам. Нет. Он мог только надеяться, что не потерял их по дороге.

Рокки наблюдал за ним из окна. Очевидно, ему казались забавными все усилия Спенсера найти ключи в своих карманах. Он улыбался.

Спенсер бросил взгляд назад, на пустынную улицу. Никого.

Ага, вот еще один карман. Ух, наконец-то! Он нажал на кнопку дистанционного управления. Раздался сигнал, замок щелкнул. Открыв дверь, он забрался в машину.

Когда он попытался включить двигатель, ключи выскочили из его мокрых пальцев и упали на пол.

– А, черт!

Чувствуя тревогу и страх хозяина, Рокки робко забился в угол и прижался к дверце. Он издал какой-то тоненький звук – как будто тоже выражал беспокойство.

Руки Спенсера все еще болели от резиновых пуль, хотя онемение прошло, однако все же казалось, он целый час шарил по полу в поисках ключей.

Может быть, лучше лечь на сиденье, чтобы его не было видно, а Рокки спрятать на полу. Подождать, когда полицейские подойдут... а потом пройдут мимо. Если же они появятся в тот момент, когда он станет отъезжать, они сразу заподозрят, что именно он и был в доме Валери, и так или иначе задержат его.

С другой стороны, он оказался замешанным в какую-то крупную операцию, где задействовано много человек. Они просто так не отступят. Пока он будет прятаться в машине, они перекроют весь район и устроят облаву. Они также будут осматривать все стоящие на улице машины, заглядывать в окна, его сразу же высветят фонариком, и тут уж ему никуда не деться.

Двигатель включился со страшным шумом.

Он дернул ручной тормоз, перевел скорость и отъехал от обочины, одновременно включая дворники и фары. Он оставлял машину неподалеку от перекрестка, поэтому сразу же развернул ее в обратном направлении.

Он посмотрел в зеркало заднего обзора, потом бокового. Никаких вооруженных людей в черной форме.

Через перекресток промчались несколько машин, направляясь на юг, где улица пересекалась с шоссе. Брызги из-под колес летели во все стороны.

Даже не остановившись на красный свет, Спенсер повернул направо и влился в поток машин, двигаясь в южном направлении подальше от дома Валери. Ему все время хотелось увеличить скорость до предела. Однако он боялся, что его задержат за ее превышение.

«Что же произошло?» – в смятении думал он.

Собака тихонько взвыла в ответ.

«Что же она такое могла сделать, что они разыскивают ее?»

Вода стекала ему на лоб и попадала в глаза. Он промок до нитки. Он потряс головой, и холодные капли полетели с его волос, забрызгивая щиток управления, обивку сиденья и собаку.

Рокки фыркнул.

Спенсер включил печку.

Он проехал пять кварталов и дважды сменил направление, прежде чем почувствовал себя в безопасности.

«Кто же она такая? Что же она сделала такого?»

Рокки почувствовал изменение в настроении хозяина. Он уже больше не сидел, съездившись, в углу, а занял свое обычное место посередине сиденья, и хотя немного еще нервничал, но уже не испытывал страха. Он внимательно изучал мокрый от дождя город и Спенсера, отдавая, однако, предпочтение последнему, и время от времени поднимал одно ухо и вопросительно взглядывал на хозяина.

– Господи, и чего это меня туда понесло? – вслух произнес Спенсер.

Хотя из печки шел горячий воздух, его не переставало трясти. Однако он дрожал не только от холода, и никакое тепло не помогло бы унять эту дрожь.

«Мне там нечего было делать, зачем я пошел? Может быть, ты, приятель, знаешь, чего меня туда понесло? Мм? Потому что, убей бог, я и сам этого не пойму. Это была такая глупость!»

Он сбросил скорость, чтобы пересечь перекресток, залитый водой, на поверхности которой плавал всевозможный мусор.

Лицо его горело. Он взглянул на Рокки.

Он только что солгал псу.

Давным-давно он поклялся никогда не лгать себе самому. Он оставался верным своей клятве немногим больше, чем это делает пьянчужка, когда перед Новым годом дает себе торжественное обещание никогда не притрагиваться к проклятому зелью. По правде говоря, он менее многих поддавался искушению самообмана и самоиллюзий, но все же нельзя было утверждать, что он всегда говорил себе правду. Или даже что он всегда хотел ее знать. В сущности, он только старался быть правдивым с самим собой, но частенько принимал за истину полуправду или лишь намек на истину – и жил вполне спокойно и с этой полуправдой, и с намеками.

Но он никогда не лгал своему псу.

Никогда.

Между ними были самые искренние и честные отношения, которые только возможны между живыми существами, для Спенсера это значило очень много. Да что там много – для него это было свято.

Рокки, с его большими выразительными глазами, честным сердцем, буквально раскрывавший душу, используя лишь язык движений, главным образом виляя хвостом, не был способен на обман. Если бы он умел говорить, то был бы совершенно открытым при его абсолютной бесхитростности. Лгать собаке – это даже хуже, чем лгать ребенку. Черт возьми, даже если бы он солгал Богу, он бы не чувствовал себя так скверно, поскольку Бог ожидает от него меньше, чем бедняга Рокки.

Никогда не лги псу.

– Хорошо, – произнес он, останавливаясь перед красным светом светофора, – предположим, я знаю, зачем пошел к ней домой. – Рокки с интересом посмотрел на него. – Хочешь, чтобы я тебе сказал? – Пес ждал. – Тебе это так важно – чтобы я сказал тебе? – Собака фыркнула, облизнулась и склонила набок голову. – Хорошо, я пошел туда, потому что... – Собака внимательно смотрела ему в лицо. – ...потому что она очень приятная и симпатичная женщина.

Дождь по-прежнему барабанил по крыше машины. Безостановочно щелкали дворники.

– Да, она хорошенькая, но нельзя сказать, что красавица. Нет, не красавица. Просто в ней есть что-то... что-то такое. Она какая-то особенная. – Мотор стучал вхолостую. Спенсер вздохнул и произнес: – Ладно уж, на сей раз скажу всю правду. Все как есть, ладно? Больше не буду ходить вокруг да около, ладно? Я пошел в ее дом, потому что...

Рокки смотрел на него немигающим взглядом.

– ...потому что я хотел найти жизнь.

Собака отвернулась от него и стала смотреть вперед. Очевидно, его объяснение вполне ее удовлетворило.

Спенсер стал думать над словами, произнесенными в попытке быть откровенным с Рокки. «Я хотел найти жизнь».

Он и сам не знал, смеяться ему или плакать. В конце концов он не сделал ни того ни другого. Он просто поехал вперед, то есть сделал то, что делал все эти последние шестнадцать лет.

Включился зеленый.

Рокки теперь смотрел только вперед, и Спенсер ехал домой сквозь дождливую ночь, сквозь одиночество огромного города, под странно расцвеченным небом, которое было желтым, как желток, серым, как пепел крематория, и зловеще черным на самом горизонте.

Глава 2

В девять часов, после провала в Санта-Монике, Рой Миро возвращался в свою гостиницу в Вествуде и обратил внимание на «кадиллак», стоящий на обочине шоссе. Красные вспышки аварийных огней дождевыми змейками отсвечивали на мокром ветровом стекле. Заднее колесо со стороны водителя было спущено.

За рулем сидела женщина, очевидно ожидающая помощи. Кроме нее, в машине как будто никого больше не было.

Рой с беспокойством подумал, каково женщине оказаться одной в подобной ситуации, в любом районе Лос-Анджелеса. В наше время этот Город ангелов уже не то спокойное место, которым был когда-то. И весьма сомнительно, что в пределах города можно найти хоть одного человека, живущего по-ангельски. Дьявольски – это сколько угодно. Этого хоть пруд пруди.

Он остановился на обочине впереди «кадиллака».

Ливень был еще сильнее, чем днем. Казалось, его гонит с океана сильнейший ветер. Серебристые струи, колеблющиеся под порывами ветра, напоминали очертания какого-то призрачного корабля во мраке ночи.

Он взял с пассажирского сиденья пластиковый капюшон и натянул на голову. Как всегда в плохую погоду, на нем были плащ и боты, но он знал, что и несмотря на непромокаемую одежду все равно промокнет. Однако у него хватило совести не проехать мимо застрявшей машины как ни в чем не бывало.

Пока Рой шел к «кадиллаку», проезжавшие мимо машины обдавали его грязной водой, и промокшие брюки прилипли к ногам. Ничего, все равно костюм пора отдавать в чистку.

Когда он подошел к машине, женщина не опустила стекло.

С опаской взглянув на него, она инстинктивно проверила, заперта ли дверца.

Ее подозрительность не оскорбила его. Она прекрасно знала нравы этого города, и ее осторожность была вполне понятной.

Он крикнул, чтобы она могла услышать его через закрытое окно:

– Вам не нужна помощь?

В руках у нее был радиотелефон.

– Я позвонила на станцию техобслуживания. Сказали, что пришлют кого-нибудь.

Рой взглянул на поток машин,двигающихся в восточном направлении.

– И давно вы уже ждете?

Чуть помедлив, она ответила:

– Целую вечность.

– Я вам сменю колесо. Вам не нужно выходить из машины или давать мне ключи. Я знаю эту машину – я ездил на такой. Там у вас есть кнопка замка багажника. Нажмите на нее, чтобы я смог достать домкрат и запаску.

– Вас могут сбить, – сказала она.

На узкой обочине было маловато места для маневра, а машины проносились совсем рядом.

– У меня есть аварийные фонари, – ответил он.

Прежде чем она успела что-либо возразить, Рой вернулся к своей машине и вытащил из аварийного набора все шесть лампочек. Он распределил их вдоль шоссе за пять-десять метров от «кадиллака», перекрыв первый ряд.

Конечно, если выскочит пьяный водитель, то тут не спасет никакая предосторожность. А в наше время, кажется, трезвых намного меньше, чем одуревших от наркотиков или алкоголя.

Нынче век полной социальной безответственности – именно поэтому Рой и старался, где это было возможно, проявить себя добрым самаритянином. Если хотя бы один человек зажжет свечу, то в мире станет намного светлее. Он искренне верил в это.

Женщина нажала кнопку, и крышка багажника приподнялась.

Рой Миро чувствовал себя сейчас гораздо счастливее, чем весь этот день. С улыбкой на губах делал он свою работу, несмотря на проливной дождь и ветер и грязные брызги от пролетающих мимо машин. Чем больше трудностей, тем больше тебе воздается. Когда он пытался отвернуть тугую гайку, ключ сорвался и больно ударил его по руке. Вместо того чтобы выругаться, он засвистел, и продолжал насвистывать, пока работал.

Когда он закончил, женщина немного опустила стекло, так что ему не пришлось кричать.
– Все в порядке, – сказал он.

Она с растерянным видом принялась было извиняться за то, что сначала не очень-то доверяла ему, но он прервал ее, заверив, что прекрасно ее понимает.

Она была чем-то похожа на мать Роя, и от этого его настроение стало еще лучше. Она была очень симпатичной, лет пятидесяти с небольшим, возможно, старше Роя лет на двадцать, с рыжевато-каштановыми волосами и голубыми глазами. Его мать была темноволосой с глазами цвета ореха, но и мать, и эту женщину роднила какая-то аура необыкновенной доброжелательности и благородства.

– Вот визитная карточка моего мужа, – сказала она, протягивая ее сквозь щель над припущенным стеклом. – Он бухгалтер. Если вам когда-нибудь понадобится помощь в этой области, то вы получите ее бесплатно.

– Я не так уж много сделал, – сказал Рой, беря карточку.

– В наше время встретить такого человека, как вы, – просто чудо. Мне бы надо было звонить не на эту проклятую станцию, а Сэму, но он допоздна работает у клиента. Похоже, мы все работаем круглые сутки.

– Экономический спад, – посочувствовал Рой.

– Господи, когда же он кончится? – посетовала она, роясь в сумочке, как будто искала еще что-то.

Он прикрыл карточку ладонью, чтобы она не промокла, и повернул ее к свету, падавшему от ближайшей лампочки. У мужа этой женщины была контора в Сенчури-Сити, квартиры там стоили баснословно дорого, так что немудрено, что бедняге приходилось работать с утра до ночи, чтобы держаться на плаву.

– А вот моя карточка, – сказала женщина, вынимая ее из сумочки и протягивая ему.

Пенелопа Беттонфилд. Художник по оформлению помещений, 213-555-6868.

– Я работаю дома. Раньше у меня была своя контора, но теперь, при этом спаде... – Она вздохнула и улыбнулась ему через полуоткрытое окно. – Тем не менее, если я могу быть вам чем-нибудь полезна...

Он вытащил из бумажника одну из своих карточек и протянул ей. Она еще раз поблагодарила его, закрыла окно и уехала.

Рой пошел назад к своей машине, собирая по дороге лампы, чтобы больше не мешать движению.

Усевшись в машину и снова двинувшись на восток в сторону своей гостиницы в Вествуде, он был счастлив, что сумел сегодня зажечь свою свечу. Иногда он переставал понимать, осталась ли у современного общества хоть какая-нибудь надежда, или же оно постепенно скатывается вниз, в пучину насилия и стяжательства; но затем ему встречался человек типа Пенелопы Беттонфилд, с ее милой улыбкой и аурой доброты и благородства, и он чувствовал, что все же можно еще на что-то надеяться. Она доброжелательный человек и оплатит за его доброту, проявив доброту еще к кому-нибудь.

Однако, несмотря на встречу с миссис Беттонфилд, его благодушное настроение вскоре испарилось. К тому времени как он съезжал с основной автострады на дорогу, ведущую в Вествуд, его охватила печаль.

Повсюду наблюдались признаки социальной деградации. Надписи, сделанные аэрозольными красками, обезображивали остатки стены вдоль отходящего в сторону шоссе, покрывали некоторые дорожные знаки, делая их непонятными, – и все это было в окрестностях города, который раньше не ведал о подобном тупом вандализме. Мимо промелькнул какой-то бездомный, толкающий перед собой тележку с жалкими пожитками под проливным дождем, лицо его было лишено всякого выражения, он был похож на зомби, бредущего по лабиринтам ада.

У светофора рядом с машиной Роя остановилась машина, набитая злобного вида юнцами, – бритоголовые, с блестящей серьгой в одном ухе, они с подозрением воззрились на него, очевидно пытаясь решить, не похож ли он на еврея. Они осыпали его грязной бранью, старательно произнося ругательства, чтобы он мог если и не расслышать, то прочитать их по губам.

Он проехал мимо кинотеатра, где шла сплошная дрянь. Насилие и жестокость в самом диком ее проявлении. Извращенный и грязный секс. Эти фильмы снимали известные студии, и в них играли знаменитые актеры, но все равно это была грязь.

Постепенно его мысли под влиянием встречи с миссис Беттонфилд приобрели другое направление. Он вспомнил, что она говорила о спаде, о том, как много им с мужем приходится работать, о тяжелом экономическом положении, из-за которого ей пришлось закрыть свою контору и продолжать работать на дому. А она такая приятная дама. Он расстроился из-за того, что ей приходится переживать финансовые трудности. Как и все, она является жертвой системы, пленницей общества, заполненного наркотиками, оружием и лишенного доброты, сочувствия, преданности высоким идеалам. Она заслуживала лучшего.

К тому времени, когда Рой добрался до своей гостиницы, ему уже расхотелось идти к себе, с тем чтобы заказать ужин в номер и лечь спать – как он планировал раньше. Он проехал мимо гостиницы, добрался до бульвара Сансет, свернул налево и немного покрутился на перекрестках.

Наконец он остановил машину у обочины в двух кварталах от университета, но двигатель выключать не стал. Он перебрался на пассажирское сиденье, где руль не мешал ему действовать.

Телефон был заряжен, он выдернул вилку из прикуривателя.

С заднего сиденья взял кейс. Открыл его и вытащил компьютер со встроенным модемом. Присоединил его к прикуривателю и включил. Засветился экран дисплея. На нем появился основной перечень, из которого он сделал выбор.

Он подключил сотовый телефон к модему, который и соединил его со вдвоенным компьютером «Грей» в его конторе. Через несколько секунд включилась связь, и пошел обычный перечень вопросов, начавшийся с трех слов, которые засветились на экране: «Кто сюда подключен?»

Он нажал на кнопки, указывая свое имя: «Рой Мир».

«Ваш номер?»

Рой дал свой личный номер.

«Пожалуйста, сообщите ваш личный код».

«Пух», – набрал он. Это имя симпатичного героя книжки – любителя меда, неунывающего медвежонка – он в свое время предпочел для кода.

«Предъявите, пожалуйста, отпечаток большого пальца правой руки».

В правом верхнем углу экрана появился белый квадрат, сантиметров по пять в длину и высоту. Рой прижал к нему большой палец и подождал, пока датчики монитора смоделируют рисунок его кожи, направляя на нее пучки лучей. Через минуту раздался негромкий сигнал,

свидетельствующий о том, что проверка закончена. Когда он убрал палец, в центре квадрата остался четкий черно-белый отпечаток. Еще через несколько секунд изображение исчезло – оно было закодировано и по телефонной связи передано на компьютер в конторе, где электронное устройство сравнило его с оригиналом, хранившимся в файле, и подтвердило.

Рой имел доступ к гораздо более сложной технике, чем обычный служащий с окладом в несколько тысяч долларов и адресом ближайшего магазина электронной техники. Электронные устройства, подобные тем, что были в его кейсе, равно как и программы, заложенные в компьютер, не продавались широкой публике.

На дисплее появились слова: «Подтверждается доступ к „Маме“».

«Мама» – так назывался компьютер в его офисе, расположенном в пяти тысячах километров отсюда на Восточном побережье, и посредством сотового телефона Рой имел возможность пользоваться всеми его программами. На экране появилось длинное меню. Он просмотрел его и выбрал программу под названием «Местонахождение».

Он набрал телефонный номер и нужную улицу.

Ожидая, пока «Мама» найдет данные по телефонным компаниям и выдаст список, Рой рассматривал потрепанную грозой улицу. На ней не было видно ни единой машины, ни единого пешехода. В некоторых домах огни были погашены, окна других казались тусклыми от плотных и нескончаемых потоков дождя. Можно было подумать, что произошла какая-то тихая, ни на что не похожая катастрофа – конец света, – которая унесла человеческие жизни, оставив нетронутыми лишь плоды деятельности человека.

Нет, подумал он, настоящий конец света еще только наступает. Рано или поздно начнется страшная война: народ пойдет на народ, раса на расу, религия на религию, а идеология на идеологию – все столкнется в неистовой схватке. Человечество движется к смуте и саморазрушению с той же неотвратимостью, с какой Земля совершает свое обращение вокруг Солнца.

Ему стало еще тоскливее.

На экране дисплея под номером телефона появилось имя. Однако адреса не было – он не был занесен в список по просьбе клиента.

Рой дал инструкцию головному компьютеру проверить все телефонные компании, имеющие электронное оборудование, а также их квитанции на закупку, чтобы найти адрес. Такое проникновение в закрытую информацию считалось незаконным, если на это не было разрешения суда, но «Мама» действовала чрезвычайно осторожно. Поскольку все компьютерные системы в государственной телефонной сети уже находились в указателе субъектов, подвергавшихся ранее несанкционированному вторжению «Мамы», она могла буквально за считанные мгновения вторгнуться в них, изучить их, найти нужную информацию и выйти из системы, не оставив ни малейшего следа своего пребывания там. «Мама» была привидением в их компьютерных системах.

Через несколько секунд на экране появился адрес одного из домов в Беверли-Хиллз.

Он убрал изображение с экрана и попросил «Маму» показать схему улиц Беверли-Хиллз. Через несколько секунд она вылезла на экран. Но изображение было слишком мелким, и ничего нельзя было разобрать.

Рой набрал только что полученный адрес. На экране возник квадрат, представлявший для него интерес, а затем часть этого квадрата. Нужный ему дом находился лишь в нескольких кварталах от него, к югу от бульвара Уилшир, в менее престижной части Беверли-Хиллз, и найти его не представляло труда.

Он набрал: «Пух отключился» – и тем самым отключил свой портативный терминал от «Мамы», находившейся в своем прохладном, сухом убежище в Виргинии.

Большой кирпичный дом, покрашенный белой краской, с зелеными ставнями стоял за белым забором из штакетника. На полянке перед домом возвышались два огромных голых платана.

В окнах горел свет, но только в задней части дома и только на первом этаже.

Стоя у входной двери, защищенной от дождя большим портиком с высокими белыми колоннами, Рой слышал, как в доме играет музыка – пела группа «Битлз»: «Когда мне будет шестьдесят четыре». Ему было тридцать три, «Битлз» были в моде еще до его рождения, но ему нравились их песни, поскольку в их мелодиях слышались искренность и доброта.

Тихонечко подпевая парням из Ливерпуля, Рой просунул в дверную щель свою кредитную карточку. Он чуть потянул вверх и открыл один – не столь сложный – замок из двух имевшихся. Он продолжал держать карточку, чтобы пружина не выскочила из паза.

Для того чтобы открыть мощный замок с засовом, ему понадобился более серьезный инструмент, чем кредитная карточка, – револьвер для открывания замков «локейд», который продается только служащим органов правопорядка. Он всунул тонкий ствол револьвера в замочную скважину и нажал на курок. В «локейде» щелкнула пружина, и выскочивший острый кончик надрезал один из стальных брусков. Ему пришлось нажать на курок раз шесть, прежде чем замок полностью открылся.

Стук молоточка по пружине и удар острия по металлу были не очень громкими, однако он был благодарен за шумовое прикрытие со стороны «Битлз». Когда он открыл дверь, песня как раз кончилась. Он подхватил свою кредитную карточку, прежде чем она успела упасть на пол, и, замерев, ожидал, когда начнется следующая песня. При первых звуках «Прекрасной Риты» он перешагнул через порог.

Положив пистолет на пол, справа от двери, он тихо закрыл за собой дверь.

В прихожей было темно. Он стоял, прижавшись к двери спиной, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

Когда появилась уверенность, что сможет двигаться, не натыкаясь на мебель, он пошел из комнаты в комнату, вглубь дома, туда, где горел свет.

Ему было жаль, что его одежда так сильно промокла, а боты были такими грязными. Наверное, он здорово испачкал ковер.

Она была на кухне и промывала листья зелени, стоя у мойки, спиной к двери, через которую он вошел. Судя по овощам, разложенным на столе, она собиралась делать салат.

Он осторожно прикрыл дверь, не желая испугать ее. Он не знал, стоит ли ее предупредить о своем присутствии. Он хотел, чтобы она поняла, что он друг, проявляющий о ней заботу, а не чужак с дурными намерениями.

Она выключила воду и положила салат в пластиковый дуршлаг, чтобы стекла вода. Вытирая руки о посудное полотенце, она обернулась и тут-то, под последние аккорды «Прекрасной Риты», и увидела его.

У миссис Беттонфилд взгляд был удивленный, но не испуганный – по крайней мере сначала, – что, как он знал, было вызвано его чрезвычайно добродушной и симпатичной физиономией. У него было пухлое с ямочками лицо без малейшего признака растительности, гладкое, как у мальчика. Благодаря невинным голубым глазкам и приветливой улыбке из него лет через тридцать получится настоящий Санта-Клаус. Он верил, что его добродушный характер и искреннее сочувствие людям отражались и в его внешности, поскольку незнакомые люди сразу же начинали симпатизировать ему, а для этого одного доброжелательного выражения лица было бы мало.

И, видя, что ее удивленный взгляд готов скорее перейти в приветливую улыбку, чем в гримасу страха, он поднял свою «Беретту 93-Р» и дважды выстрелил ей в грудь. К стволу был привинчен глушитель, поэтому раздались лишь глухие хлопки.

Пенелопа Беттонфилд упала на пол и теперь лежала на боку, все еще сжимая в руках посудное полотенце. Глаза ее были открыты и устремлены на его мокрые и грязные боты.

«Битлз» начали песню «Доброе утро, доброе утро». Очевидно, это был альбом «Сержант Пеппер».

Он прошел в другой конец кухни, положил пистолет на стол и нагнулся над миссис Беттонфилд. Он снял кожаную перчатку и дотронулся пальцами до ее горла, нащупывая пульс. Она была мертва.

Одна из двух пуль попала прямо в цель и пронзила ей сердце. И поскольку смерть наступила мгновенно и мгновенно же прекратилась циркуляция крови, то кровотечения почти не было.

Это была красивая смерть – быстрая, чистая, безболезненная и не омраченная страхом.

Он опять натянул перчатку и ласково погладил по шее, в том месте, где искал пульс. Поскольку рука уже была в перчатке, он не боялся, что отпечатки его пальцев смогут снять с ее кожи с помощью лазера.

Необходимо было принять меры предосторожности. Не каждый судья и не каждый присяжный сможет понять чистоту и благородство его мотивов.

Он прикрыл ее левый глаз и подождал несколько секунд, пока не убедился, что глаз не откроется.

– Спи спокойно, моя хорошая, – произнес он, и в тоне его слышались сожаление и симпатия, затем он прикрыл ее правый глаз. – Тебе больше не придется волноваться из-за финансовых трудностей, надрываться на работе, переживать и напрягаться. Ты была слишком хороша для этого мира.

Это был и печальный, и в то же время радостный момент. Печальный, потому что ее красота и элегантность больше не будут украшать этот мир, никогда больше ее улыбка никого не подбодрит, не поддержит, ее мягкость и благородство никогда не встанут на пути варварства, захлестывающего это беспокойное общество. Но радостный, потому что уже никогда ей не придется испытывать страх, проливать слезы, знать печаль и боль.

«Доброе утро, доброе утро» сменилась бодрой, синкопированной мелодией «Сержант Пеппер», которая нравилась ему больше, чем первые вещи из альбома; такая жизнерадостная песня была как нельзя кстати для того, чтобы проводить миссис Беттонфилд в лучший мир.

Рой вытащил из-под стола табуретку, сел и снял боты. Он подвернул мокрые и грязные брючины, чтобы ничего здесь не запахнуть.

Но исполнение основной песни альбома длилось недолго, и, когда он снова поднялся, уже звучал «День моей жизни». Это была грустная песня, чересчур грустная для этого момента, необходимо было выключить ее немедленно. Ему просто срочно надо было выключить ее, чтобы не слишком расстраиваться. Он был очень чувствительным человеком, гораздо более восприимчивым, чем многие, к воздействию музыки, поэзии, живописи, хорошей литературы – вообще искусства.

Он нашел музыкальный центр в кабинете. Аппаратура занимала нишу великолепной мебельной стенки. Он выключил музыку и начал шарить в ящиках, где лежали компакт-диски. Ему хотелось продолжить слушать «Битлз», и он выбрал «Ночь после трудного дня», потому что в этом альбоме не было ни одной грустной песни.

Подпевая мелодии, Рой прошел обратно на кухню. Там он поднял миссис Беттонфилд с пола. Она оказалась еще легче, чем он подумал, когда разговаривал с ней через окно машины. Она, очевидно, весила не более сорока килограммов, у нее были узкие запястья, изящная длинная шея, тонкие черты лица. Рой был глубоко тронут хрупкостью этой женщины и нес ее не только с осторожностью и почтением, но и с чувством, похожим на благоговение.

Нажав на выключатель плечом, он пронес Пенелопу в переднюю, затем поднялся с ней наверх, заглядывая по пути во все комнаты, пока не нашел хозяйскую спальню. Там он осторожно положил ее на кушетку.

Он снял и аккуратно сложил покрывало, затем откинул одеяло. Взбил подушки, спрятанные в наволочки из тонкой хлопчатобумажной ткани и отделанные вставками из кружева, – необыкновенно красивые.

Он снял с нее туфли и убрал их в шкаф. Ноги у нее были маленькими, как у девочки-подростка.

Оставив на ней всю одежду, Рой аккуратно положил женщину на кровать, подложив ей под голову две подушки. Он накрыл ее одеялом до середины груди, оставив руки открытыми.

В расположенной рядом со спальней ванной он нашел щетку и расчесал ей волосы. «Битлз» пели «Если я упаду», когда он только положил ее на постель, но теперь, когда он тщательно уложил ее великолепные каштановые волосы вокруг милого лица, они уже заканчивали «Я счастлив танцевать с тобой».

Включив большой бронзовый торшер около кресла, он выключил более резкий верхний свет. Мягкие тени касались лежавшей женщины, как крылья ангелов, спустившихся к ней, чтобы забрать ее из этой юдоли слез в возвышенный мир вечного покоя и блаженства.

Он подошел к туалетному столику в стиле Людовика XVI, отодвинул стоявший перед ним пуфик в том же стиле и поставил его около кровати. Он сел рядом с миссис Беттонфилд, снял перчатки и взял ее руки в свои. Они уже остывали, хотя тепло в них еще было.

Он не мог сидеть здесь долго. Ему было необходимо сделать еще массу вещей, а времени оставалось в обрез. Тем не менее ему хотелось провести несколько умиротворенных минут с миссис Беттонфилд.

Пока «Битлз» пели «И я любил ее» и «Скажи мне почему», Рой с нежностью держал в руке руку своей покойной подруги, не обходя вниманием прекрасную меблировку комнаты, картины и предметы искусства, сочетание теплых тонов в тканях, хотя и различного качества и расцветок, но тем не менее прекрасно гармонирующих.

– Ужасно несправедливо, что тебе пришлось закрыть свою контору, – сказал он Пенелопе. – Ты была прекрасным художником по интерьеру. Нет, серьезно, дорогая. Это действительно так.

«Битлз» всё пели.

Дождь стучал в окна.

Сердце Роя было переполнено высокими чувствами.

Глава 3

Рокки узнал дорогу домой. Время от времени, встречая знакомые приметы, он фыркал от удовольствия.

Спенсер жил не в самом шикарном районе Малибу, однако и здесь была своя прелесть.

Все огромные – комнат в сорок – особняки в средиземноморском и французском стиле, ультрамодные здания, построенные на склоне утеса из стали и дерева, с затемненными стеклами, белоснежные коттеджи, похожие на океанские лайнеры, и невероятных размеров постройки из необожженного кирпича в юго-западном стиле, с перекрытиями из настоящих сосновых балок и уютными – персон на двадцать – частными кинозалами со стереозвуком, располагались на побережье, на крутых склонах между Тихоокеанской автострадой и пляжами на холмах, с которых открывался вид на море.

А дом Спенсера находился к востоку от того места, где обычно проводили съемки наиболее интересных зданий для журналов по архитектуре и строительству. Его район располагался между фешенебельной частью города и довольно грязным, запущенным и малонаселенным кварталом, примыкающим к каньону. Двухрядное шоссе было покрыто бесчисленными заплатами и трещинами, возникавшими из-за постоянных землетрясений. За воротами, сооруженными из труб и цепей, два огромных эвкалипта давали начало аллее протяженностью в двести метров, ведущей к его дому.

К воротам была проволокой прикреплена табличка с выцветшими красными буквами: «Осторожно, злая собака!» Он прикрепил ее сразу же, купив этот дом, задолго до того, как у него поселился Рокки. Тогда у него не было не то что злой, а вообще никакой собаки. Надпись была пустой угрозой, но тем не менее достаточно эффективной. Никто не беспокоил его в этом убежище.

Ворота не открывались автоматически. Ему пришлось выйти под дождь, чтобы отпереть их и запереть снова, когда машина въехала в аллею.

Строение, которое находилось в конце аллеи, нельзя было даже назвать домом, скорее, это была хижина – одна спальня, гостиная и большая кухня. Деревянное сооружение, поставленное на каменный высокий фундамент, чтобы уберечь дерево от термитов, времени и дождей, приобрело серебристо-серый цвет и постороннему глазу могло бы показаться неказистым, однако Спенсеру при свете фар «эксплорера» его дом виделся прекрасным и полным очарования.

Его окружала и скрывала от глаз эвкалиптовая рощица. Эти красносмольные эвкалипты не подвергались нападению австралийских жуков, пожирающих калифорнийские синесмольные деревья. И с тех пор как Спенсер купил эту землю, эвкалипты не подрезали.

Позади рощи дно каньона и его крутые склоны до самого верха заросли кустарником и невысокими деревьями. Поскольку летом и почти всю осень дули сухие ветры со стороны Санта-Аны, зелень в оврагах и на холмах засыхала. За последние восемь лет пожарные дважды велели Спенсеру эвакуироваться, опасаясь, что пожары в соседних каньонах могут с неумолимой безжалостностью перекинуться и на его владения. Огонь, подгоняемый ветром, движется со скоростью пассажирского поезда. Когда-нибудь ночью пожар может захватить и это место. Но его красота и уединенность оправдывали риск.

Бывали в его жизни периоды, когда он изо всех сил стремился выжить, но тем не менее смерти не боялся. Иногда он даже мечтал заснуть и не проснуться. И если пожары пугали его, то беспокоился он в основном из-за Рокки, а не из-за себя.

Но в этот февральский вечер еще рано было думать об опасности пожаров. Каждое дерево, каждая травинка были пропитаны влагой, казалось, они никогда не смогут загореться.

В доме было холодно. Можно было зажечь камин, сложенный из камней в гостиной, но, кроме него, в каждой комнате имелся и электрический обогреватель. Спенсер предпочитал живой огонь, треск поленьев и запах дыма, однако он включил обогреватели, поскольку ждать было некогда.

Сбросив промокшую одежду и облачившись в удобный серый спортивный костюм и толстые гольфы, он сварил себе кофе. Рокки он предложил миску апельсинового сока.

У псины было много и других странностей, кроме пристрастия к апельсиновому соку. Например, он обожал гулять днем, но не разделял увлечения многих собак ночной жизнью, предпочитая, чтобы его отделяло от ночной темноты по крайней мере окно. Если же ему приходилось выходить на улицу после захода солнца, он держался рядом со Спенсером и подзрительно оглядывался. И еще Пол Саймон. Вообще-то, Рокки был довольно равнодушен к музыке, но голос Саймона его просто завораживал. Если Спенсер ставил пластинку Саймона, особенно если звучала песня «Прекрасная страна», Рокки садился перед динамиками, внимательно смотрел прямо в них. Или же медленно и равномерно, хотя и не в такт, бродил взад-вперед по комнате, погруженный в глубокую задумчивость, когда слушал «Алмазы на подошвах» или «Можешь называть меня Эл». Тоже весьма странное поведение для собаки. Еще более странным была необычайная стыдливость пса при отправлении естественных надобностей. Он никогда не делал свои дела, если на него смотрели, и Спенсеру приходилось каждый раз отворачиваться.

Иногда Спенсеру казалось, что пес до того, как попал к нему два года назад, немало страдался и, решив, что в собачьей жизни радости мало, захотел стать человеком.

Вот в этом Рокки ошибался. Люди чаще ведут собачью жизнь в худшем смысле этого слова, чем многие собаки.

– Развитое самосознание, – как-то сказал Спенсер Рокки в одну из бессонных ночей, – не делает существо более счастливым, дружище. Если бы это было иначе, у нас было бы меньше психиатров и пивнушек, чем у вас, собак, – а ведь это не так.

Пока Рокки в кухне лакал из миски на полу свой апельсиновый сок, Спенсер принес в гостиную и поставил на большой письменный стол в углу кружку с кофе. На столе были установлены два компьютера с жесткими дисками, многоцветный лазерный принтер и прочее оборудование.

Эта часть комнаты стала его офисом, хотя он нигде не работал в штате вот уже десять месяцев. С тех пор как он ушел из полиции Лос-Анджелеса, где последние два года нес службу в калифорнийском многопрофильном отделе компьютерных преступлений, он несколько часов в день проводил за диалогом со своими компьютерами.

Иногда он исследовал интересные для себя явления, используя «Чудо» и «Гения». Однако чаще он пытался найти способы подключиться к частным и государственным компьютерам, преодолеть хитрые системы защиты.

Как только ему удавалось это, он начинал заниматься нелегальной деятельностью. Он, правда, никогда не разрушал файлы ни одной компании или организации, никогда не вводил неправильные данные. Однако он все же нарушал право частной собственности, проникая в чужие владения.

Но совесть его не особенно мучила по этому поводу.

Он не искал никакой материальной выгоды от своей деятельности. Его вполне удовлетворяло то, что он получал информацию, а также доставляло удовольствие, если удавалось что-то исправить.

Как, например, в деле Бекуотта.

В декабре прошлого года Генри Бекуотта, осужденного за развратные действия с детьми, собирались освободить из тюрьмы после почти пятилетнего заключения. Государственная калифорнийская коллегия по условному и досрочному освобождению отказалась сообщить

его местожительство на время срока условного осуждения, обосновывая отказ защитой прав осужденного. Поскольку Бекуотт избивал своих жертв и в суде не высказал по этому поводу никакого сожаления, его освобождение вызывало сильное волнение у родителей во всем штате.

Стараясь действовать как можно осторожнее, чтобы не быть обнаруженным, Спенсер проник в компьютерную систему полиции Лос-Анджелеса, отсюда – в компьютер Коллегии по условному и досрочному освобождению, где и узнал адрес, по которому будет проживать Бекуотт в течение срока условного освобождения. Несколько анонимных звонков газетчикам заставили коллегия приостановить освобождение Бекуотта до тех пор, пока для него не подберут другое местожительство. Однако в течение следующих полутора месяцев Спенсер раскрыл еще три адреса один за другим, вскоре после того, как их с большим трудом подобрали.

Официальные круги из всех сил пытались разоблачить того, кто, по их мнению, разглашал секретную информацию, но не высказывали – по крайней мере, публично – опасений, что утечка могла произойти из их электронных файлов, надежно защищенных соответствующим устройством. В конце концов они признали свое поражение и поселили Бекуотта в пустой сторожке на одном из участков Сан-Квентина.

Через пару лет, когда закончится срок его условного наказания и проживания под надзором полиции, Бекуотт снова сможет начать свою охоту на детей и наверняка загубит еще не одного ребенка, если не физически, то психически. Но хотя бы пока он не сможет поселиться инкогнито среди людей, которые не подозревают об опасности.

Если бы Спенсеру удалось найти доступ к компьютеру самого Господа Бога, то он бы и там вмешался в судьбу Генри Бекуотта, позаботившись, чтобы того поразил неожиданный и смертельный удар или же чтобы он случайно оказался под колесами грузовика. Спенсер бы не колебался в восстановлении справедливости, которую трудно было ожидать от морально парализованного и пораженного фрейдистскими комплексами общества.

Он не был героем, не был таким покрытым шрамами компьютерным Бэтменом, не собирався спасти мир. Он просто парил в кибернетическом пространстве – в этом неведомо-жутковатом измерении, средоточии энергии и информации внутри компьютера и компьютерной сети. Оно завораживало и притягивало его, как завораживали и притягивали других людей Таити и далекая Тортуга, как влекут к себе Луна и Марс тех, кто впоследствии становится космонавтом.

Возможно, самым притягательным для него было то, что это измерение можно исследовать, путешествовать в нем, делать открытия, не вступая в контакт с людьми. Спенсер избегал всевозможного общения с прочими пользователями компьютеров; кибернетическое пространство было для него необитаемым космосом, хотя и созданным человеком, но абсолютно безлюдным. Он бродил между нескончаемыми рядами цифр и прочих данных, которые были несравненно значительнее и величественнее, чем египетские пирамиды или развалины Древнего Рима или же хитрые завитушки, украшающие множество средневековых городов, но тем не менее он не видел человеческих лиц, не слышал человеческого голоса. Он был Колумбом без команды, Магелланом, путешествующим в одиночестве по электронным дорогам и пересекающим города цифр и фактов, таких же безлюдных, как города-призраки в пустынях Невады.

Он сел перед одним из компьютеров, включил его и, попивая кофе, быстро прошел всю процедуру, предшествовавшую началу работы. Сюда также входила антивирусная программа Нортон, к которой он прибегал, чтобы предохранить все свои файлы от разрушительного вируса во время увлекательного путешествия в мир государственной информации. Его машина не была инфицирована.

Первый номер телефона, появившийся на его экране, принадлежал службе, сообщающей котировки акций в последние двадцать четыре часа. За несколько секунд включилась связь, и на экране появилась надпись: «Вас приветствует Всемирная служба биржевой информации».

С помощью своего абонентного кода Спенсер запросил информацию о японских акциях. Одновременно он включил программу, составленную им самим, которая проверяла его телефонную линию на наличие подслушивающего устройства. Всемирная служба биржевой информации была совершенно легальной информационной службой, и у полиции не было никаких причин прослушивать линии ее абонентов, однако Спенсер хотел знать, не проявлен ли интерес к его телефону.

Из кухни притащился Рокки и стал тереться о его колено. Вряд ли пес так быстро выпил весь сок. Очевидно, жажду утолить оказалось проще, чем недостаток общения.

Не отрываясь от дисплея, ожидая сигнала о наличии или отсутствии подслушивающего устройства, Спенсер протянул руку и почесал у собаки между ушами.

Хотя он действовал предельно аккуратно и не мог вызвать подозрений, все же необходимо было постоянно соблюдать осторожность. В последнее время Агентство национальной безопасности, Федеральное бюро расследований и кое-какие другие организации наладили работу отделов по борьбе с компьютерными преступлениями, и все они тщательно выискивали нарушителей и наказывали их.

Их усердие иногда граничило с беззаконием. Подобно многим государственным организациям с раздутыми штатами, эти отделы из всех сил старались доказать, что на них не зря тратятся денежки налогоплательщиков. Расходы увеличивались с каждым годом: требовалось все больше арестов и судебных процессов, чтобы доказать, что электронные кражи и вандализм достигли чудовищных размеров. И в соответствии с этой политикой время от времени привлекали к суду «свободных охотников», которые ничего не крали и не портили, и предъявляли им неубедительные обвинения. Их преследовали не для того, чтобы, обличив, отпугнуть остальных, их необходимо было покарать исключительно для того, чтобы увеличить статистику раскрываемости и потребовать под это больше денег из бюджета.

Некоторых сажали в тюрьму.

Жертвы на алтаре бюрократии.

Мученики кибернетического мира.

Спенсер решил, что никогда не станет одним из них.

Он ждал, слушая, как стучит по крыше дождь, как воет ветер в эвкалиптовой роще, и глядел в правый верхний угол экрана. Вскоре появились красные буквы: «Чисто».

Так, значит, никто не прослушивает.

Отключившись от Всемирной службы биржевой информации, он набрал номер главного компьютера калифорнийского межведомственного Агентства по борьбе с компьютерными преступлениями. Он проник в эту систему через хорошо замаскированную «заднюю дверь» – он ввел этот код в свой компьютер еще до того, как вышел в отставку с поста заместителя начальника подразделения.

Поскольку он работал в управленческой системе, обладавшей максимальным допуском к секретной информации, его возможности были неограниченны. Он мог пользоваться компьютером подразделения как угодно долго и с любой целью, и его присутствие никто не замечал и не регистрировал.

Его не интересовали файлы. Он использовал компьютер лишь как трамплин для того, чтобы прыгнуть в систему лос-анджелесского полицейского департамента, к которому здесь имелся непосредственный доступ. Было забавно использовать оборудование и программное обеспечение отдела по борьбе с компьютерными преступлениями для того, чтобы совершить небольшое незаконное вторжение.

Но и небезопасно.

Вообще все, что интересно и привлекательно, включает в себе опасность – американские горки, прыжки с парашютом, азартные игры, секс.

Из полицейского департамента Лос-Анджелеса он перескочил в компьютер калифорнийского отдела автотранспорта в Сакраменто. Он получал такое удовольствие от этих перемещений, как будто путешествовал в пространстве, телепортируясь из своего каньона то в Малибу, то в Лос-Анджелес, то в Сакраменто, как это происходит с героями фантастических книг.

Рокки встал на задние лапы и, положив передние на стол, стал внимательно смотреть на экран монитора.

– Тебе это не понравится, – сказал Спенсер. Рокки взглянул на него и тихонько заскулил. – Я больше чем уверен, что тебе будет намного интереснее заняться той косточкой, что я тебе принес. – Рокки, склонив лохматую голову набок, продолжал смотреть на экран. – А хочешь, я поставлю тебе Пола Саймона? – Рокки опять заскулил. На сей раз чуть погромче. Вздыхнув, Спенсер поставил рядом с собой еще один стул. – Ну ладно. Когда парню одиноко, то косточка хорошую компанию не заменит. Во всяком случае, у меня так.

Рокки обрадованно вскочил на стул.

И они вдвоем отправились путешествовать в этот кибернетический мир, подключившись к системе отдела автотранспорта в поисках Валери Кин.

Они очень быстро нашли ее. Спенсер надеялся, что адрес окажется другим, не тем, который был ему уже знаком, однако его постигло разочарование. Она была зарегистрирована в этом самом домике в Санта-Монике, где он видел пустые, без мебели комнаты и фотографию таракана, прибитую гвоздем к стене.

В соответствии с информацией, появившейся на экране, у нее были права третьего класса без ограничений. Срок ее удостоверения истечет через четыре года. Она обратилась за водительскими правами и сдавала письменный экзамен в начале декабря, два месяца назад.

У нее было второе имя – Энн.

Ей было двадцать девять. Спенсер думал, что двадцать пять.

За ней не числилось никаких нарушений.

Она завещала свои внутренние органы для трансплантации, если с ней произойдет несчастный случай и ее невозможно будет спасти.

Остальная информация о ней была предельно скупа:

ПОЛ: Ж ВОЛОСЫ: ТЕМН. ГЛАЗА: КАРИЕ

РОСТ: 163 СМ ВЕС: 52 КГ

Эти бюрократические краткие сведения вряд ли бы помогли, вздумай Спенсер описать ее кому-либо. С их помощью невозможно было вызвать перед глазами тот образ, который действительно отличался от всех остальных: прямой взгляд ясных глаз, чуть асимметричная улыбка, ямочка на правой щеке, нежная линия подбородка.

С прошлого года, получив финансовую поддержку от Национального управления по борьбе с преступностью, калифорнийский отдел автотранспорта начал кодировать и закладывать в электронную память фотографии и отпечатки пальцев водителей, получающих права или прошедших перерегистрацию. Со временем полицейские фотоснимки и отпечатки пальцев каждого человека, имеющего водительское удостоверение, будут внесены в файлы, хотя подавляющее большинство этих людей не только не были в заключении, но даже никогда не находились под следствием.

Спенсер считал, что эта акция – первый шаг для того, чтобы ввести на каждого внутренний паспорт – примерно такого типа, что были в ходу при коммунистических режимах до их падения, и он в принципе был против этого. Однако в данном случае его принципы не мешали ему затребовать из досье Валери ее фотографию.

Экран вспыхнул, и появилось ее лицо. Она улыбалась.

За окном слышались леденящие душу жалобы эвкалиптов на мировую несправедливость и неумолчный, монотонный стук дождя.

Спенсер заметил, что перестал дышать.

Мельком увидел, что Рокки с любопытством смотрит на него, затем – на экран, потом – опять на него.

Спенсер взял кружку и отпил еще немного кофе. Рука его дрожала.

Валери знала, что какие-то силы охотятся за ней, и знала, что они нагоняют ее, именно поэтому она и убежала из своего дома буквально за несколько часов до того, как они пришли. Если она была невиновна, то с чего бы ей вести полную страха и неопределенности жизнь беглянки?

Он поставил кружку на стол и, быстро прикасаясь к клавиатуре, дал команду вывести ее фотографию.

Загудел лазерный принтер. Из аппарата появился тонкий лист белой бумаги.

Валери. Улыбается.

В Санта-Монике никто не приказывал сдаваться, прежде чем началось нападение на дом. Когда нападающие ворвались, никто не крикнул: «Полиция!» Но все же Спенсер был убежден, что эти люди – бойцы какого-то полицейского подразделения. Об этом свидетельствовали их форма, очки ночного видения, оружие и способы действия.

Валери. Улыбается.

Эта милая женщина с приятным, тихим голосом, с которой Спенсер разговаривал накануне в «Красной двери», казалась симпатичной и порядочной, не способной на ложь, в отличие от многих других. Во-первых, она не отвела взгляда от его шрама и спросила о его происхождении, и в ее глазах не было ни жалости, ни любопытства – таким же тоном и с тем же выражением она могла бы поинтересоваться, где он купил свою рубашку. Большинство из тех, с кем ему приходилось встречаться, исподтишка разглядывали его шрам и спрашивали о нем лишь тогда, когда чувствовали, что он видит, насколько их мучает любопытство. Прямота Валери была неожиданна. Когда он ответил ей, что шрам он заработал в детстве в результате несчастного случая, Валери сразу же поняла, что он не хочет или не может говорить правду, и перевела разговор на другую тему, как будто ей было и не очень-то интересно. И потом он ни разу не замечал, чтобы она рассматривала бледную полосу на его лице, и, что было еще важнее, у него даже не возникало чувства, что она специально старается не смотреть на его шрам. Она нашла в нем гораздо более интересные качества, чем эта бледная полоса, уродующая его лицо.

Валери. В черно-белом.

Он не мог поверить, что эта женщина способна совершить какое-нибудь тяжкое преступление, а тем более настолько чудовищное, чтобы ее пытались захватить с помощью сил особого назначения, да еще в полной тишине, с автоматами и в самой совершенной экипировке.

Может быть, она состоит в связи с каким-нибудь очень опасным преступником?

Спенсер сомневался в этом. Он вспомнил некоторые детали. Одного обеденного прибора, одного стакана и надувного матраса явно было маловато для двоих.

И все же нельзя исключать такую вероятность. Возможно, она жила и не одна, а тот человек специально принимал все меры предосторожности, опасаясь преследования со стороны полиции.

Фотография, отпечатанная лазерным принтером, была темновата, на ней Валери получилась не очень удачно. Спенсер поднастроил принтер, чтобы получить еще одно изображение, чуть посветлее.

Это изображение было лучше, и он сделал пять копий.

Пока он не взял в руки снимок с ее портретом, Спенсер и сам не осознавал, что собирается искать Валери Кин, где бы она ни была, что хочет найти ее и помочь ей. Независимо от того, что она совершила – даже если она виновна в преступлении, независимо от того, чего это ему будет стоить, независимо от того, как она к нему относится, – Спенсер собирался быть рядом с этой женщиной и вместе с ней бороться с той опасностью, которая грозила ей.

Но тут он вздрогнул, поняв, что будет означать для него взятое на себя обязательство, ведь до этого момента он считал себя абсолютно современным человеком, который не верит ни в Бога, ни в черта, ни в себя самого.

Слегка испугавшись и не в состоянии понять, что же им двигает, он тихо произнес:

– Черт бы меня побрал.

Собака чихнула.

Глава 4

К тому времени как «Битлз» начали петь «Я лучше заплачу», Рой Миро почувствовал, как начинает холодеть рука покойной. Этот холод стал проникать и в него самого.

Он отпустил ее и надел перчатки. Он вытер ее руки уголком простыни, чтобы на них не осталось никаких следов от его пальцев – пот или жир, которые помогли бы обнаружить отпечатки.

Обуреваемый противоречивыми чувствами – горюя из-за кончины симпатичной женщины и радуясь, что она освободилась от этого мира, полного боли и разочарований, – он пошел на кухню. Он хотел быть там, откуда сможет услышать, как муж Пенелопы, приехав, отогреет гараж.

На выложенном плиткой полу он заметил несколько капель крови. Рой взял бумажные полотенца и с помощью «Фантастика», обнаруженного в шкафчике под мойкой, все вымыл и вычистил.

Затем он вытер следы своих грязных бот и тут заметил, что мойка из нержавеющей стали не очень опрятна, и вычистил ее до блеска.

Стекло в микроволновой печи тоже было забрызгано жиром. Он протер его так, что оно засияло.

Когда «Битлз» пропели уже добрую половину «Я вернусь», а Рой отмывал дверцу морозильника, щелкнул замок гаража. Рой бросил в мусороизмельчитель использованные бумажные полотенца, поставил на место «Фантастик» и взял пистолет, который положил на кухонный стол после того, как освободил Пенелопу от ее земных страданий.

Кухня отделялась от гаража небольшой комнатой для стирки. Рой повернулся к закрытой двери.

Было слышно, как Сэм Беттонфилд въехал в гараж. Затем замолк двигатель. Раздался скрип закрываемой дверцы.

Наконец-то он пришел домой после своих бухгалтерских сражений. Утомившись от многочасовой работы, от сухих цифр. Устав платить огромные суммы за квартиру в Сенчури-Сити и прилагать громадные усилия, чтобы оставаться на плаву в системе, где деньги ценятся выше людей.

В гараже хлопнула, закрываясь, дверца машины.

Измотанный жизнью в городе, не знающем справедливости, находящемся в постоянной войне с самим собой, Сэм мечтает выпить, обнять Пенелопу, поужинать и посидеть перед телевизором часок-другой. Эти простые радости и восемь часов сна и являются единственными утешениями, предназначенными компенсировать тяжелую жизнь, дающими убежище от жадных и вечно недовольных клиентов, – сон его, наверное, нередко прерывается кошмарами.

Рой мог предложить ему кое-что получше. Счастливое избавление.

Сэм уже поворачивал в замке внутренней двери ключ, клацнул засов, скрипнула открываемая дверь. Сэм вошел в прачечную.

Дверь на кухню стала открываться, и Рой поднял пистолет.

Вошел Сэм – в плаще и с портфелем в руках. Это был человек с быстрыми черными глазами, начинающий лысеть. Он слегка вздрогнул, но голос его прозвучал вполне спокойно:

– Похоже, вы не туда попали.

Чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, Рой произнес:

– Я знаю, каково вам приходится. – И три раза нажал на курок.

Сэм не был крупным человеком, может быть, лишь килограммов на двадцать тяжелее жены. Тем не менее было нелегко поднять его наверх, снять с него плащ, ботинки и уложить

в кровать. Когда дело было сделано, Рой почувствовал удовлетворение оттого, что поступил правильно, положив Пенелопу и Сэма вместе при таких возвышенных обстоятельствах.

Он натянул одеяло в пододеяльнике на грудь Сэма. Пододеяльник был также украшен вставкой из кружева, такой же, как и на наволочках, так что казалось, что эта супружеская пара обряжена в красивые стихари вроде тех, в которых изображают ангелов.

Пластинка «Битлз» закончилась уже давно. С улицы доносился шелест дождя, такого же холодного, как и тот город, на который он проливался, такого же неумолимого, как время, как тьма.

Хотя он сделал доброе дело и следовало с радостью осознать, что страдания этих людей прекратились, он чувствовал печаль. Это была светлая печаль, и слезы, катившиеся по его щекам, были слезами очищения.

Затем он спустился вниз, чтобы вытереть несколько капель крови Сэма с пола на кухне. В большом встроенном шкафу под лестницей он нашел пылесос и убрал грязь, оставшуюся на ковре от его грязных ног.

В сумочке Пенелопы он нашел карточку, которую дал ей. Там стояло вымышленное имя, но тем не менее он все равно забрал ее.

Наконец он последний раз пошел в спальню и, сняв телефонную трубку, набрал 911.

Когда ему ответил голос диспетчера полиции, Рой произнес:

– Здесь очень грустно. Очень, очень грустно. Кто-то должен сию же минуту приехать сюда.

Он не стал вешать трубку и оставил ее на столе, чтобы связь не прерывалась. Адрес Беттонфилдов должен появиться на экране компьютера у диспетчера, но тем не менее Рой не хотел рисковать, не желая, чтобы Сэм и Пенелопа оставались здесь еще несколько часов или даже дней, прежде чем их обнаружат. Они были славными людьми и не заслуживали того, чтобы их нашли окоченевшими, посеревшими, начавшими разлагаться.

Он отнес свои боты и ботинки к входной двери и быстро их надел. Он не забыл поднять с пола свой револьвер для отпирания замков.

Под дождем он прошел к своей машине и уехал от этого места.

Его часы показывали двадцать минут одиннадцатого. Хотя на Восточном побережье было на три часа больше, Рой был уверен, что контактер в Виргинии ждет его звонка.

У первого же красного светофора он взял с пассажирского сиденья свой кейс. Он подключил к сети компьютер, который все еще был соединен с сотовым телефоном. Но не стал его отключать, поскольку оба аппарата были ему нужны. Нажав несколько кнопок, он наладил радиотелефон таким образом, чтобы тот реагировал на заданные голосом инструкции, а также действовал микрофон с громкоговорителем, чтобы руки были свободны для управления машиной.

Когда зажегся зеленый свет, Рой пересек перекресток и, включив междугороднюю связь словами:

– Соедините, пожалуйста, – произнес вслух нужный ему номер в Виргинии.

После второго гудка раздался знакомый голос Томаса Саммертона, который невозможно было спутать ни с чьим – такой южный и мягкий, как ореховое масло.

– Алло?

Рой сказал:

– Будьте добры, позовите Джерри.

– Простите, вы ошиблись номером. – Саммертон повесил трубку.

Рой прекратил связь словами:

– Теперь, пожалуйста, разъедините.

Через десять минут Саммертон перезвонит ему из безопасного места, и они смогут поговорить, не боясь подслушивания.

Рой проехал мимо сверкающих витрин магазинов на Родео-Драйв к бульвару Санта-Моника, затем свернул на запад в сторону жилых кварталов. Среди огромных деревьев стояли большие дорогие дома, жилища привилегированных, оскорбляющие его чувства.

Когда зазвонил телефон, он не стал снимать трубку, лишь произнес:

– Пожалуйста, примите вызов. – Соединение произошло по устной команде. – Теперь, пожалуйста, закодируйте, – сказал Рой.

Компьютер издал сигнал, свидетельствующий о том, что все, что будет ими произноситься, станет непонятным ни для кого, кроме них с Саммертоном. При передаче их речь будет расчленена на отдельные звуки, и эти звуки будут передаваться в беспорядочном сочетании. Оба телефона подключены к одному устройству, так что бессмысленный поток звуков будет преобразован в нормальную речь на выходе.

– Я видел утренний репортаж из Санта-Моники, – сказал Саммертон.

– Соседи говорят, что утром она была на месте. Но, очевидно, ей удалось улизнуть до того, как мы установили дневное наблюдение.

– Как она узнала?

– Могу поклясться, у нее на нас какой-то нюх. – Рой свернул на запад, на бульвар Сансет, вливаясь в плотный поток машин, скользящих по мокрому асфальту и освещающих тротуары фарами. – Ты слышал что-нибудь о человеке, который там оказался?

– И сбежал?

– Но мы действовали очень грамотно.

– Значит, ему просто повезло?

– Нет, еще хуже. Он знал, что делает.

– Ты хочешь сказать, что он имеет соответствующую подготовку?

– Да.

– Где-нибудь здесь, в местных органах или на федеральном уровне?

– Он сделал одного из наших бойцов как младенца.

– Значит, его уровень повыше местного.

Рой свернул с бульвара Сансет на более тихую улицу, где особняки прятались за высокими заборами, живой изгородью и огромными деревьями.

– Если нам удастся выследить его, что с ним делать?

Саммертон ответил после некоторой паузы:

– Надо выяснить, кто он, на кого работает.

– И задержать его?

– Нет. На карту поставлено слишком многое. Надо, чтобы он исчез.

Извилистые улицы змеились вверх по лесистым холмам, огибая уединенные поместья, где въездные аллеи обрамлялись высокими разлапистыми деревьями, с которых стекала вода.

Рой спросил:

– Должны ли мы переключиться с женщины на него?

– Нет. С ней надо разобраться немедленно. Еще какие-нибудь новости?

Рой подумал о мистере и миссис Беттонфилд, но не стал говорить о них. Необыкновенная доброта, которую он проявил по отношению к ним, не имела никакого отношения к работе, и Саммертон бы его не понял.

Поэтому Рой сказал:

– Она кое-что оставила для нас. – Томас Саммертон ничего не ответил, вполне возможно, он почувствовал, что именно могла она им оставить. Однако Рой уточнил: – Фотографию таракана, прибитую к стене комнаты.

– Разберись с ней как следует, – сказал Саммертон, вешая трубку.

Вписываясь в длинный поворот под мокрыми зарослями магнолии возле чугунной ограды, за которой в дождливой тьме виднелся освещенный дом в колониальном стиле, Рой произнес:

– Прекратить кодирование. – Компьютер издал сигнал, свидетельствующий о том, что команда выполнена. – Пожалуйста, соедините, – сказал Рой и назвал телефонный номер, подключавший его к «Маме».

Мелькнул экран дисплея. Взглянув на него, Рой увидел первый вопрос: «Кто здесь?»

«Мама», в отличие от телефона, не реагировала на устные команды, поэтому Рой съехал с шоссе к аллее, ведущей в поместье, и остановился у высоких кованых чугунных ворот, соответствовавших духу допроса, которому подвергся Рой. После того как он передал изображение отпечатка своего большого пальца, он получил доступ к «Маме» в Виргинии.

Из ее обширного меню он выбрал «Старший офицерский состав». Затем указал «Лос-Анджелес» и тем самым подсоединился к самому большому из «детешек» «Мамы» на Западном побережье.

Он прошелся по нескольким меню лос-анджелесского компьютера, пока не нашел файлы отдела фотографий. Файл, интересовавший его, постоянно менялся – он так и думал, – и он подключился, чтобы изучить его.

У его портативного компьютера экран давал черно-белое изображение – такая и появилась фотография человека крупным планом. Однако его лицо было повернуто от объектива, наполовину в тени, к тому же за завесой дождя.

Рой был разочарован. Он надеялся получить более четкое изображение.

Это, к сожалению, было больше похоже на картину импрессиониста: в общих чертах понятно, но в деталях – сплошная загадка.

Несколько раньше в Санта-Монике команда наблюдения сфотографировала незнакомца, зашедшего в дом до того, как на него совершила нападение команда специального назначения. Но ночное освещение, сильный дождь и густые деревья помешали сделать хороший снимок, так что трудно было разглядеть лицо этого человека. Более того, поскольку они никак не ожидали, что он туда зайдет, сочли, что это обычный прохожий, который просто пройдет мимо, и поэтому были чрезвычайно удивлены, когда он вдруг свернул к дому женщины. Тут же попытались сделать снимки, но все они оказались неудачными, и ни на одном нельзя было разглядеть лицо человека, хотя фотокамеры были снабжены телеобъективами.

Более удачные снимки были уже заложены в систему компьютера, где они подверглись обработке по программе усиления. Компьютер выделит дождевые помехи и уберет их. Затем он постепенно высветлит затемненные участки, пока не станет возможным идентифицировать все биологические структуры – учитывая и обширную информацию по строению черепа, справляясь по огромному каталогу отличий, существующих между расами, полами, возрастными группами, – компьютер выделит то, что можно будет выделить по этому снимку, и выдаст информацию.

Однако процесс был непростым и занимал некоторое время, даже учитывая бешеную скорость, с которой действовала программа. В конце концов любой снимок разбивался на темные и светлые точки, называемые пикселями: кусочки мозаики одинаковой формы, но слегка различающиеся по структуре и освещенности. Каждый из сотен тысяч пикселей будет тщательно проанализирован, из него извлечется информация не только относительно того, что он сам несет в себе, но также и о том, как он связан с другими пикселями, его окружающими, а это значило, что компьютеру предстояло совершить несколько сотен миллионов операций по сопоставлению и принятию решения, чтобы сделать изображение четче.

И даже тогда все же не будет гарантии, что изображение, появившееся в результате всей этой работы, адекватно внешности сфотографированного человека. Вся аналитическая работа такого плана была больше искусством – или, скорее, цепью догадок, нежели надежным

техническим решением. Рой знал множество примеров тому, как улучшенные компьютером фотографии имели столь же мало сходства с изображенным человеком, как рисунок художника-любителя, толпы которых осаждают туристов у Триумфальной арки в Париже или же на Манхэттене. Однако все же лицо, появляющееся на компьютере, частенько достаточно похоже на свой оригинал.

Теперь, когда компьютер приступил к принятию решения и работал с пикселями, слева направо по изображению на дисплее, казалось, пробегает дрожь. И хотя кое-какие изменения произошли, они не смогли сыграть значительной роли. Все же это было не то. Рой не мог различить черты лица человека.

В течение ближайших нескольких часов эта дрожь будет пробегать по изображению каждые шесть-десять секунд. Истинный эффект можно будет получить лишь через довольно большой промежуток времени.

Рой выехал из аллеи, оставив компьютер в рабочем состоянии так, что ему был виден экран.

Некоторое время он мотался вверх-вниз по холмам, время от времени останавливаясь на красный свет светофоров, пытаясь выбраться из сгустившейся темноты туда, где огни сгрудившихся особняков, не загороженных густыми деревьями, мерцали своим таинственным светом, намекая на загадочную и непонятную ему жизнь.

Время от времени он бросал взгляд на экран компьютера. Лицо, по которому все время пробегала дрожь. Повернутое вполборота к нему. Незнакомое и затененное.

Когда он наконец снова выехал на бульвар Сансет, а затем на улицу у подножия холмов Вествуда, туда, где располагалась его гостиница, он был рад снова оказаться среди людей, более похожих на него самого, чем среди тех, кто жил в роскошных особняках наверху. Здесь, внизу, люди знали и нужды, и страдания, и неуверенность в завтрашнем дне, это были люди, чью жизнь он мог улучшить, люди, которым он мог дать хоть толику справедливости и милосердия – тем или иным способом.

Лицо на экране все еще было призрачным, расплывчатым, возможно, зловещим. Это было лицо хаоса.

Этот человек, как и та неуловимая женщина, стояли на пути порядка, стабильности и справедливости. Возможно, это злой человек или же просто встревоженный и сбитый с толку. В конце концов, это не имеет значения.

– Я подарю тебе покой и мир, – пообещал Рой, глядя на медленно изменяющееся лицо на экране дисплея. – Я найду тебя и дам тебе покой и мир.

Глава 5

Под стук непрекращающегося дождя по крыше, под завывание ветра в роще, пока пес мирно спал, свернувшись в клубок на соседнем стуле, Спенсер пытался с помощью компьютера составить досье на Валери Кин.

В соответствии с данными отдела автотранспорта водительское удостоверение получено ею впервые, это не перерегистрация, и для того, чтобы его получить, она представила в качестве своего удостоверения личности карточку отдела социального обеспечения. Отдел автотранспорта произвел проверку и удостоверился, что ее имя и номер соответствуют тому, что занесено в файлы отдела социального обеспечения.

Это дало Спенсеру четыре отправные точки для того, чтобы отыскать Валери в других банках данных: он знал ее имя, дату рождения, номер водительского удостоверения, номер карточки социального обеспечения. Теперь не представляло труда узнать о ней больше.

В прошлом году он, употребив все свое терпение и искусство, постарался проникнуть во все организации, предоставляющие кредиты. Они были наиболее защищенными из всех. Теперь он опять внедрился в самые крупные из них в поисках Валери Кин.

Их файлы включали сорок две женщины с таким именем. В пятидесяти девяти случаях имя писалось как «Кийн» или «Киин», а в шестидесяти четырех – как «Кинь». Спенсер набрал номер ее карточки системы социального обеспечения, ожидая, что придется отсеять шестьдесят три – шестидесять четыре номера, однако ни у кого номер карточки не совпадал с тем, что был занесен в данные отдела автотранспорта.

Нахмутив брови, он набрал дату и год рождения Валери, надеясь получить что-нибудь здесь. Из шестидесяти четырех Валери лишь одна родилась в указанные день и месяц, однако – на двадцать лет раньше.

Сидя рядом с похрапывающей собакой, он набрал номер водительского удостоверения девушки и стал ждать, пока система проверит всех Валери. Из тех, у кого были водительские удостоверения, пятеро получили их в Калифорнии, но ни один номер не совпадал с ее номером. Еще один тупик.

Зная, что при введении данных бывают ошибки, Спенсер проверил данные на всех калифорнийских Валери, пытаясь отыскать ту, у которой дата рождения отличалась от имеющейся у него на одну цифру. Он был уверен, что сможет обнаружить, где служащий просто ошибся, введя шесть вместо девяти или перепутав еще какие-нибудь цифры.

Ничего. Никаких ошибок. И судя по полученной по файлам информации, ни одна из этих женщин не могла быть той Валери, которая ему нужна.

Невероятно, но Валери Энн Кин, недавно работавшая в «Красной двери», отсутствовала в списках клиентов организаций, предоставляющих кредиты, – очевидно, она никогда ничего не брала в кредит. Это было возможно лишь в том случае, если она никогда ничего не покупала в кредит, никогда не имела никаких кредитных карточек, никогда не открывала счет в банке и не брала там ссуд, ее никогда не проверяли на предмет ее кредитоспособности ни работодатели, ни хозяин квартиры.

Чтобы дожить в Америке в наше время до двадцати девяти лет, не имея дела ни с какими кредитующими организациями, надо быть цыганкой или безработным бродяжкой, по крайней мере, с подросткового возраста. Судя по всему, она никак не могла быть ни тем ни другим.

Хорошо. Надо подумать. Налет на дом означал, что за Валери охотится полиция – какой-то из ее отделов. Значит, надо искать среди данных на преступников.

Спенсер вернулся в компьютерную систему полицейского департамента Лос-Анджелеса и оттуда начал проверять все списки города, округа и штата на предмет присутствия в них

Валери Энн Кин, выясняя, была ли она когда-либо под судом и следствием, обвинялась ли в каких-либо преступлениях.

Городская система ответила: «Отсутствует».

«Нет данных» – был ответ из округа.

«Не обнаружено» – ответ из штата.

Ничего, пусто, ноль.

Используя совместный банк данных лос-анджелесского полицейского департамента и департамента юстиции в Вашингтоне о лицах, обвиненных в совершении преступлений против государства, он также ничего не получил. Данных о ней не было и там.

В дополнение к десяти разыскиваемым преступникам ФБР, кроме того, разыскивало сотни людей, тем или иным образом причастных к расследованию преступлений – в качестве подозреваемых или возможных свидетелей. Спенсер проверил, имеется ли имя Валери в каком-нибудь из тех списков, но его и там не оказалось.

Это была женщина без прошлого.

Все же она совершила что-то, за что ее разыскивали. Причем с большим усердием.

Спенсер лег только где-то в начале второго ночи.

И хотя он здорово устал, а монотонный стук дождя звучал убаюкивающе, он не мог уснуть. Он лежал на спине, глядя то на темный потолок, то на кроны деревьев за окном, прислушиваясь к бессмысленному бормотанию порывистого ветра.

Вначале он не мог думать ни о чем, кроме этой женщины. Ее лицо. Ее глаза. Голос. Улыбка. Тайна, ее окружающая.

Затем его мысли перенеслись, как это часто происходило, в прошлое. Для него воспоминания были дорогой, ведущей лишь в одном направлении – к той летней ночи, когда ему было четырнадцать; когда темный мир стал еще темнее; когда все, что он знал, обернулось фальшью; когда умерла надежда, а его постоянным спутником стал страх перед судьбой; когда он проснулся от неумолкающего крика филина, чей невысказанный вопрос так и остался главным вопросом его жизни.

Рокки, обычно хорошо чувствующавший настроение хозяина, все продолжал беспокойно бродить по дому. Казалось, он не понимал, что Спенсер погружается в тихий ад не отпускающих его воспоминаний и нуждается в его обществе. Пес не отозвался, когда Спенсер кликнул его.

В полумраке Рокки беспокойно ходил между открытой дверью спальни (там он останавливался, прислушиваясь к завыванию ветра в трубе) и окном (где, положив передние лапы на подоконник, смотрел, как ветер клонит верхушки эвкалиптов в роще). Хотя он не выл и не ворчал, в нем чувствовалось какое-то беспокойство, как будто эта неуютная погода вызывала и в его памяти нежелательные воспоминания, от которых он также не мог заснуть и вернуть себе тот покой, что излучал, когда мирно спал на стуле в гостиной рядом со Спенсером.

– Эй, парень, – тихо проговорил Спенсер. – Подойди ко мне.

Но собака не обращала внимания на него и продолжала бродить по комнате тенью в ночной мгле.

Во вторник вечером Спенсер отправился в «Красную дверь», чтобы поговорить о том, что произошло июльской ночью шестнадцать лет назад. Вместо этого он встретил Валери Кин и, к своему собственному удивлению, заговорил совсем о другом. Однако тот далекий июль по-прежнему не давал ему покоя.

– Рокки, подойди сюда, – сказал Спенсер, похлопывая по матрасу.

Потребовалось немногим более минуты повторять подобное приглашение, прежде чем пес наконец забрался на кровать. Рокки положил кудлатую голову на грудь Спенсеру и сначала мелко дрожал, затем, под рукой хозяина, дрожь утихла. Одно ухо вверх, другое вниз, он

был готов внимательно выслушать историю, которую уже выслушивал бесчисленное количество раз вот в такие ночи, когда являлся единственным слушателем, а также вечерами, когда сопровождал Спенсера в пивные, где тот покупал выпивку незнакомым людям и те благодаря алкоголю слушали его.

– Мне было четырнадцать, – начал Спенсер. – Была середина июля, и ночь была жаркой и влажной. Я спал в своей кровати под одной простыней, а окно спальни было открыто. Я помню... мне снилась мама, которой не было в живых вот уже шесть лет, но я не могу вспомнить, что именно происходило в моем сне, помню только, что мне было хорошо, мне было тепло рядом с ней, я слышал ее ласковый мелодичный смех... У нее был потрясающий смех. Но меня разбудил совсем другой звук – он казался бесконечным, – такой глухой и зловещий. Я сел в кровати, ничего не понимая, еще не вполне проснувшись, но, в общем, я не испугался. Я слышал, как кто-то спрашивал: «Кто?» – снова и снова. Потом наступала пауза, молчание, потом вопрос повторялся опять: «Кто, кто, кто?» Ну конечно, когда я окончательно проснулся, то понял, что это всего лишь филин, усевшийся на крышу прямо над моим открытым окном...

Спенсер опять унесся мыслями к этой далекой июльской ночи, как астероид, попавший в мощное поле земного притяжения и обреченный на постепенное сближение с Землей, пока не столкнется с ней.

...Это был филин, усевшийся на крыше прямо над моим открытым окном и кричавший в ночи только по ему одному известным причинам.

Во влажной тишине я встал и прошел в туалет в надежде на то, что, когда я вернусь, голодный филин учует запах мыши и снова приступит к охоте. Но и после того, как я вернулся в кровать, он, казалось вполне довольный своим местом на крыше, продолжал пение, состоящее из единственного слова.

Наконец я подошел к открытому окну и осторожно отдернул занавески, стараясь не спугнуть птицу. Я высунулся наружу, повернув голову вверх, ожидая увидеть его когти, вцепившиеся в кровлю дома, но тут, прежде чем я успел крикнуть «Кыш!», а филин свое «Ух», я услышал совсем другой крик. Этот новый звук пришел издалека – это был тонкий, печальный вскрик, в котором слышался невыразимый страх, и раздался он в летней ночной тишине. Я повернул голову в сторону сарая, находившегося метрах в двухстах от дома, посмотрел на залитые лунным светом поля, простиравшиеся за сараем, на поросшие лесами холмы на горизонте. Крик раздался снова, на сей раз он был короче, но более жалобный и поэтому более пронзительный.

Прожив всю свою жизнь в деревне, я знал, что в природе идет непрекращающаяся война и ведется она по самому жестокому на свете закону – закону естественного отбора, победителями в ней являются самые безжалостные. Довольно часто по ночам я слышал зловещие, вибрирующие крики койотов, преследующих добычу, а затем празднующих кровавую победу. Торжествующий рык, эхом разносившийся в ночи, как крик пумы, разорвавшей пойманного кролика, заставлял поверить в существование ада и предположить, что кто-то из грешников, пройдя туда, забыл закрыть за собой дверь.

Но звук, услышанный мной из окна, – он также заставил замолчать и филина на крыше – был криком не охотника, а жертвы. Кричал кто-то слабый, кому было больно и страшно. В полях и лесах множество слабых и робких существ беспрестанно погибает жестокой и ужасной смертью; об их страхе может знать только Господь Бог, который ведает о гибели каждого воробышка, но, похоже, это его не трогает.

И неожиданно ночь стала неправдоподобно тихой, неподвижной, как будто этот далекий крик ужаса был на самом деле шумом двигателей вселенной, неожиданно остановившихся. Яркие точки звезд перестали мерцать, а луна казалась просто нарисованной на куске холста. А все детали окружающего пейзажа – деревья, кусты, летние цветы, холмы и далекие горы

– представлялись хрустальными сине-голубыми силуэтами, хрупкими, как льдинки. И хотя воздух был теплым, я почувствовал, что околел.

Я тихо закрыл окно, отошел от него и опять лег в кровать. У меня тяжелели веки, я буквально не мог шевельнуться от усталости.

Но тут я понял, что пребываю в каком-то странном состоянии, что моя усталость скорее психологического, чем телесного свойства, что я не столько хочу спать, сколько хочу уснуть. Сон для меня был бы избавлением. От страха. Меня била дрожь, но не оттого, что я замерз. Воздух по-прежнему был очень теплым. Я дрожал от страха.

Страх перед чем? Я не мог понять причины своей тревоги.

Я знал, что звук, услышанный мной, не был голосом животного. Он так и звучал в моем мозгу, леденящий, напоминая что-то слышанное мною очень давно, но я не мог вспомнить, когда, где и что же подобное я слышал. Чем больше я думал об этом жалобном крике, тем сильнее билось мое сердце.

Мне безумно хотелось заснуть, забыть об этом крике, об этой ночи, о филине и о его вопросе, но я знал, что не смогу уснуть.

Я сел и быстро натянул джинсы. Теперь, когда я решил действовать, мне уже больше не хотелось ни спать, ни забыться. Даже наоборот, меня охватило какое-то лихорадочное стремление что-то делать, не менее непонятное, чем недавнее желание забыть обо всем. Я выскочил из комнаты босиком, без рубашки, влекомый невероятным любопытством, жаждой ночных приключений, которая возникает у всех мальчишек, а также ужасной тайной, которую знал, еще сам не осознавая это.

За дверью моей комнаты воздух был прохладным, поскольку во всех других помещениях стояли кондиционеры. В течение нескольких лет я отключал кондиционер у себя, предпочитая свежий воздух, даже в такие душные июльские ночи... а также потому, что в течение нескольких лет не мог уснуть от шипения и шума холодного воздуха, проходящего через решетку радиатора. Мне все время казалось, что этот тихий непрекращающийся звук заглушит другой шум в ночи, который я должен буду услышать, чтобы не погибнуть. Я и представления не имел, что это за звук. Это были обычные беспочвенные детские страхи, и я их стыдился. Однако из-за них мой сон был чуток.

Верхний коридор освещался лунной, заглядывавшей в два окошка. От ее света мягко блестел лакированный сосновый пол. Посередине коридора лежала узорчатая дорожка, ее причудливый узор и прихотливые завитушки поглощали лунный свет и тускло вырисовывались в нем. Под моими ногами были сотни бледных светлячков, мне даже казалось, что они не только на поверхности, но и глубже, как будто я шел не по ковру, а, как Христос, по воде и смотрел вниз, на таинственную жизнь глубин.

Я прошел мимо комнаты отца. Дверь была закрыта.

Я дошел до лестницы и остановился.

В доме стояла тишина.

Я спустился по ступеням, весь дрожа, обхватив себя руками и не понимая причины своего непонятного страха. Возможно, в ту минуту я в глубине души уже чувствовал, что спускаюсь туда, откуда больше никогда не смогу окончательно вернуться...

Спенсер продолжал рассказывать своему исповеднику-псу историю о той далекой ночи, о потайной двери, о тайнике, о том, как колотилось от ночного кошмара сердце. Снова прослеживая шаг за шагом путь, пройденный босыми ногами, все происшедшее тогда, он перешел на шепот.

Закончив, он пребывал в том блаженном состоянии, которое, он знал, прекратится с наступлением рассвета; но оттого, что это чувство столь кратко и столь хрупко, оно было еще

приятнее. Облегчив душу, он смог наконец закрыть глаза, чувствуя, что проваливается в глубокий, без сновидений, сон.

Утром он возобновит поиски этой женщины.

У него было какое-то тревожное чувство, что он на пороге настоящего ада, не лучше того, о котором так часто рассказывал своему терпеливому псу. Но он ничего не мог с собой поделать. Перед ним был только один путь, и он обязан был пройти его.

А пока – спать.

Дождь омывал мир, и этот шелест казался очищающим, хотя некоторые пятна отмыть невозможно никогда.

Глава 6

Утром Спенсер обнаружил на руках и лице несколько небольших синяков и красных пятен – следы разрыва пластиковой гранаты. По сравнению со шрамом даже и говорить не о чем.

На завтрак он приготовил оладьи и ел их, запивая кофе, за своим рабочим столом, подключившись к компьютерной системе налоговой службы округа. Он выяснил, что дом в Санта-Монике, где еще день назад проживала Валери Энн Кин, принадлежит Семейному фонду Луиса и Мей Ли. Счета отправлялись на адрес «Китайской мечты» в западном Голливуде.

Из любопытства он затребовал список и других владений, являющихся собственностью фонда. Их было четырнадцать: еще четыре дома в Санта-Монике, два восьмиквартирных дома в Вествуде, три особняка в Бель-Эр, четыре сдаваемых внаем, расположенных на одном участке здания, включая «Китайскую мечту».

Луис и Мей Ли неплохо устроились.

Выключив компьютер, Спенсер, допивая свой кофе, еще долго смотрел на погасший экран. Кофе был горький. Но он все равно выпил его.

В десять часов они с Рокки направлялись на юг по Тихоокеанской автостраде. Спенсера беспрерывно обгоняли пронесившиеся мимо машины, но он соблюдал скоростной режим.

Гроза за ночь передвинулась к востоку, унеся с собой все тучи. Бледное солнце высвечивало четкие очертания гор, казавшиеся при этом утреннем свете острыми как бритва. Океан был темным, зеленовато-серого цвета.

Спенсер включил радио и настроился на программу новостей. Он надеялся услышать что-нибудь о рейде отряда специального назначения, чтобы, по крайней мере, выяснить, кто же все-таки стоит за всем этим и почему им понадобилась Валери.

Диктор сообщил, что опять возросли налоги. В экономике наблюдается резкий спад. Правительство ввело еще более жесткие ограничения на право владения оружием, а также на показ по телевидению сцен насилия. Грабежи, изнасилования и убийства достигли невероятного размаха. Китайцы обвиняют нас в том, что мы являемся обладателями «смертоносных лазерных лучей, установленных на космических объектах», а мы обвиняем их в том же самом. Кто-то верит, что мир погибнет в огне, другие говорят, что мир покроется слоем льда, и обе стороны выступают в конгрессе со своими программами, нацеленными на то, чтобы спасти человечество.

Теперь он слушал репортаж о собачьей выставке, подвергшейся пикетированию со стороны противников подобных зрелищ, требовавших прекратить селекционный отбор и «положить конец эксплуатации животных, которых выставляют для всеобщего обозрения, поскольку это ничем не лучше, чем омерзительные выступления стриптизерш в стриптиз-барах». Тут он понял, что сообщения о налете на дом в Санта-Монике не будет. Ведь операции отрядов особого назначения в новостях освещаются раньше, чем декларации о неприличии демонстраций собачьих прелестей.

Или средства массовой информации не видят ничего интересного в нападении на частный дом вооруженного автоматами отряда, или же организация, проводившая операцию, сделала все возможное, чтобы запутать прессу. То, что обычно бывало публичным спектаклем, прошло как скрытая и секретная операция.

Он выключил радио и выехал на шоссе, ведущее к Санта-Монике. Где-то на востоке, вернее, северо-востоке его ожидала «Китайская мечта».

Он сказал Рокки:

– И что ты думаешь об этих собачьих делах? – Рокки с любопытством посмотрел на него. – Ты же все-таки пес и должен иметь свое мнение. Ведь это твоих родичей эксплуатируют.

Но либо Рокки был чрезвычайно осторожен в выражении своей позиции, либо же, будучи простой, малообразованной, неинтеллигентной дворнягой, не имел определенной позиции по самой серьезной проблеме современности, касавшейся его соплеменников.

– Мне было бы неприятно думать, – сказал Спенсер, – что ты – деклассированная личность, что-то вроде млекопитающего люмпена, которого не волнуют вопросы эксплуатации. – Но Рокки по-прежнему внимательно смотрел на дорогу. – Разве тебя не волнует, что чистопородным дамам запрещено любить дворняг вроде тебя, что они вынуждены отдаваться лишь чистопородным самцам? Только для того, чтобы их щенков ждала жалкая участь участников подобных выставок? – Псина стукнула хвостом по дверце машины. – Хороший пес. – Спенсер вел машину левой рукой, а правой потрепал Рокки по спине. Собака с радостью приняла ласку. Хвост так и заходил. – Хороший пес, ласковый пес. Тебе даже не кажется странным, что хозяин разговаривает сам с собой.

Они свернули с шоссе на бульвар Робертсон и двигались в направлении легендарных холмов.

После ночного дождя и ветра огромный город был светел и чист, так же как и побережье, вдоль которого они только что ехали. Пальмы, фикусы, магнолии и еще какие-то деревья с красными цветами были покрыты такой сияющей зеленью, как будто их только что протерли и почистили – каждую веточку, каждый листочек. Улицы были чисто вымыты, стекла высоких зданий сверкали на солнце, в пронзительно-синем небе носились птицы, и так хотелось думать, что в этом мире все прекрасно и благополучно.

Утром в четверг, пока другие агенты с помощью различных подразделений правопорядка разыскивали девятилетний «понтак», зарегистрированный на имя Валери Кин, Рой Миро занялся определением личности человека, которого чуть было не схватили во время налета прошлой ночью. Из своей гостиницы в Вествуде он отправился в самый центр Лос-Анджелеса, в главное калифорнийское управление его организации.

В центре города лишь банки могли соперничать величиной занимаемых зданий со всевозможными административными учреждениями самого разного уровня – от района до штата. В обеденное время разговоры в ресторанах и кафе в основном крутились вокруг денег, больших денег, независимо от того, работали посетители в управленческой или финансовой организации.

В этом процветающем районе организация Роя занимала красивое десятиэтажное здание на одной из самых фешенебельных улиц, рядом с городской ратушей. Банкиры, политики, чиновники и проспиртованные пьянчужки бродили по этим тротуарам, соблюдая взаимную вежливость, за исключением тех случаев, когда вдруг кто-нибудь из них неожиданно дергался, выкрикивал какое-то нечленораздельное ругательство и всаживал нож в одного из своих собратьев, населяющих Город ангелов. Владельцу ножа (или пистолета, или кастета), как правило, мерещились преследования со стороны инопланетян или ЦРУ, и чаще всего он оказывался опустившимся алкашом, нежели банкиром, политиком или чиновником.

Хотя лишь полгода назад один банкир, человек среднего возраста, устроил побоище с помощью своего пистолета десятимиллиметрового калибра. Этот эпизод привел в полное смятение уличных бродяг, которые стали с большей опаской относиться к «пиджакам», с которыми им приходилось делить тротуары.

На здании управления, облицованном известняком, между огромными пространствами стекол, затемненных, как очки какой-нибудь кинозвезды, не было таблички с названием организации. Люди, с которыми работал Рой, не искали себе славы, они предпочитали действовать незаметно. Кроме того, официально этой организации не существовало, она финансировалась весьма хитрыми путями через другие организации, также находившиеся в ведении Министерства юстиции, и у нее не было названия.

Над главным подъездом виднелись сверкающие медью название улицы и номер дома. Под цифрами также медными буквами были выложены четыре имени: «КАРВЕР, ГАНМАНН, ГАРРОТЕ и ХЕМЛОК»².

Если бы какой-нибудь прохожий задался вопросом, что же разместилось в здании, то он, скорее всего, подумал бы о какой-то совместной юридической или бухгалтерской фирме. Ну а спроси он у привратника, тот ответит, что это «международная компания по управлению недвижимостью».

Рой въехал по пандусу в подземный гараж. В самом низу въезд преграждали железные ворота.

Его пропустили не потому, что он показал пропуск вахтеру, и не потому, что просунул магнитную карточку в соответствующее отверстие. Вместо этого он посмотрел прямо в объектив видеокамеры с большой разрешающей способностью, установленной на столбике сантиметрах в семидесяти от окна его машины, и стал ждать, пока его узнают.

Его портрет был воспроизведен на экране в одной из плотно закрытых комнат в подвале, где не было окон. Там, как знал Рой, охранник за дисплеем будет следить, как от его лица на экране останутся только глаза, они будут увеличены, и тогда неумолимая камера с высокой разрешающей способностью просканирует структуру его сетчатки и расположение сосудов в ней и сравнит это изображение с хранившимся в файле машины, а затем признает Роя как одного из немногих избранных.

Вахтер нажал на кнопку, и ворота поднялись вверх.

Вся эта процедура вполне могла бы пройти и без вахтера, однако необходимо было исключить одну опасность. Если какому-нибудь агенту понадобится проникнуть в управление, то он может убить Роя, вынуть его глаза и предъявить их для сканирования. И если компьютер и можно иногда обмануть, то вахтер сразу же заметит непорядок.

Конечно, трудно было предполагать, что кому-нибудь придет в голову пойти на такую крайность, чтобы проникнуть в это секретное заведение. Но все же возможность такая была. В наше время полной распушенности нравов всего можно было ожидать.

Рой въехал в подземный гараж. Когда он поставил машину, ворота уже снова с лязгом закрылись. Все опасности Лос-Анджелеса, которые невозможно было предвидеть, остались по ту сторону железной заслонки.

Гулкий звук его шагов по бетонному полу отзывался эхом под низким потолком, и Рой знал, что вахтер в подвале тоже все слышит. Гараж не только находился под наблюдением видеокамер, но также и прослушивался.

Чтобы попасть в скоростной лифт, необходимо было прижать большой палец правой руки к стеклянному окошку печатного сканера. Сюда тоже была устремлена видеокамера, установленная над дверью лифта так, чтобы находящийся в отдалении вахтер мог помешать войти тому, кто использует чей-либо отрубленный палец.

И как ни умны машины, все же без человека было не обойтись. Иногда эта мысль радовала Роя, а иногда, наоборот, огорчала, хотя он и сам не понимал почему.

Он поднялся на четвертый этаж, на котором располагались отдел изучения документов, отдел изучения фотографий и отдел изучения веществ.

В лаборатории отдела изучения фотографий два молодых человека и женщина средних лет работали над каким-то секретным материалом. Они все ему улыбнулись и пожелали доброго утра, поскольку физиономия Роя располагала к доброжелательности и всегда вызывала приветливые улыбки.

---

² «Потрошитель, Стрелок, Душитель и Отравитель» (англ.).

Мелисса Виклун, их главный фотоэксперт, сидела за столом в своем кабинете в углу лаборатории. Здесь не было окон, однако сквозь две стеклянные перегородки она могла наблюдать за своими подчиненными в другой комнате.

Когда Рой постучал в стеклянную дверь, она подняла глаза от разложенных перед ней бумаг:

– Входи.

Мелисса, блондинка лет тридцати с большим гаком, была одновременно и феей и ведьмой. Казалось, ее огромные зеленые глаза смотрят на мир с наивностью и простодушием, однако было в них что-то и непонятно-загадочное. Дерзкий вздернутый носик соседствовал с чувственным, невероятно соблазнительным ртом. У нее были высокая полная грудь, тонкая талия и длинные ноги – однако она предпочитала скрывать свои достоинства под просторными блузами, белым лабораторным халатом и мешковатыми джинсами. И стоптанные туфли, несомненно, скрывали такие изящные и красивые ножки, что Рой мог бы часами целовать их.

Он никогда не пробовал за ней ухаживать, потому что она была чрезвычайно сдержанной и деловой и, как ему казалось, смахивала на лесбиянку. Он не имел ничего против лесбиянок. Живи и жить давай другим. Но, с другой стороны, он боялся проявить к ней интерес и быть отвергнутым.

– Доброе утро, Рой, – весело сказала Мелисса.

– Как ты тут жила? Боже милостивый, ты же знаешь, что меня не было в Лос-Анджелесе, и мы не виделись с...

– Я только что изучала это досье. – Сразу за дело. Ее никогда не интересовала пустая болтовня. – Мы закончили работу над снимком.

Когда Мелисса говорила, Рой терялся, не зная, смотреть на ее глаза или на губы. У нее был прямой, несколько даже вызывающий взгляд, что ему нравилось. Но у нее были такие мягкие, сочные губы!

Она пододвинула ему фотографию.

Рой отвел взгляд от ее рта.

Фотография была значительно лучше прежней – это был цветной, довольно разборчивый вариант того, что он видел на экране своего дисплея накануне вечером, – профиль мужчины крупным планом. Лицо несколько затемнено, однако вполне различимо. Помехи, вызванные дождем, были полностью убраны.

– Отлично сработано, – сказал Рой. – Однако еще недостаточно для того, чтобы мы могли определить, кто это.

– Ну почему же, мы можем довольно много сообщить о нем, – сказала Мелисса. – Ему где-то между двадцатью восемью и тридцатью двумя.

– Как ты узнала?

– Компьютерный анализ линий кожи в углах глаз, количества седины в волосах, примерный уровень мышечного тонуса в мускулах лица и шеи.

– Довольно много, если учесть, что имеется так мало...

– Ничего подобного, – перебила она его. – Наши приборы могут действовать и производить анализ материала при информационной биологической базе в десять мегабайт, и на результаты вполне можно положиться.

То, как двигались ее губы, произнося «при информационной биологической базе в десять мегабайт», привело его в совершеннейший восторг. Нет, рот у нее был положительно лучше глаз. Само совершенство. Он откашлялся.

– И мы имеем...

– Шатен, карие глаза.

Рой нахмурился:

– Ну, что касается цвета волос, то понятно, а как ты можешь определить по этому снимку цвет глаз?

Мелисса встала со стула и, взяв у него снимок, положила на стол. Кончиком карандаша она показала на краешек глаза, видный при этом повороте головы.

– Он не смотрит в камеру, так что, если ты или я будем изучать снимок под микроскопом, мы все равно не сможем увидеть его радужную оболочку, чтобы определить цвет. Но даже и при таком ракурсе компьютер смог определить несколько цветковых пикселей.

– Значит, у него карие глаза.

– Темно-карие. – Она положила карандаш и уперлась кулачком в бедро, нежная, как цветок, и решительная, как генерал перед сражением. – Очень темные, почти черные. – Рою нравился ее убежденный тон, непоколебимая твердость, с которой она говорила. И еще эти губы. – На основе сравнительного анализа других предметов на снимке, проведенного с помощью компьютера, его рост примерно сто восемьдесят сантиметров. – Она говорила четко и быстро, так что слова вылетали из ее рта отрывисто и энергично, как пулеметная очередь. – Весит он восемьдесят килограммов – плюс-минус два. Он белый, чисто выбрит, в хорошей физической форме, недавно стригся.

– Еще что-нибудь?

Мелисса вытащила из папки еще одну фотографию.

– Вот его изображение. В фас.

Рой с удивлением воззрился на нее:

– Я и не знал, что у нас есть и такой снимок.

– У нас его и не было, – сказала она, с видимой гордостью разглядывая фотографию. – Собственно, это даже не снимок. Это компьютерная графика, восстановившая его предположаемое изображение в фас на основе структуры костей черепа и расположения жировых отложений, о которых сообщили снимки в профиль.

– И машина способна на такое?

– Это новые, усовершенствованные программы.

– Оно заслуживает доверия?

– Учитывая качество снимка и ракурс, с которым пришлось иметь дело компьютеру, существует вероятность того, что снимок соответствует реальному изображению процента на девяносто четыре по ста девяносто параметрам, – заверила она Роя.

– Думаю, что это даже лучше, чем обычный полицейский фоторобот, – сказал он.

– Несомненно. – Через секунду она спросила: – Что-нибудь не так?

Она уже смотрела не на снимок, а прямо на него, а он, оказывается, не сводил глаз с ее губ.

– Да, – сказал он, глядя на фотографию таинственного незнакомца. – Не могу понять, что это... что это за линия на правой щеке?

– Шрам.

– Нет, серьезно? Ты уверена? Прямо от уха до середины подбородка?

– Глубокий большой шрам, – сказала она, выдвигая ящик стола. – Давно зарубцевавшийся – ткань в основном гладкая, лишь сморщена в нескольких местах у краев.

Рой взглянул на снимок в профиль и увидел, что часть шрама была видна и на нем, хотя он сразу и не понял, что это.

– Я думал, просто тень так падает на лицо.

– Нет.

– Точно?

– Да. Это шрам, – уверенно произнесла Мелисса и вытащила из раскрытого ящика бумажную салфетку.

– Это же отлично. Теперь его гораздо легче будет найти. Похоже, что этот парень проходил специальную подготовку – в армии или какой-нибудь военизированной организации, а

если у него такой шрам, то он, скорее всего, получил его во время какой-нибудь операции. Видно, его здорово ранило. Может быть, даже настолько сильно, что ему пришлось оставить службу, если не по состоянию физического здоровья, то из-за психической травмы.

– Архивы полиции и армии хранятся вечно.

– Вот именно. Мы найдем его через пару дней, даже еще быстрее. – Рой поднял глаза от снимка. – Спасибо, Мелисса.

Она вытирала рот салфеткой. Она могла не бояться размазать губную помаду, поскольку ею не пользовалась. Помада ей была не нужна. Она не могла сделать Мелиссу лучше.

Рой с восторгом смотрел, как полные, мягкие губы прижимаются к мягкой салфетке.

Он поймал себя на том, что опять усталился на нее и что она видит это. Он посмотрел ей в глаза.

Мелисса чуть покраснела и, отвернувшись, бросила смятую салфетку в мусорную корзину.

– Я могу это взять? – спросил он, указывая на портрет, сделанный компьютером.

Она протянула ему плотный конверт и сказала:

– Я положила сюда пять копий и еще две дискеты с портретом.

– Спасибо огромное, Мелисса.

– Всегда рада.

Нежный румянец еще не сошел с ее лица.

Рой почувствовал, что ему впервые удалось пробить ее холодный панцирь деловой женщины и войти в контакт, хотя и очень слабый, с истинной Мелиссой, натурой ранимой и тонкой, тщательно скрывавшей свои слабости. Он подумал, не стоит ли назначить ей свидание.

Он повернул голову и глянул сквозь стеклянные перегородки на работников компьютерной лаборатории, совершенно убежденный в том, что они улавливают эротические флюиды, которые всю гуляют в кабинете их начальницы. Однако, казалось, все сотрудники поглощены своими делами.

Повернувшись снова к Мелиссе Виклун, чтобы пригласить ее на ужин, он увидел, что она тихонько трогает кончиком пальца уголок рта. Заметив его взгляд, она кашлянула и сделала вид, что от этого прикрывает рот рукой.

Рой разочарованно подумал, что эта женщина неправильно истолковала его взгляд. Она, по всей видимости, решила, что его внимание привлекла прилипшая к губам крошка или другой след утреннего завтрака, оставшийся на лице.

Она не заметила его влечения. Если она действительно лесбиянка, то считает, что Рой знает об этом и не может проявлять к ней интереса. Если же она не лесбиянка, то, возможно, просто не испытывает интереса к такому, как он, а возможно, и не представляет себя способной вызвать интерес у мужчины с круглыми щеками, мягким подбородком и намечающимся брюшком. Он и раньше встречался с этим предрассудком – судить по внешности. Многие женщины, одурманенные культурой потребительского общества с его ложными ценностями, интересовались лишь мужчинами типа Кельвина Кляйна или теми, что рекламируют «Мальборо». Им не понять, что мужчина с добродушной и веселой физиономией любимого дядюшки может быть более добрым и умным, более чутким и искусным в любви, чем какой-нибудь громила, все свободное время проводящий в спортивном зале. Как жаль, что и Мелисса, возможно, такая же недалекая. Как это печально. Очень печально.

– Еще что-нибудь? – спросила она.

– Нет, все отлично. Мне этого хватит. С этим мы его быстро словим.

Она кивнула.

– А теперь хочу зайти в дактилоскопическую лабораторию, узнаю, что им удалось получить с этого окошка в ванной.

– Да, конечно, – неуверенно произнесла она.

Он бросил последний взгляд на ее совершенный рот, вздохнул и сказал:

– Ну, до встречи.

Выйдя из ее кабинета, закрыв дверь и пройдя длинную комнату лаборатории почти до конца, он обернулся в надежде, что она с тоской смотрит ему вслед. Однако она сидела за столом и изучала свое лицо в зеркальце пудреницы.

Ресторан «Китайская мечта» располагался в западном Голливуде, в причудливом трехэтажном кирпичном здании, среди шикарных магазинов. Спенсер направился туда, оставив машину за квартал от ресторана и, как обычно, закрыв в кабине Рокки.

Был приятный теплый день. Дул мягкий ветерок. Это был один из тех дней, когда кажется, что все-таки стоит жить и стоит бороться за жизнь.

Ресторан еще не принимал посетителей, однако дверь была не заперта, и Спенсер вошел.

«Китайская мечта» не был похож на обычный китайский ресторан с присущей ему атрибутикой: драконами, фонариками, иероглифами на стенах. Это был почти ничем не украшенный современный зал, отделанный в жемчужно-серых и черных тонах, с белоснежными скатертями на тридцати или сорока столиках. Единственным китайским предметом здесь была вырезанная из дерева в полный человеческий рост статуя женщины в национальном костюме, с добрым лицом, державшей в руках какой-то предмет, напоминающий перевернутую бутылку. Она стояла у самой двери.

Два китайца лет двадцати с небольшим раскладывали приборы и расставляли бокалы. Третий китаец, лет на десять старше, быстро сворачивал накрахмаленные салфетки каким-то причудливым образом. Его руки действовали с ловкостью жонглера. На всех троих были черные ботинки, черные брюки, черные рубашки и черные галстуки.

Старший из них с улыбкой подошел к Спенсеру:

– Простите, сэр. Но мы открываемся лишь в половине двенадцатого.

У него был мягкий голос, и говорил он почти без акцента.

– Я пришел поговорить с Луисом Ли, если это возможно, – сказал Спенсер.

– Вы с ним договорились о встрече, сэр?

– Нет.

– Вы не могли бы сказать, что именно собираетесь обсудить с ним?

– Мне бы хотелось поговорить об одном из жильцов дома, которым он владеет.

Тот кивнул:

– Если не ошибаюсь, о Валери Кин?

Мягкий вкрадчивый голос, безупречная вежливость должны были производить впечатление человека смиренного и робкого, и через эту завесу было нелегко угадать, что специалист по салфеткам был человеком чрезвычайно умным и наблюдательным.

– Да, – сказал Спенсер. – Меня зовут Спенсер Грант. Я... я друг Валери. Я очень за нее волнуюсь.

Из кармана брюк китаец достал предмет размером с карточную колоду, хотя и потоньше ее. Так он выглядел в сложенном состоянии, но через мгновение Спенсер увидел, что это совсем крохотный радиотелефон. Он еще никогда в жизни не видел таких маленьких.

Заметив любопытство Спенсера, человек произнес:

– Сделан в Корее.

– Прямо как у Джеймса Бонда.

– Мистер Ли только начал их импортировать.

– Я думал, он занимается ресторанами.

– Да, сэр. Но он занимается многими вещами.

Специалист по салфеткам нажал на одну кнопку и подождал, пока включится связь с занесенным в программу номером. Спенсер был удивлен тем, что разговор происходил не на английском или китайском, а на французском языке.

Затем, сложив телефон и убирая его в карман, метрдотель сказал:

– Мистер Ли примет вас. Сюда, пожалуйста.

Спенсер проследовал за ним мимо столов в дальний конец зала и прошел сквозь вращающуюся дверь с круглым окошком посередине. Тут его обступили аппетитнейшие ароматы – чеснока, жареного лука, имбиря, разогретого арахисового масла, грибного супа, жареной утки, миндальной эссенции.

В огромной, безупречно чистой кухне было множество жарочных шкафов, плит, сковородок, котлов, сотейников, столов для подогрева пищи, моек и разделочного оборудования. В основном все было сделано из нержавеющей стали, сверкавшей на фоне белых облицовочных плиток. Не менее дюжины поваров и их помощников, одетых в белое с ног до головы, колдовали над различными блюдами.

Все было отлажено и отрегулировано и работало, как дорогие старинные швейцарские часы с танцующими балеринами, марширующими солдатами, скачущими деревянными лошадками. Так и слышалось: «Тик-так, тик-так».

Спенсер прошел за своим проводником еще через одну крутящуюся дверь и оказался в коридоре, где они миновали многочисленные кладовки, комнату отдыха для служащих и оказались около лифта. Он думал, что они поедут наверх. Но они в полном молчании спустились на один этаж. Когда дверь отворилась, его сопровождающий сделал ему знак выйти первым.

В подвальном помещении не было ни темно, ни мрачно. В отделанном панелями из красного дерева холле стояло несколько красивых, обитых велюром кресел. За столом секретаря сидел мужчина – китаец, совершенно лысый, более ста восьмидесяти сантиметров роста, с широкими плечами и мощной шеей. Он что-то энергично печатал на компьютере. Повернувшись к вошедшим, он улыбнулся, под тесноватым пиджаком явственно проступал пистолет в кобуре под мышкой.

Он сказал:

– Доброе утро.

Спенсер ответил на приветствие.

– Можно войти? – спросил провожатый Спенсера.

Лысый кивнул:

– Да, все в порядке.

Когда они подошли к двери, электрический замок шелкнул, открытый секретарем с помощью дистанционного управления.

Лысый опять вернулся к прерванному занятию. Его пальцы так и бегали по клавишам. Если он владеет пистолетом так же искусно, как и компьютером, то с ним опасно иметь дело.

Выйдя из холла, они оказались в коридоре с белыми стенами и серым виниловым покрытием на полу. По обеим сторонам через открытые двери кабинетов без окон Спенсер видел мужчин и женщин – многие, но не все, были китайцами или вьетнамцами, они работали за письменными столами, компьютерами, у картотек, как и обычные служащие в обычном мире.

Дверь в конце коридора вела в кабинет Луиса Ли, и там Спенсера ждал очередной сюрприз. Пол из итальянского известняка. Великолепный персидский ковер в серых, сиреневых и зеленых тонах. Стены увешаны гобеленами. Французская мебель начала девятнадцатого века с тончайшей инкрустацией и позолотой. Книги в кожаных переплетах за стеклянными дверцами шкафов. Большая комната уютно освещена настольными лампами и торшерами, на некоторых – шелковые абажуры или плафоны из дутого цветного стекла. Спенсер был убежден, что все вещи подлинные.

– Мистер Ли, это мистер Грант, – сказал его спутник.

Человеку, вышедшему из-за искусно отделанного стола, было лет пятьдесят с небольшим, он был худощав, ста семидесяти сантиметров роста. Его густые иссиня-черные волосы начали сесть на висках. На нем были черные открытые туфли, темно-синие брюки с подтяжками, белая рубашка и галстук-бабочка синего цвета в мелкий красный горошек, а также очки в роговой оправе.

– Рад вас видеть, мистер Грант. – У него был приятный акцент, то ли европейский, то ли китайский. Рука была небольшая, но рукопожатие сильное.

– Спасибо, что согласились принять меня, – сказал Спенсер, чувствуя себя несколько сбитым с толку, как Алиса, ринувшаяся за кроликом и оказавшаяся в мягко освещенной шелковой норе.

У Ли были антрацитово-черные глаза. Он устремил на Спенсера взгляд, который словно проникал тому прямо под кожу, как скальпель.

Спутник Спенсера, которого он считал метрдотелем, теперь стоял сбоку от двери, держа руки за спиной. Он не вырос за это время, однако теперь он казался таким же крупным, как и лысый телохранитель.

Луис Ли пригласил Спенсера сесть в одно из кресел возле стола. Стоявший рядом торшер под шелковым абажуром отбрасывал пятна света синего, зеленого и красного оттенков.

Ли сел напротив Спенсера, держась очень прямо. В своих очках, подтяжках, галстук-бабочке, с рядами книг за спиной он был больше похож на профессора-филолога в своем домашнем кабинете где-нибудь в домике неподалеку от Йеля или близ еще какого-нибудь престижного университета.

Он держался сдержанно, но дружелюбно.

– Так, значит, вы – друг мисс Кин? Может быть, вы учились вместе? В школе? В колледже?

– Нет, сэр. Я не так давно знаком с ней. Я познакомился с ней там, где она работает. Так что я ее недавний знакомый. Но она мне очень дорога, и... я очень боюсь, чтобы что-нибудь с ней не случилось.

– Почему вы решили, что с ней должно что-то случиться?

– Не знаю. Но я уверен, что вам известно о налете отряда специального назначения на ваш дом прошлой ночью; на тот, который она у вас снимала.

Ли помолчал с минуту. Затем сказал:

– Да, вчера вечером приходили и ко мне домой, после этого налета. Спрашивали о ней.

– Мистер Ли, те, кто приходил... кто они?

– Их было трое. Заявили, что они из ФБР.

– Что значит «заявили»?

– Они показали мне удостоверения, но говорили неправду.

Нахмурившись, Спенсер спросил:

– Почему вы так думаете?

– За свою жизнь я не раз сталкивался с ложью и предательством, – сказал Ли. В его словах не было озлобленности или горечи. – Так что у меня прекрасное чутье на вещи такого рода. – Спенсер не знал, предупреждение это или действительно только объяснение. Однако, как бы то ни было, он понимал, что перед ним не обычный предприниматель. – И если они не являются представителями правительственных органов...

– Да нет, я уверен, что они из правительственной организации, просто думаю, что они действуют под прикрытием ФБР.

– Да, но если они из другого учреждения, почему бы им не показать свои истинные удостоверения? – Ли пожал плечами. – Несчастные агенты, работающие без ведома своих организаций и надеющиеся конфисковать доход от торговли наркотиками в свой карман, например, имеют все основания действовать по подложным документам.

Спенсер знал, что такие вещи случаются.

– Но я не... я просто не могу поверить, что Валери была связана с торговлей наркотиками.

– Я убежден, что это не так. Если бы я сомневался, то не стал бы сдавать ей дом. Эти люди – мерзавцы: развращают детей, губят человеческие жизни. Кроме того, хотя мисс Кин и вносила плату за проживание наличными, она в деньгах не купалась. И она работала с утра до вечера.

– Так если это не мошенники из агентства, действующие в своих собственных корыстных интересах и набивающие карманы деньгами от продажи кокаина, и если они не агенты ФБР – то кто же они?

Луис Ли переменил позу, но сидел так же прямо, он чуть поднял голову, блики от разноцветного абажура падали на стекла его очков, отчего глаза его стали невидимыми.

– Иногда правительству – или какой-нибудь правительственной организации – надоедает играть по правилам. Имея в своем распоряжении колоссальные денежные средства и неэффективную систему учета, над которой бы посмеялся любой уважающий себя предприниматель, они получают возможность образовывать тайные учреждения для достижения целей, которых нельзя добиться с помощью легальных средств.

– Мистер Ли, а вы не читались шпионских романов?

Ли чуть улыбнулся:

– Я ими не интересуюсь.

– Простите меня, сэр, но то, что вы говорите, похоже на бред.

– Я опираюсь на собственный опыт.

– Значит, у вас была более интересная жизнь, чем это может показаться с первого взгляда.

– Да, – сказал Ли, но не стал вдаваться в подробности.

После затянувшегося молчания он продолжил, глядя на Спенсера из-под темных очков:

– Чем больше правительство, тем больше вероятность того, что оно содержит подобные организации: и совсем небольшие, и другого рода. А у нас, мистер Грант, очень большое правительство.

– Да, но...

– Прямые и косвенные налоги заставляют простого гражданина работать с января до середины июля на содержание этого правительства. И только потом уже можно работать непосредственно на себя.

– Я тоже слышал об этих расчетах.

– Когда правительство так разрастается, оно нагнет.

Луис Ли не был похож на душевнобольного. В его голосе не было ни злобы, ни горечи. И хотя он окружил себя чрезвычайно изысканными и дорогими вещами, в нем чувствовалась простота, свойственная последователям дзен-буддизма, а также типично азиатское философское отношение к жизни. Он был скорее прагматик, нежели борец за идею.

– И враги мисс Кин – мои враги тоже, мистер Грант.

– И мои.

– И однако, я не собираюсь подставляться, как это делаете вы. Вчера вечером я не стал выражать сомнений в подлинности их удостоверений, когда они представились как агенты ФБР. Это было бы неразумно. Я не смог им помочь, но я очень старался. Вы меня понимаете?

Спенсер вздохнул и обмяк в своем кресле.

Ли подался вперед, его пронзительные черные глаза опять стали видимыми, поскольку на них не падал свет лампы. Он спросил:

– Это вы приходили в ее дом вчера вечером?

Спенсер удивился:

– Откуда вы знаете, что я там был?

– Они интересовались человеком, с которым она, возможно, живет. Ваш рост, вес. Можно спросить, что вы там делали?

– Она опоздала на работу. Я очень волновался. Я пошел к ней, чтобы посмотреть, не случилось ли чего.

– Вы тоже работаете в «Красной двери»?

– Нет. Я просто ждал ее там. – Больше он ничего говорить не хотел. Остальное было бы слишком трудно объяснить – да и как-то неловко. – А не знаете ли вы о Валери что-нибудь такое, что помогло бы ее найти?

– В сущности, ничего.

– Я только хочу помочь ей, мистер Ли.

– Я верю вам.

– Ну хорошо, сэр, тогда вы хотя бы поможете мне? Что было в ее заявлении о найме дома? Может быть, прежний адрес, место работы, данные о получении кредитов – хоть что-нибудь, что могло бы пригодиться.

Ли откинулся и, убрав руки с колен, положил их на ручки кресла.

– Не было никакого заявления.

– Хорошо, мистер Ли, но у вас немало домов, и я уверен, что тот, кто управляет вашей собственностью, наверняка получал какой-нибудь документ или заявление.

Луис Ли поднял брови, что для столь сдержанного человека было просто театральной мимикой.

– Так вы уже немало узнали обо мне. Очень хорошо. Да, но в случае с мисс Кин никакого заявления не было, поскольку мне ее рекомендовал кое-кто, работающий в «Красной двери», она тоже снимает у меня жилье.

Спенсер вспомнил красивую официантку-метиску.

– Это, случайно, не Роза?

– Случайно, да.

– Они с Валери подруги?

– Да. Я встретился с мисс Кин, и она мне понравилась. Мне она показалась порядочной девушкой. Больше мне ничего не надо было.

Спенсер сказал:

– Мне необходимо поговорить с Розой.

– Наверняка она будет сегодня вечером на работе.

– Я хочу поговорить с ней прямо сейчас. Отчасти из-за нашего с вами разговора, мистер Ли. У меня такое чувство, что за мной охотятся, и у меня мало времени.

– Думаю, что вы правы.

– Тогда мне нужны ее фамилия, сэр, и ее адрес.

Луис Ли молчал так долго, что Спенсер заволновался. Наконец он заговорил:

– Мистер Грант, я родился в Китае. Когда я был ребенком, нам пришлось бежать от коммунистов, и мы эмигрировали во Вьетнам, в Ханой, где в то время хозяйничали французы. Мы потеряли все, но это было лучше, чем оказаться среди десятков миллионов, уничтоженных Председателем Мао.

Хотя Спенсер и не был уверен, что история жизни этого человека имеет какое-то отношение к его делам, он чувствовал, что какая-то связь между ними есть и вскоре он поймет, в чем она заключается. Хотя мистер Ли был китайцем, но в нем не было ничего загадочного. В сущности, он был достаточно откровенен и прям, как любой житель Новой Англии.

– Китайцам нелегко приходилось во Вьетнаме. Жизнь была тяжелой. Однако французы обещали защитить нас от коммунистов. Они нас предали. Когда в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году Вьетнам разделился на две части, я был еще совсем мальчиком. И нам опять пришлось бежать, мы уехали в Южный Вьетнам – и потеряли все.

– Понимаю.

– Нет. До вас начало кое-что доходить, но вы еще не понимаете. Через год началась гражданская война. В тысяча девятьсот пятьдесят девятом моя сестра погибла на улице от выстрела снайпера. Три года спустя, через неделю после того, как Джон Кеннеди пообещал, что Соединенные Штаты помогут нам, от взрыва бомбы, подложенной в автобус террористами, погиб в Сайгоне мой отец.

Ли закрыл глаза и сжал руки. Казалось, он не вспоминает, а молится.

Спенсер ждал.

– В конце апреля тысяча девятьсот семьдесят пятого года пал Сайгон, мне было тридцать, у меня было четверо детей и жена Мей. Моя мать была еще жива, и мы жили вместе с одним из моих трех братьев и его двумя детьми. Нас было десять человек в семье. А после шести месяцев террора погибли моя мать, брат, одна из моих племянниц и один из моих сыновей. Я не мог спасти их. Нас осталось шестеро... и мы решили бежать морем. С нами было еще тридцать два человека.

– «Люди на лодках», – произнес Спенсер сочувственно, поскольку он тоже знал, что значит оторваться от прошлого, от привычного уклада и броситься в плавание в страхе за свою жизнь, пытаясь выжить и спастись.

Не открывая глаз, таким тоном, будто он рассказывает о загородной прогулке, Ли продолжал:

– Однажды, когда штормило, на наше судно напали пираты. Это был военный катер вьетконговцев. То же самое, что пираты. Они убивали мужчин, насиловали и убивали женщин, забирали себе наши жалкие пожитки. Восемнадцать из тридцати восьми погибли, отражая их нападение. Одним из них был мой сын. Ему было десять лет. Его застрелили. Я ничего не мог сделать. Остальные спаслись, потому что погода ухудшилась, поднялись большие волны, и катер срочно ретировался. От пиратов нас спас шторм. Но сильными волнами двоих смыло за борт. И нас осталось восемнадцать человек. Когда погода улучшилась, наше судно, сильно потрепанное, с неработающим двигателем, без парусов и с неисправной рацией, оказалось посреди Южно-Китайского моря.

Спенсер не мог больше смотреть на его спокойно-каменное лицо. Но он и не мог отвести от него глаз.

– Мы дрейфовали шесть дней. Жара была невыносимой. Не было питьевой воды. Очень мало пищи. Прежде чем нас заметили с американского военного судна и спасли, умерли одна женщина и четверо детей. В том числе моя дочь – она умерла от жажды. Я не мог ее спасти. Я не мог никого спасти. Из десяти человек моих близких, переживших падение Сайгона, осталось лишь четверо. Моя жена, еще одна дочь – единственный мой ребенок, оставшийся в живых, – и моя племянница. И я.

– Очень вам сочувствую, – сказал Спенсер, но слова не могли выразить истинных чувств и прозвучали фальшиво.

Луис Ли открыл глаза.

– С этой развалюхи двадцать лет назад спасли еще девять человек. Они все, как и я, взяли себе американские имена и сегодня являются совладельцами этого ресторана, партнерами в других моих предприятиях. Я их всех считаю своей семьей. Мы, мистер Грант, держимся довольно замкнуто. Я – американец, потому что верю в американские идеалы. Я люблю эту страну, ее народ. Но я не люблю ее правительство. Я не могу любить то, чему я не доверяю, и я никогда и нигде не буду доверять правительству. Вас это не шокирует?

– Нет. Это можно понять. Но это все очень печально.

– Как отдельные личности, как соседи, члены одного коллектива, – сказал Ли, – представители любой расы и разных политических убеждений обычно очень симпатичные, приятные, добрые люди. Но, объединившись или же попав в правительство, где в их руках сосредото-

вається большая власть, некоторые становятся просто чудовищами, причем иногда даже имея самые благие намерения. Я не могу хорошо относиться к чудовищам. Но я всегда буду хорошо относиться к своей семье, своим соседям, людям моего круга.

– Думаю, это правильно.

– Рози, официантка из «Красной двери», не была среди тех, кто оказался с нами на судне. Однако ее мать – вьетнамка, а ее отец – американец, погибший там, так что она – одна из людей моего круга.

Спенсер настолько увлекся рассказом Луиса Ли, что совсем позабыл о своей просьбе, которая и вызвала все эти воспоминания. Ему хотелось как можно скорее поговорить с Рози. Ему было необходимо узнать ее фамилию и адрес.

– Нельзя вовлекать Рози в это дело еще больше, – сказал Ли. – Она рассказала этим лжефэбээр, что знает о мисс Кин очень мало, и я не хочу, чтобы вы что-либо испытывали у нее.

– Я просто хочу задать ей несколько вопросов.

– Если эти люди увидят ее с вами, а в вас узнают того человека, что был прошлой ночью в доме, то они решат, что Рози с мисс Кин связывает нечто большее, чем общая работа, хотя, по правде, так оно и есть.

– Я буду очень осторожен, мистер Ли.

– Да. Только при этом условии я вам помогу.

Тихо отворилась дверь, Спенсер обернулся и увидел, что в комнату вернулся метрдотель, который привел его сюда. Он даже не слышал, как тот выходил.

– Она его помнит. Все в порядке, – сказал тот Луису Ли, подходя к Спенсеру и протягивая ему листок бумаги.

– В час дня, – сказал Луис, – Рози встретится с вами по этому адресу. Это не ее дом – вдруг за ее домом следят.

Быстрота, с которой было улажено это дело без единого слова между Ли и его человеком, показалась Спенсеру просто волшебной.

– За ней не будет слежки, – сказал Ли, вставая с кресла. – И убедитесь в том, что за вами тоже нет слежки.

Поднимаясь с места, Спенсер сказал:

– Мистер Ли, вы и ваша семья...

– Да?

– Меня это просто потрясло.

Луис Ли слегка поклонился. Затем, направляясь к своему рабочему креслу, произнес:

– И еще одно, мистер Грант. – Когда Ли выдвинул ящик стола, у Спенсера возникло нелепое предчувствие, что этот спокойный, тихий, безобидный господин собирается вытащить пистолет с глушителем и пристрелить его на месте. Что только не придет в голову, когда за тобой гонятся! Ли вынул медальон, с виду будто бы из нефрита, на золотой цепочке. – Иногда я дарю его тем, кому он может понадобиться.

Боясь, как бы эти двое не услышали, как бешено колотится его сердце, Спенсер подошел к Ли и взял подарок.

Он был сантиметров пять в диаметре. С одной стороны была вырезана голова дракона, с другой – стилизованное изображение фазана.

– Это слишком дорогая вещь, чтобы...

– Это всего лишь мыльный камень. Фазаны и драконы, мистер Грант. Вам нужна их сила. Благополучие и долгая жизнь.

Держа медальон на ладони, Спенсер спросил:

– Это талисман?

– Да, и очень эффективный, – сказал Ли. – Вы видели Кван Инь, когда вошли в ресторан?

– Не понял?

– Деревянную статую около входной двери.

– Да, видел. Женщина с добрым лицом.

– В ней живет добрый дух и не позволяет врагам переступить мой порог. – Ли говорил с той же серьезностью, с какой повествовал о своих мытарствах. – Особенно она оберегает от завистливых людей, а зависть среди самых опасных чувств занимает второе место после жалости к себе.

– И, прожив такую жизнь, после всего, что выпало на вашу долю, вы еще верите в это?

– Мы должны во что-то верить, мистер Грант.

Они обменялись рукопожатием и простились.

Спенсер пошел за своим проводником, держа в руке записку с адресом и медальон.

В лифте, вспоминая короткий обмен репликами между своим сопровождающим и лысым телохранителем, когда они только вошли в приемную, Спенсер спросил:

– Когда мы ехали вниз, вы проверили, нет ли у меня оружия?

Вопрос вызвал у того улыбку, однако он не ответил.

Чуть позже, подойдя к входной двери, Спенсер остановился, чтобы как следует разглядеть Кван Инь.

– Он действительно думает, значит, так оно и есть, – сказал его сопровождающий. – Мистер Ли – великий человек.

Спенсер посмотрел на него:

– Вы были на том судне?

– Мне было всего восемь. Это моя мать умерла от жажды за день до нашего спасения.

– Он говорил, что никого не смог спасти.

– Он спас нас всех, – сказал тот, отворяя дверь.

Выйдя на улицу, ослепленный ярким солнечным светом и оглушенный шумом пронесавшихся мимо машин и пролетающего над головой самолета, Спенсер словно неожиданно проснулся от какого-то странного сна. Или же наоборот – заснул и видел сон.

За все то время, что он пробыл в ресторане и прилегающих к нему помещениях, никто ни разу не взглянул на его шрам.

Он повернулся и посмотрел внутрь ресторана через стеклянную дверь.

Человек, чья мать погибла от жажды в Южно-Китайском море, стоял среди столов и опять скручивал салфетки в причудливые остроконечные пирамиды.

Дактилоскопическая лаборатория, где молодой ассистент Дэвид Дэвис поджидал Роя Миро, занимала одно из помещений дактелоскопического отдела. Здесь находилось большое количество компьютеров для обработки изображений, мониторы с высокой разрешающей способностью и еще более экзотические приборы.

Дэвис готовился к тому, чтобы проявить незаметные глазу отпечатки пальцев на окне в ванной Валери Кин, аккуратно вынутом из стены дома. Оно лежало на мраморном столике лаборатории – вся рама целиком и нетронутое стекло, даже рояльные петли казались в полном порядке.

– Это очень важное дело, – сказал Рой, подходя к столу.

– Ну разумеется, у нас все дела очень важные, – сказал Дэвис.

– Да, но это дело особой важности. И к тому же очень срочное.

Рою Дэвис не нравился, и не только потому, что у него было дурацкое имя, а потому, что его раздражали его увлеченность и суматошность. Длинный, тощий, похожий на журавля, с жесткими, как проволока, светлыми волосами, Дэвид не просто входил в помещение, но врывался, влетал, вбегал. Вместо того чтобы просто повернуться, он вращался. Вместо того чтобы просто показать на что-то, он тыкал пальцем. Рою Миро, всегда избегавшему крайностей в одежде или поведении, Дэвид казался ужасно неестественным.

Его помощник – Рой только знал, что его зовут Верц, – был бледным типом, носившим свой белый лабораторный халат, как робкий новичок-семинарист рясу. Если он не сновал по лаборатории, выполняя поручения Дэвиса, то вечно сутился вокруг своего начальника, глядя на него с нескрываемым восхищением. Роя просто тошнило от него.

– На этой форточке ничего нет, – сказал Дэвид, рисуя ручкой в воздухе огромный ноль. – Ноль! Ни граммулечки. Дерьмо. Эта форточка – просто кусок дерьма! Здесь вообще нет ни сантиметра гладкой поверхности.

– Очень плохо, – сказал Рой.

– Очень плохо? – произнес Дэвид, глаза его расширились, как будто Рой на новость о покушении на папу римского отреагировал лишь пожатием плеч и усмешкой. – Похоже, что эта дрянь специально придумана для воров и грабителей – просто оборудована для мафии, ей-богу.

Верц тоже пробормотал:

– Ей-богу.

– Так давайте займемся окном, – нетерпеливо произнес Рой.

– Да, мы возлагаем на окно большие надежды, – сказал Дэвис, мотая головой вверх-вниз, как попугай, слушающий джаз. – Лаковая поверхность. Несколько раз рама была покрыта темно-желтым лаком, чтобы дерево не портилось от влажности ванной. Очень гладкая поверхность. – Дэвис просиял, глядя на маленькое окошко, лежащее на мраморном столике. – И если на нем что-то есть, то мы это найдем.

– Чем раньше, тем лучше, – подчеркнул Рой.

В одном из углов комнаты под вытяжным шкафом стоял пустой аквариум литров на десять. Верц, надев хирургические резиновые перчатки, взял окошко за боковые поверхности и понес его к аквариуму. Более мелкие предметы обычно подвешивались на проволоку с помощью специальных зажимов. Но окно было слишком тяжелым и громоздким для этого, так что Верц поставил его в аквариум под углом, прислонив к одной из стеклянных стенок. Оно еле-еле вошло.

Дэвис положил в чашку Петри три ватных тампона и поставил ее на дно резервуара. С помощью пипетки он нанес на вату несколько капель метилового эфира. Другой пипеткой он накапал такое же количество раствора гидрата окиси натрия.

Тотчас же в аквариуме появились пары цианистого акрилата, которые устремились вверх, к вентиляционному отверстию.

Скрытые отпечатки, оставленные небольшим количеством выделений – жира, пота, грязи, – не видимые простому глазу, обычно проявляются под воздействием одного из следующих веществ: порошка, йода, раствора нитрата серебра или же паров цианистого акрилата, с помощью которого достигаются лучшие результаты на непористых материалах, вроде стекла, металла, пластика и лаковых покрытий. Пары моментально конденсируются в плотную смолоподобную массу на всей поверхности, однако сильнее всего на остатках жира, повторяя рисунок отпечатка.

Процесс занял чуть больше тридцати минут. Если бы оставили окно в аквариуме на более длительное время, мог образоваться слишком плотный слой смолы, скроющий отпечатки пальцев. Дэвис решил, что ему понадобится сорок минут, и оставил Верца следить за процессом.

Рой с трудом пережил эти сорок минут, поскольку Дэвид Дэвис – волшебник в области техники – настоял на том, что покажет гостю новое, ультрасовременное оборудование своей лаборатории. Отчаянно жестикулируя, не умолкая ни на минуту, сверкая маленькими блестящими, как у птицы, глазками, он подробнейшим образом рассказывал Рою о работе каждого прибора, всех его узлов.

К тому времени как Верц объявил, что окно из резервуара вынуто, Рой уже устал демонстрировать внимание к болтовне Дэвиса. Он с тоской представил спальню Беттонфилдов вчера вечером: как он держал руку милой Пенелопы, как слушал «Битлз». Ему было так хорошо.

Насколько же с мертвыми приятнее иметь дело, чем с живыми.

Верц подвел их к фотографическому столику, на котором лежало окно из ванной. На штативе, установленном над столом, был укреплен «Поляроид С-5», чтобы сделать снимки отпечатков пальцев крупным планом.

Окно лежало к объективу внутренней стороной – таинственный незнакомец мог коснуться ее, убегая из дома. С внешней же стороны все следы были, разумеется, смыты дождем.

Хотя идеальным фоном считался черный, деревянная лакированная рама была достаточно темной, чтобы на ней проявились белые узоры от скопления цианистого акрилата. Однако при тщательном рассмотрении они ничего не заметили ни на раме, ни на стекле.

Верц выключил верхний свет, и в лаборатории стало темно, только через закрытые жалюзи проникал дневной свет. Его бледное лицо, казалось, флуоресцировало в темноте, как какая-то тварь морских глубин.

– Возможно, мы сумеем что-нибудь увидеть при боковом освещении, – сказал Дэвид.

На гибком штативе была прикреплена галогеновая лампа с коническим абажуром. Дэвис включил ее, снял со штатива и стал медленно водить ею над окном, всячески поворачивая лампу под самыми разными углами.

– Ничего, – с досадой произнес Рой.

– Давай-ка посмотрим стекло, – сказал Дэвис, продолжая водить лампой в разных направлениях, с той же тщательностью изучая и стекло.

Ничего.

– Магнетический порошок, – сказал Дэвис. – Он поможет.

Верц опять включил яркий верхний свет. Он подошел к шкафчику и вернулся, держа в руках баночку с магнитным порошком и специальным аппликатором, называемым «магнитной кистью». Рою приходилось видеть, как она действует.

Ручейки черного порошка лучами расходились от этой кисточки и прилипали там, где были хоть какие-то следы жира, а излишки порошка удалялись затем магнитной кисточкой. Преимущество магнитного порошка заключалось в том, что на изучаемой поверхности не оставалось лишнего материала.

Верц покрыл порошком каждый сантиметр рамы и стекла. Никаких отпечатков.

– Ага, значит, так! – воскликнул Дэвис, потирая руки с длинными пальцами, дергая головой, с явным удовольствием принимая вызов. – Ничего, мы еще поборемся. Черт подери! Это делает работу еще интереснее.

– Если все легко получается, то никакого интереса. Легкая работа – работа для придурков, – с улыбкой проговорил Верц, явно повторяя одно из своих любимых выражений.

– Вот именно! – отозвался Дэвис. – Ты прав, юный друг Верц. А мы с тобой не придурки!

Казалось, трудность работы еще больше взвинчивала его.

Рой выразительно посмотрел на часы.

Пока Верц убирал на место порошок и кисточку, Дэвис натянул на руки перчатки из латекса и осторожно перенес окно в соседнюю комнату, чуть поменьше главной лаборатории. Он поставил его в металлическую раковину и, схватив одну из двух пластиковых бутылок, стоявших на соседнем столике, полил жидкостью раму и стекло.

– Метиловый раствор родамина-шесть, – объяснил Дэвис с таким видом, как будто Рой знал, что это за вещество, или даже хранил его в своем домашнем холодильнике.

Тут в комнату вошел Верц и сказал:

– А я знал одну по имени Родамин, и она жила в квартире шесть, на моей же площадке.

– Она так же пахла? – спросил Дэвис.

– У нее был более резкий запах, – сказал Верц, и они с Дэвисом расхохотались.

Тупой юмор. Рой не видел в этой шутке ничего смешного. Он не мог дождаться, когда они закончат.

Затем Дэвис взял вторую бутылку со словами:

– Чистый метанол. Смывает излишки родамина.

– Родамин частенько была неводержанна, так что ее невозможно было смыть неделями, – сказал Верц, и они снова расхохотались.

Иногда Рой просто ненавидел свою работу.

Верц включил в сеть лазерный генератор с водяным охлаждением, стоявший около стены.

Затем стал крутить какие-то ручки.

Дэвис поднес окно к столику для лазерного обследования.

Убедившись, что аппарат готов к работе, Верц раздал им специальные темные очки. Дэвис выключил яркий верхний свет. Теперь единственным освещением был тоненький лучик, проникающий из-под закрытой двери соседней лаборатории.

Надев очки, Рой приблизился к столику.

Дэвис включил лазер. Когда таинственный, пугающий луч упал на нижнюю часть рамы, сразу появился отпечаток, нарисованный родамином, – странный светящийся изгиб.

– Вот ты где, гад! – воскликнул Дэвис.

– Ну, его мог оставить кто угодно, – сказал Рой. – Мы посмотрим.

Верц сказал:

– Похоже на отпечаток большого.

Луч стал двигаться. На ручке, на задвижке, в центре нижней части рамы волшебным образом появились отпечатки пальцев. Целая куча. Некоторые – лишь фрагментарно, некоторые были смазаны, некоторые отпечатались полностью и были смазаны, некоторые отпечатались полностью и были хорошо различимы.

– Если бы я был из тех, что любят заключать пари, – сказал Дэвис, – я бы поспорил на что угодно, что это окно недавно помыли, хорошенько протерли тряпочкой, поэтому так легко разглядеть отпечатки. Могу поклясться, что все эти отпечатки принадлежат одному человеку и появились здесь одновременно, они оставлены прошлой ночью вашим незнакомцем. Их было нелегко разглядеть, потому что на кончиках его пальцев почти не было жировых выделений.

– Ну да, конечно, он же бродил под дождем, – взволнованно произнес Верц.

Дэвис сказал:

– А возможно, он вытер чем-нибудь руки, когда вошел в дом.

– На кончиках пальцев нет сальных желез. – Верц чувствовал себя обязанным просветить Роя. – Кончики пальцев могут покрыться жировыми выделениями, если трогать свои волосы, лицо, другие части тела. Похоже, что люди постоянно трогают себя.

– Эй, эй, поосторожнее, – с притворным возмущением произнес Дэвис, – пожалуйста, здесь – никаких глупостей, мой юный коллега Верц.

Они оба расхохотались.

От давивших темных очков у Роя заболел нос. У него начиналась головная боль.

Под мерцающим лучом лазера появился еще один отпечаток.

Сама мать Тереза, даже принявшая мощные поддерживающие препараты, сошла бы с ума в компании Дэвида Дэвиса и этого типа Верца. Тем не менее Рой чувствовал, как поднимается его настроение при появлении каждого нового отпечатка.

Таинственному незнакомцу теперь недолго оставаться таинственным.

Глава 7

Денек был приятным, но не настолько теплым, чтобы можно было загорать. На Венис-бич Спенсер увидел шесть великолепно загоревших молодых женщин в бикини и двух парней в ярких гавайских плавках. Они все лежали на больших полотенцах и пытались изобразить, что нежатся в лучах солнца, хотя тела у них покрылись гусиной кожей.

Двое мускулистых босых мужчин в шортах установили на песке волейбольную сетку. Они играли энергично – часто подпрыгивали, кричали и отдувались.

По асфальтированной прогулочной дорожке несколько человек скользили на роликовых коньках. Некоторые были в легких спортивных костюмах, а кое-кто в обычной одежде. Бородатый мужчина в джинсах и черной майке запустил воздушного змея с длинным хвостом из полосок красной ткани.

Для учащихся старших классов публика была старовата, многим следовало бы находиться на работе, имея в виду, что был полдень четверга. Спенсер не мог разобрать, кто же из них жертвы недавнего спада в экономике и кто вечные «подростки», которые всю жизнь жили за счет родителей или общества. Калифорния давно славится обилием таких. Благодаря экономическим усилиям штата и те и другие теперь процветали.

Рози сидела на каменной скамейке с деревянным сиденьем, занимавшей единственный клочок зелени на огромном пространстве песка. Девушка повернулась спиной к рядом стоящему столику для пикников. Ее ласкали тени от растрепанных листьев огромной пальмы.

Рози была в белых босоножках, белых свободных брюках и алой блузке и выглядела великолепно экзотической красавицей.

Она выглядела еще прелестнее, чем в полутемном зале «Красной двери». Черты ее лица свидетельствовали о смешении крови матери-вьетнамки и отца-афроамериканца. Но как ни странно, национальные черты не были слишком ярко выражены в ней. Она казалась восхитительной Евой, прародительницей новой расы. Роскошная, идеальная, невинная женщина из нового Эдема.

Правда, сейчас она не выглядела слишком невинной и мирно настроенной. Она казалась напряженной и ожесточенной, когда смотрела на море. Ее настроение лишь усугубилось, когда она повернулась и увидела, что к ней приближается Спенсер. Но, увидев Рокки, Рози заулыбалась.

– Какой миленький! – Она наклонилась вперед и начала жестами подзывать его к себе. – Иди сюда, малыш! Сюда, мой маленький!

Рокки радостно бежал, виляя хвостом, разглядывая, что происходит на пляже, но он замер, увидев роскошную красотку, которая звала его к себе. Он поджал хвост и замер, готовый отпрыгнуть в сторону, если она станет слишком настойчивой.

– Как его зовут? – спросила Рози.

– Рокки. Он весьма стеснителен.

Спенсер сел на другой край скамейки.

– Иди сюда, Рокки, – уговаривала она собаку. – Иди ко мне, мой милый! – Рокки наклонил голову и с сомнением смотрел на нее. – Что случилось, милый? Почему ты не хочешь, чтобы тебя приласкали?

Рокки завизжал. Он припал на передние лапы и начал вилять задом. Он не мог заставить себя вилять хвостом. Конечно, ему хотелось, чтобы его приласкали, но он все еще не доверял ей.

– Чем больше вы будете приставать к нему, – сказал ей Спенсер, – тем больше он будет бояться вас. Не обращайтесь на него внимания, и, может, тогда он расхрабрится и решит довериться вам.

Когда Роза оставила собаку в покое и выпрямилась на скамейке, Рокки испугался ее внезапного движения. Он отполз назад и подозрительно уставился на красавицу.

– Он всегда такой боязливый? – спросила Роза.

– Да, сколько живет у меня. Ему, наверное, лет пять или около того, но у меня он два года. Я увидел объявление в газете, из тех, что публикуются каждую пятницу: «Дайте приют бездомной собаке». Никто не желал приютить его, и ему собирались сделать укол.

– Он такой милый. Любой мог его взять к себе.

– В то время он был еще более нервным.

– Вы же не хотите сказать, что он мог кого-то укунить? Он такой милашка.

– Нет, он никогда даже не пытался кусаться. Его слишком забили, чтобы он мог проявлять какую-нибудь агрессивность. Он скулил и дрожал каждый раз, когда к нему пытались приблизиться. Стоило коснуться его, как он сворачивался в клубок, закрывал глаза, начинал скулить еще сильнее и дрожал, как в припадке. Казалось, что прикосновение причиняло ему боль.

– Его сильно били? – мрачно спросила она.

– Угу. Обычно люди из приюта для животных даже не пытаются куда-то пристроить таких собак. Ее никто не возьмет к себе в дом. Они мне рассказали, что собаки, которые так сломлены эмоционально, как Рокки, трудно приживаются даже в хороших руках, и поэтому их обычно усыпляют.

Роза внимательно смотрела на собаку. Рокки тоже продолжал наблюдать за ней. Потом она спросила:

– Что же с ним случилось?

– Я не спрашивал. Мне не хочется этого знать. В жизни есть слишком много вещей, о которых мне бы не хотелось знать... я потом не смогу забыть о них... – Женщина отвела взгляд от собаки и посмотрела прямо в глаза Спенсеру. Он добавил: – Незнание – это не радость, но иногда...

– Иногда... незнание дает нам возможность спокойно спать ночью, – закончила за него Роза.

Ей было, наверное, уже далеко за двадцать, ближе к тридцати. И она была достаточно взрослой, когда в Сайгоне взрывались бомбы и звучали пулеметные очереди. Когда пал Сайгон, когда пьяные солдаты-победители праздновали победу и когда открылись лагеря по перевоспитанию, ей, наверное, в это время было лет восемь или девять. Она уже тогда была очень хорошенькой – шелковистые черные волосы, огромные глаза. Она была слишком взрослой, чтобы забыть весь этот кошмар. Это было так же невозможно сделать, как забыть боль рождения на свет и ночные страхи младенчества.

Когда в «Красной двери» Роза сказала, что Валери Кин в прошлом слишком много страдала, она не просто догадалась и почувствовала это интуитивно. Она хотела сказать, что видела в Валери страдания, так похожие на ее собственную боль.

Спенсер отвел от нее взгляд и стал смотреть на волны, нежно омывавшие берег. Они выбрасывали на песок постоянно меняющиеся кружева пены.

– Но если вы не станете обращать внимания на Рокки, он, возможно, подойдет к вам, а может, и нет. Но такая вероятность существует, – добавил он.

Он посмотрел на красного змея. Тот кувыркался и плыл в теплых струях воздуха высоко в синем небе.

– Почему вы хотите помочь Вал? – наконец спросила она.

– Потому что ей грозит беда. Вы сами сказали прошлым вечером, что она особенный человек.

– Она вам нравится?

– Да. Нет. Ну, не так, как вы думаете.

– Тогда как она вам нравится? – спросила Роза.

Спенсер не мог ей объяснить того, чего сам не понимал.

Он перевел взгляд от красного змея, но не на женщину. Рокки тихонько полз от дальнего края скамейки. Он не сводил глаз с Розы. Та делала вид, что совершенно не обращает на него внимания. Собака старалась держаться от нее на расстоянии на тот случай, если женщина вдруг повернется и попытается ее схватить.

– Почему вы хотите ей помочь? – не отставала Розы.

Собака была рядом и могла их слышать.

Никогда нельзя лгать в присутствии собаки.

Это он уже сказал в машине прошлой ночью и сейчас снова повторил:

– Потому что я хочу найти цель в жизни.

– И вы считаете, что сможете это сделать, помогая ей?

– Да.

– Каким образом?

– Я не знаю.

Собака пропала из вида – она поползла сзади скамейки.

Розы сказала:

– Вам кажется, что она – часть той жизни, которую вы ищете? Но что, если это не так?

Он начал разглядывать людей, катавшихся на роликах. Они удалялись, как призрачные образцы, созданные из паутинок, которые под дуновением ветра скользили все дальше от них.

Наконец он ответил:

– Хуже того, что сейчас, не будет.

– А ей?

– Я не хочу от нее ничего, что она не захочет мне дать.

Розы помолчала, а потом сказала:

– Вы странный человек, Спенсер.

– Я знаю.

– Очень странный. Вы такой же необычный, как Валери?

– Я? Нет.

– Ей нужен необыкновенный человек.

– Я не таков.

За спиной слышались тихие звуки, Спенсер знал, что собака ползла на брюхе под скамейкой, потом под столиком, пытаясь поближе подползти к женщине, чтобы лучше обнюхать ее и решить, опасна она или нет.

– Тогда, во вторник вечером, она долго разговаривала с вами, – сказала Розы.

Он ничего ей не ответил. Пусть она сама составит свое мнение о нем.

– Я видела, пару раз... вы ее рассмешили... – Он все еще ждал. – Хорошо, – сказала Розы. – С тех пор как позвонил мистер Ли, я пыталась вспомнить что-нибудь, что могло бы вам помочь найти Вал. Но я помню весьма мало. Мы понравились друг другу и сразу сошлись довольно близко. Но обычно мы разговаривали о работе, фильмах и книгах, о том, что передавали в новостях. Мы говорили о настоящем, а не о прошлом.

– Где она жила до того, как переехала в Санта-Монику?

– Она не рассказывала.

– Вы не спрашивали ее? Вам не кажется, что, может быть, где-то недалеко от Лос-Анджелеса?

– Нет, она не знала этот город.

– Она никогда не упоминала, где родилась и выросла?

– Я не знаю почему, но мне кажется, где-то на Востоке.

– Она что-нибудь рассказывала о своей матери и отце? О своих братьях и сестрах?

– Нет. Но когда кто-то говорил о семье, у нее в глазах появлялась грусть. Мне кажется, что... у нее все умерли...

– Вы ее не спрашивали о них?

– Нет-нет, это просто мое ощущение.

– Она была замужем?

– Может быть, я никогда ее об этом не спрашивала.

– Вы были друзьями, но очень о многом не спрашивали ее!

Рози кивнула:

– Я чувствовала, что она все равно не скажет мне правду. Мистер Грант, у меня не так много друзей, и я не хотела портить наши отношения, заставляя ее лгать мне.

Спенсер прижал правую руку к лицу. В теплом воздухе шрам был ледяным под его пальцами.

Бородатый мужчина продолжал заниматься своим красным змеем. Огромный красный ромб сверкал на фоне синего неба. Его хвост был похож на языки пламени.

– Итак, – заметил Спенсер, – вы решили, что она убегает от чего-то?

– Я подозреваю, что, возможно, от плохого мужа, который бил ее.

– Разве жены часто убегают и начинают жизнь сначала, если у них плохие мужья? Не проще ли было просто развестись с ним?

– В кино подобное случается, – ответила ему Рози. – Особенно если муж грозный и грубый.

Рокки вылез из-под стола. Он оказался рядом со Спенсером. Собака проделала на брюхе полный круг. Она уже не поджимала хвост, но и не виляла им. Не сводя глаз с Рози, Рокки потихоньку продвигался от стола.

Рози, продолжая делать вид, что не замечает собаку, сказала:

– Я не знаю, поможет ли это вам, но, судя по некоторым высказываниям Вал, кажется, она знает Лас-Вегас. Она не раз бывала там, может, даже часто.

– Она жила там?

Рози пожала плечами:

– Ей нравилось играть, у нее к этому склонность. Шашки, «монополия». Так же хорошо разгадывает кроссворды... Иногда мы играли в карты – в «рамми» или же в «безик». Вы бы видели, как она тасует и сдает карты. Они просто летают у нее в руках.

– Вы думаете, что она могла научиться этому в Лас-Вегасе?

Она снова пожала плечами.

Рокки уселся на траву прямо перед Рози и с обожанием посмотрел на нее. Но он сидел на таком расстоянии, что она не могла дотянуться до него. Рози сказала:

– Он решил, что не следует доверять мне.

– Не принимайте это близко к сердцу, – заметил Спенсер, поднимаясь.

– Может, он знает?

– Что знает?

– Животные много чего знают, – спокойно заметила Рози. – Они могут понять человека, они видят на нем отметины.

– Рокки видит перед собой прекрасную леди, которая хочет приласкать его, и он сходит с ума, потому что ему нечего бояться, но он продолжает бояться самого себя.

Рокки завизжал, как будто понял все, что сказал его хозяин.

– Он видит отметины, – снова тихо повторила Рози, – он все знает.

– Зато я вижу прелестную женщину и солнечный день, – сказал Спенсер.

– Иногда, чтобы выжить, человеку приходится совершать ужасные вещи.

– Такое может случиться с любым, – заметил Спенсер, понимая, что она говорит уже самой себе, а не ему. – Старые отметины, они давно уже пропали.

– Нет, они остаются.

Казалось, что она смотрит не на собаку, а на что-то, расположенное на дальнем конце невидимого моста времени.

Спенсеру не хотелось оставлять ее в таком странном настроении, но он не знал, что еще сказать ей.

Там, где трава граничила с белым песком, бородатый мужчина начал спускать своего красного змея. Он держал в руках моток бечевки, и казалось, что он удит красную рыбу в небесах. Наконец кроваво-красный змей приземлился, его хвост метался, как клубок огня.

Спенсер поблагодарил Розы за то, что она поговорила с ним. Она пожелала ему удачи, и он ушел, позвав Рокки. Собака некоторое время оглядывалась на сидевшую на скамейке женщину, потом поспешила догнать Спенсера. Когда они уже почти добрались до автостоянки, Рокки завизжал и рванулся обратно к скамейке.

Спенсер стоял, ожидая, чем все закончится.

В последнее мгновение собаку оставила решимость. Она перешла на шаг и приблизилась к Розы, низко опустив голову, дрожа и виляя хвостом.

Розы соскользнула со скамейки на траву и обняла Рокки. Ее громкий мелодичный смех разнесся по парку.

– Молодец, Рокки, – тихо сказал Спенсер.

Мускулистые игроки в волейбол прервали игру и достали банки с пепси из походного холодильника.

Сложив своего змея, бородатый мужчина прошел на стоянку мимо Спенсера. Он был похож на сумасшедшего пророка: грязный, неухоженный, с запавшими безумными голубыми глазами. У него были хищный нос, бледные губы, пожелтевшие сломанные зубы. На его черной майке было написано красными буквами: «Еще один прекрасный день в аду». Всего шесть слов. Он мрачно глянул на Спенсера, крепче прижал к себе воздушного змея, как будто за ним все охотились, и пошел прочь из парка.

Спенсер обнаружил, что прикрыл рукой шрам, когда бородатый посмотрел на него. Он убрал руку.

Розы отошла на несколько шагов от скамейки. Она старалась отогнать от себя Рокки. Спенсеру показалось, что она объясняет собаке, что ее ждет хозяин. Сейчас она уже вышла из тени и стояла на ярком солнце.

Когда собака отошла от своей новой подруги и побежала обратно к Спенсеру, он еще раз поразился удивительной красоте Розы. Она была гораздо красивее Валери. И если он желал сыграть роль спасителя и залечить чьи-то раны, то, наверное, этой женщине он смог бы помочь гораздо лучше, чем той, которую пытался отыскать. Но его тянуло к Валери, а не к Розы. Он не смог бы объяснить причины. Он только мог обвинить себя в том, что отдался течению своего подсознания, что он был опьянен ею. Он желал плыть по течению вне зависимости от того, какой окажется конечная цель.

Рокки прибежал к нему, задыхаясь и улыбаясь во всю пасть.

Розы подняла вверх руку и помахала ему на прощание.

Спенсер помахал ей в ответ.

Пожалуй, его поиски Валери Кин не были просто наваждением. Он казался себе воздушным змеем, а она словно управляла им. Она обладала какой-то странной над ним властью, – наверное, это называется судьбой. Какая-то сила наматывала бечевку на клубок и настойчиво притягивала его к ней, и в данном случае от него ничего не зависело.

Море катило сюда волны из далекого Китая и плескалось о берега. Солнечные лучи проходили сто сорок девять миллионов километров через безвоздушное пространство, чтобы здесь ласкать золотистые тела молодых женщин, раскинувшихся на полотенцах в бикини. Спенсер и Рокки пошли к грузовику.

Дэвид Дэвис влетел в комнату обработки данных с фотографиями двух самых четких отпечатков пальцев на окне ванной. За ним более спокойно шествовал Рой Миро. Дэвид принес фотографии Нелле Шир. Она занималась обработкой данных.

– Вот это точно большой палец. Здесь нет никаких сомнений, – сказал ей Дэвид. – А другой палец может быть указательным.

Нелле Шир было примерно лет сорок пять. С острой мордочкой, как у лисицы, оранжевого цвета волосами, которые вились «мелким бесом», ногти она покрывала зеленым лаком. В ее закутке висели три фотографии, вырезанные из журналов по бодибилдингу: здоровые, накачанные мужики в крохотных бикини.

Дэвид заметил мускулистых мужчин, нахмурился и сказал:

– Мадам Шир, я уже говорил вам, что этого нельзя делать. Вам следует снять эти вырезки.

– Человеческое тело может быть произведением искусства.

Дэвид побагровел:

– Вы прекрасно понимаете, что это можно расценить как демонстрацию сексуальных картинок на рабочем месте...

– Да-а-а? – Нелла взяла у него отпечатки пальцев. – Кто же способен на такое?

– Любой представитель мужского пола, работающий в этой комнате. Вот кто!

– Ни один из работающих здесь мужиков не выглядит, как эти качки. Пока кто-нибудь из них не станет таким, как эти глыбы мышц, они могут ничего не бояться.

Дэвис сорвал одну вырезку со стены, потом другую.

– Мне только не хватало замечания от начальства, что в моем подразделении не в порядке с нравственностью.

Хотя Рой был согласен, что Нелла нарушает закон, он в то же время понимал юмор ситуации, заключавшийся в том, что Дэвис испугался, как бы его репутации не нанесли урон именно картинки, развешанные Неллой. Между прочим, безымянное агентство, на которое они работали, было нелегальной организацией. У них не существовало официального начальства. Поэтому, чем бы ни занимался Дэвид во время своего рабочего дня, он постоянно нарушал то один, то другой закон.

Надо сказать, что Дэвид, как и все остальные работники агентства, не знал, что служит инструментом подпольной деятельности.

Он получал свои чеки от департамента юстиции. Он считал, что является его работником, подписал клятву о неразглашении тайны и продолжал верить, что является частью легального отдела, борющегося с организованной преступностью и международным терроризмом. Хотя в их работе можно было заметить некоторые противоречия и неувязки.

Когда Дэвид сорвал третью вырезку со стены и смял ее в руке, Нелла Шир заметила:

– Может, вы так ненавидите эти картинки потому, что они слишком сильно возбуждают вас? Наверное, вы не желаете признаться в этом даже самому себе. Вы никогда не пытались проанализировать свои чувства?

Рой увидел, как Дэвид борется с собой, чтобы не выпалить ей первое, что пришло ему на ум.

Потом Дэвид сказал:

– Нам нужно знать, чьи это отпечатки. Свяжитесь с ФБР и проверьте через них. Начните с «Индекса», который скорее выполнит для нас эту работу.

В ФБР хранилось сто девяносто миллионов отпечатков пальцев. Хотя компьютер последней модели мог сравнивать тысячи отпечатков в минуту, понадобится много времени, если ему придется проверить все имеющиеся отпечатки.

С помощью новой программы – «Индекс латентных описаний» – можно было значительно облегчить задачу и быстрее получить результаты.

Если они искали подозреваемых в серии убийств, им следовало указать, что было характерно для данных убийств – пол и возраст каждой жертвы, способы совершения преступления, любые сходства в состоянии трупов, места, где были найдены тела. Тогда машина могла сравнить все данные с теми, которые имелись в памяти компьютера. Затем она выдавала список подозреваемых и их отпечатки пальцев. Тогда нужно было сравнить только несколько сотен, а иногда и просто несколько десятков отпечатков пальцев вместо нескольких миллионов.

Нелла Шир повернулась к своему компьютеру и сказала:

– Давайте мне сведения по этому человеку, и я создам вам новую базу данных.

– Мы не ищем известного преступника, – сказал Дэвид.

Рой добавил:

– Нам кажется, что он мог быть в специальных войсках или проходил специальные тренировки по особой тактике и оружию.

– Эти парни все такие крутые, – сказала Нелла Шир. Дэвид Дэвис опять нахмурился. – Кто он – морской пехотинец, армейский офицер, летчик или моряк?

– Мы не знаем, – ответил ей Рой.

– Может, он вообще нигде не служил. Он мог работать в местной полиции или полиции штата. Мог быть агентом бюро или служащим каких-то еще отделений или агентств.

– Компьютер сработает, только если я заложу в него данные, которые помогут сузить сферу поиска, – нетерпеливо заметила Нелла Шир.

Сто миллионов отпечатков в системе проверки бюро составляли файлы криминальных происшествий, а еще оставались девяносто миллионов, которые принадлежали федеральным служащим, военным, работникам секретных служб, государственным и местным офицерам, служившим закону. И, кроме того, там находились отпечатки пальцев зарегистрированных иностранцев. Если бы они знали, что их подозреваемый был, например, отставным морским пехотинцем, им не нужно было бы трогать эти девяносто миллионов файлов.

Рой открыл конверт, который ему недавно отдала Мелисса Виклун. Он вынул оттуда компьютерный портрет человека, за которым они охотились. На обороте фотографий были данные, которые при фотоанализе смогли собрать о человеке, виденном в бунгало прошлой ночью. Да еще и под прикрытием дождя.

Рой прочитал, что там написано:

– Белый мужчина лет двадцати восьми – тридцати двух. – Нелла Шир быстро печатала. На экране появились данные. – Рост сто семьдесят восемь сантиметров, – продолжал Рой. – Вес – семьдесят четыре, плюс-минус два килограмма. Шатен с карими глазами.

Он перевернул фото, чтобы посмотреть на мужчину. Дэвид тоже нагнулся к фотографиям. Рой сказал:

– У него лицо обезображено шрамом. Справа. Начиная от уха и кончая подбородком.

Дэвид предположил:

– Мог он получить подобные ранения во время несения службы?

– Возможно. Мы можем предположить, что его уволили со службы по ранению или даже по инвалидности.

– Уволен он или ушел в отставку по инвалидности, – возбужденно заметил Дэвид, – в любом случае можно поклясться, что с ним должен был заниматься психиатр. Такой шрам – это сильный удар по самолюбию и нервам человека. Действительно ведь ужасно!

Нелла Шир быстро развернулась на своем вращающемся кресле, выхватила портрет из рук Роя и посмотрела на него.

– Ну-у-у, не знаю... Мне кажется, что он выглядит достаточно сексуальным. Опасным и сексуальным.

Дэвид сделал вид, что не слышит ее, и сказал:

– В наше время правительство весьма заботится о самоуважении. Отсутствие уважения к себе является источником преступлений и социального беспокойства. Вы не станете грабить банк и не пристукнете старушку, если прежде не решите, что вам в жизни ничего не остается, как только быть дешевым воришкой!

– Да-а-а? – заметила Нелла Шир, возвращая фото Рою. – Я знала тысячи говнюков, которые считали себя лучшими произведениями Боженьки!

Дэвис твердо заметил:

– Добавьте в его описание консультации у психолога.

Нелла внесла это в компьютер.

– Что еще?

– Все. Сколько времени займет проверка? – спросил ее Рой.

Шир еще раз прочитала список данных на экране.

– Трудно сказать. Не более восьми или десяти часов. Может, и меньше. Может, гораздо меньше. Не исключено, что ответ придет часа через два, и тогда у меня будут его адрес, номер телефона, фамилия и имя и даже сведения о том, как он снимает свои брюки: не выворачивает ли их наизнанку.

Дэвид Дэвис, все еще держа в руках смятые фото культуристов и беспокоясь о своей служебной характеристике, казалось, еще сильнее обиделся на ее замечание.

Рою стало интересно.

– Вот как? Может, через два часа?

– Зачем мне врать вам? – недовольно сказала Нелла.

– Тогда я не стану далеко отходить от вас. Он нам очень нужен.

– Считайте, он почти ваш, – сказала Нелла Шир, начиная поиски.

В три часа у них был поздний ланч на заднем крыльце. Длинные тени эвкалиптов ползли по каньону в желтом свете заходящего солнца. Спенсер съел сэндвич с ветчиной и сыром и запил его пивом. Он удобно устроился в качалке. Рокки быстро одолел миску своей еды и начал кланчить у хозяина остатки сэндвича. Он грустно и умоляюще смотрел на Спенсера, улыбался, жалко скулил, виляя хвостом, выдал все свои трюки и получил желаемое.

– Лоуренс Оливье проиграл бы тебе, – сказал ему Спенсер.

Доев сэндвич, Рокки спустился по ступенькам и пошел на задний двор в кусты, чтобы на приволье без промедления заняться своим туалетом.

– Подожди, – сказал Спенсер.

Собака остановилась и посмотрела на него.

– Ты вернешься, и у тебя будет полно колючек и репейника в шерсти. Мне понадобится целый час, чтобы вычесать их. У меня на это нет времени.

Он встал с качалки, повернулся спиной к собаке и устоялся на домик, допивая пиво.

Рокки вернулся, и они пошли в дом. Тени деревьев уже темнели и росли, но ими никто не любовался.

Рокки задремал на диване. Спенсер уселся за компьютер и начал поиски Валери Кин. Из бунгало в Санта-Монике она могла уехать куда угодно. Перед ней расстилался огромный мир.

С одинаковым успехом он мог искать ее на Борнео и в соседней Вентуре. Поэтому он должен был отойти назад, в прошлое.

У него была одна-единственная подсказка.

Вегас. Карты. Они просто порхали в ее руках.

То, что она знала Вегас и легко манипулировала картами, могло означать, что она там жила и работала в казино крупье.

С помощью своей обычной уловки Спенсер проник в главный компьютер департамента полиции Лос-Анджелеса. Отсюда он перепрыгнул в сеть обмена информацией между поли-

цией штатов. В прошлом ему приходилось заниматься этим довольно часто. Потом он быстро пересек границы и попал в сеть компьютера департамента шерифа в Неваде. Там содержались материалы по Лас-Вегасу.

Спящая на диване собака подергивала ногами, наверное во сне гоняясь за кроликами. Хотя, имея в виду характер Рокки, видимо, за ним гонялись кролики.

Слегка покопавшись в компьютерных сведениях шерифа и между прочим «полистав» личные дела его сотрудников, Спенсер наконец обнаружил файл под названием «Коды Невады».

Спенсер подозревал, что там находится, и ему очень хотелось попасть в этот файл.

«Коды Невады» имели специальную защиту. Чтобы пользоваться ими, ему требовался номер, дававший право входа в файл.

Как ни странно, но во многих полицейских агентствах для этого использовался номер жетона полицейского офицера или, если дело касалось служащих, номер чьей-то личной карточки. Все эти номера можно было получить из списков персонала – они защищались не так строго. Он еще раньше получил несколько номеров полицейских значков на тот случай, если они ему понадобятся. Теперь он набрал один из них, и коды Невады открылись ему.

Это был перечень цифровых кодов, с помощью которых он мог получить любые данные, из компьютера любого государственного агентства и учреждения, находившегося в штате Невада. Спенсер не успел моргнуть глазом, как пролетел пространство от Лас-Вегаса до Невады и добрался до комиссии по азартным играм в городе Карсоне.

Эта комиссия выдавала лицензии всем казино в штате и следила за выполнением всех законов и правил, которые регламентировали работу казино. Все, кто желал сделать инвестиции или стать служащим казино и вообще индустрии азартных игр, проходил проверку и должен был доказать, что не связан с известными криминальными личностями. В семидесятых годах усиленными действиями комиссия смогла выдворить большинство мафиози, основавших самую выгодную индустрию в Неваде. Они уступили место киномагнатам «Метро-Голдвин-Майер» и хозяевам сети отелей «Хилтон».

Было бы логичным предположить, что и остальные служащие казино, но более мелкого ранга – хозяйки игровых столов и девушки, разносившие коктейли, – тоже проходили такую же, но менее тщательную проверку и также получали идентификационные карточки – удостоверения личности. Спенсер проверял разные меню и списки и через двадцать минут нашел записи, которые искал.

Данные, которые относились к разрешению работать в казино, делились на три основных файла: «Закончившие срок службы», «Работающие в настоящее время» и «Ожидающие решения».

Валери работала в «Красной двери» в Санта-Монике уже два месяца, и Спенсер решил начать с файла «Закончившие срок службы».

Пока Спенсер пробирался в компьютерных дебрях, он наткнулся еще на несколько файлов, которые были так же основательно защищены, как и эти, но оказались косвенно связаны друг с другом. Эти файлы содержали важные сведения, касающиеся национальной обороны. Система позволяла искать кого-либо в этой категории с помощью двадцати двух признаков, начиная от цвета глаз и кончая местом работы в настоящее время.

Он набрал: Валери Энн Кин.

Через несколько секунд система ему ответила: «Не значится».

Он перешел к файлу «Работающие в настоящее время» и снова напечатал ее имя.

Не значится!

Спенсер перешел к файлу «Ожидающие решения». Результат был прежним.

Валери Энн Кин была неизвестна комиссии в Неваде, занимавшейся игорным бизнесом.

Некоторое время он расстроено смотрел на экран, потому что верная, казалось бы, догадка завела его в тупик. Потом он решил, что женщина, которая переезжала с места на место, не могла везде называться одним и тем же именем, иначе ее легко было бы выследить. И если Валери жила и работала в Вегасе, то, скорее всего, под другим именем.

Чтобы найти его в файле, Спенсеру нужно было быть семи пядей во лбу.

Ожидая, пока Нелла Шир найдет им мужчину со шрамом, Рой Миро очень опасался, что ему придется провести долгие часы за вежливыми разговорами с Дэвидом Дэвисом. Он бы предпочел сразу съесть булочку, начиненную цианистым калием, и запить ее огромным бокалом охлажденной кислоты, а не терять зря времени с гениальным исследователем отпечатков пальцев.

Ему пришлось сказать, что он накануне не спал всю ночь, хотя на самом деле проспал ее сном безгрешного святого после того бесценного подарка, который сделал Пенелопе Беттон-филд и ее мужу. Рою удалось очаровать Дэвида, что тот предложил ему воспользоваться для отдыха его офисом.

– Я настаиваю на этом. Действительно, вы даже не пытаетесь сопротивляться! – заявил ему Дэвид, резко жестикулируя и часто кивая. – У меня здесь есть кушетка. Вы можете прилечь. Вы мне совсем не мешаете. Меня ждет работа в лаборатории. Мне здесь совершенно нечего делать.

Рой не собирался спать. В прохладном полумраке офиса, куда калифорнийское солнце не проникало сквозь жалюзи, Рой решил полежать и, глядя в потолок, попытаться представить себе ядро своего духовного бытия, где его душа соединялась с мистической силой, правящей космосом, и подумать о смысле существования.

Каждый день он все яснее ощущал свое предназначение. Он искал истину, и его волновали поиски новых познаний. Но как ни странно, он заснул.

Ему снился идеальный мир. Там не было зависти или жадности, не было горя. Там все были похожи друг на друга. Секс был един для всех, и человеческие существа репродуцировались с помощью скромного партеногенеза в изоляции ванной комнаты, и это случалось не так часто. Кожа у всех была одного цвета – бледная с голубизной.

Все были весьма красивы. Там не было глупых существ, но никто не выделялся своим умом. Все носили одинаковую одежду и жили в похожих домах. По вечерам в пятницу вся планета играла в бинго. Выигрывали все, а по субботам...

В этот момент его разбудил Верц. Рой был вне себя от ужаса, потому что спутал сон и реальность. Глядя в бледное и круглое, как луна, лицо помощника Дэвиса, освещенное настольной лампой, Рой решил, что он сам со всеми остальными людьми в мире стал похож на Верца. Он пытался закричать, но у него пропал голос.

Верц заговорил, и Рой окончательно проснулся:

– Миссис Шир отыскала его. Этого человека со шрамом. Она нашла его.

Рой попеременно зевал и морщился от неприятного вкуса во рту. Он пошел за Верцем в офис обработки данных. Дэвид Дэвис и Нелла Шир стояли у ее рабочего стола. У каждого из них была в руках стопка бумаг. Под ярким резким светом флюоресцентных ламп Рой сначала поморщился от неприятной рези в глазах, а потом с интересом уставился на распечатки, которые страницу за страницей передавал ему Дэвис. Дэвид и Нелла Шир оживленно комментировали все, что им удалось узнать.

– Его имя – Спенсер Грант, – сказал Дэвид. – Когда ему было восемнадцать лет, сразу после школы он попал в армию.

– У него высокие показатели интеллекта и мотивации, – добавила миссис Шир. – Он хотел пройти специальные тренировки в рядах армейских десантников.

– После шести лет службы он уволился из армии, – продолжал Дэвис, передавая Рою следующую распечатку. – Он поступил в университет в Калифорнии благодаря льготам, предоставленным ему армией.

Рой просмотрел последнюю страницу и заметил:

– Он специализировался в криминологии.

– В криминальной психологии, – заметил Дэвис. – Он старательно занимался и получил ученую степень за три года.

– Молодой человек весьма торопился, – сказал Верц. Он, наверно, сделал это, чтобы они не забывали, что он тоже член их команды, и нечаянно не наступили на него и не раздавили, как какого-то клопа.

Дэвис передал Рою еще страницы. В это время Нелла Шир сказала:

– Он поступил в Полицейскую академию Лос-Анджелеса и окончил ее с отличием.

– Как-то после того, как он меньше года патрулировал улицы, – продолжил Дэвис, – он наткнулся на двух вооруженных мужчин, которые готовились похитить машину. Они увидели, как он приближается к ним, и попытались взять в заложники женщину, которая вела машину.

– Он убил их обоих, – сказала Шир. – Женщина ничуть не пострадала.

– С Грантом расправились?

– Нет, все посчитали, что он имел право сделать это.

Глянув на следующую страницу, переданную ему Дэвисом, Рой отметил:

– Здесь написано, что он перестал патрулировать улицы.

– Грант знает компьютер, поэтому его перевели на работу с компьютером. Это была работа в офисе, – заметил Дэвид.

Рой нахмурился:

– Почему? Он что, пострадал во время перестрелки?

– Некоторые не могут справиться с существующей обстановкой, – со знанием дела отметил Верц. – Они не выдерживают напряжения и просто рассыпаются на куски.

– Если судить по записям о реабилитационной терапии, – продолжила Нелла Шир, – он не страдал от каких-либо травм. Он все перенес нормально. Он сам просил перевести его, но не из-за травм.

– Может, здесь нужно идти от противного, – вклинился Верц. – Он считал себя чуть ли не суперменом, и ему было стыдно своей слабости, он не мог признаться в этом.

– Какова ни была бы причина, – сказал Дэвис, – он обратился с просьбой о переводе. Затем, десять месяцев назад, после того как проработал там двадцать один месяц, он просто ушел из полицейского департамента Лос-Анджелеса.

– Где он сейчас работает? – спросил Рой.

– Мы не знаем этого, но знаем, где он живет, – ответил Дэвид Дэвис, роскошным жестом вручая ему еще одну распечатку.

Глянув на адрес, Рой с сомнением спросил:

– Вы уверены, что это наш человек?

Шир начала перебирать свои бумаги. Она достала отпечатки пальцев сотрудников полицейского департамента Лос-Анджелеса, а Дэвис показал ему отпечатки пальцев, которые они сняли с рамы окна ванной.

Дэвис заметил:

– Если вы умеете сравнивать отпечатки пальцев, вы поймете, что компьютер прав, когда заявляет, что все точно сходится. Абсолютно точно сходится. Это тот парень, который нам нужен. В этом нет никакого сомнения.

Нелла Шир передала Рою еще один отпечаток и сказала:

– Это его самая последняя фотография из архива полицейского управления.

На фото Грант был снят анфас и в профиль. Он был сильно похож на составленный компьютером портрет, который Рою передала Мелисса Виклун из лаборатории фотоанализа.

– Это его последнее фото? – спросил Рой.

– Самое последнее фото, которое имеется в файлах полицейского департамента, – ответила ему Шир.

– Оно было сделано спустя некоторое время после инцидента с похищением машины?

– Примерно два с половиной года назад. Да, я уверена, что фото было сделано гораздо позже. Почему вы спрашиваете об этом?

– Здесь кажется, что шрам полностью зарубцевался, – заметил Рой.

– О-о, – протянул Дэвис. – Он не получил шрам во время этой перестрелки. Это точно. Шрам у него был очень давно. Еще когда его взяли в армию. Это шрам от травмы, которую он получил в детстве.

Рой поднял взгляд от фотографии:

– Что это была за травма?

Дэвис пожал костлявыми плечами и взмахнул длинными руками. Потом он опустил их.

– Мы об этом ничего не знаем. Ни в одной записи не упоминается об этой травме. Они просто написали, что это самая важная отличительная черта, которая может помочь при его идентификации. «Шрам, идущий от уха до подбородка, является результатом травмы, полученной в детстве». Вот и все.

– Он похож на Игоря, – насмешливо сказал Верц.

– Мне он кажется весьма сексуальным, – не согласилась с ним Нелла Шир.

– Нет, он похож на Игоря, – настаивал Верц.

Рой повернулся к нему:

– Какой такой Игорь?

– Ну Игорь. Вы помните? Из старых картин о Франкенштейне. Другой образ доктора Франкенштейна – Игорь. Старый грязный горбун с кривой шеей.

– Мне не нравятся подобные картины, – заметил Рой. – Они делают героев из уродов и насильников. Мне все это кажется отклонением от нормы. – Он продолжал смотреть на фото. Он думал, что испытывал юный Спенсер Грант, у которого лицо было изуродовано шрамом. Он, наверное, в то время был совсем юным. – Бедный парень, – заметил он. – Бедный, бедный парнишка. Как ему было трудно жить с подобным шрамом на лице! Как он должен был страдать от психологической травмы!

Верц нахмурился и сказал:

– Я так понял, что он «плохой парень» и к тому же связанный с терроризмом?

– Даже плохие парни, – спокойно объяснил ему Рой, – иногда заслуживают сочувствия. Этот человек много страдал в своей жизни. Вы это прекрасно понимаете. Да, мне нужно схватить его и сделать так, чтобы общество было застраховано от его поступков. Но к нему все равно стоит относиться с состраданием и по возможности милосердно.

Дэвис и Верц непонимающе смотрели на него.

Нелла Шир сказала:

– Вы хороший человек, Рой.

Рой пожал плечами.

– Нет, – настаивала она, – вы действительно хороший человек. Мне стало легче, когда я поняла, что в полиции есть люди, подобные вам.

Рой сильно покраснел:

– Спасибо вам, вы очень добры ко мне. Но в этом нет ничего особенного.

Нелла Шир явно не была лесбиянкой, и хотя она, наверное, лет на пятнадцать старше его, Рой все же пожалел, что в ее лице не мог найти ни одной привлекательной черты, которая могла бы сравниться с восхитительным ротиком Мелиссы Виклун. Ее волосы были слиш-

ком интенсивного оранжевого цвета и чересчур кудрявые. Глаза у Неллы были холодно-голубые, нос и подбородок очень острые, а губы некрасивой формы. Сложена пропорционально, но ничего особенного.

– Ну, – сказал, вздохнув, Рой, – мне придется навестить мистера Гранта и спросить его, что он делал в Санта-Монике прошлой ночью.

Спенсер сидел перед своим компьютером в Малибу. Он глубоко забрался в дебри файлов о служащих казино в Карсоне. Сами файлы содержались в памяти комиссии Невады по азартным играм. Спенсер просматривал файл на предмет выдачи разрешений на работу в казино. Ему были нужны имена всех крупье – женщин в возрасте от двадцати восьми до тридцати лет. Рост – сто шестьдесят два, вес – пятьдесят – пятьдесят пять килограммов, глаза карие и волосы темно-русые. Эти данные сузили круг поисков до всего лишь четырнадцати кандидатур. Он дал задание компьютеру напечатать их имена в алфавитном порядке.

Он посмотрел на начало списка и вызвал файл на имя Дженет Франсины Арбонхолл. Первая страница ее электронного досье, появившаяся на экране, сообщала основное описание ее внешности, день, когда ей выдали разрешение на работу, и содержала ее фото. Оно совершенно не напоминало Валери, и Спенсер стер этот файл, даже не читая его.

Он вызвал следующий файл: Тереза Элизабет Данбери. Нет, не она.

Бьянка Мария Хагуэрро. Тоже не она.

Корина Сериза Хадделстон. Нет.

Лора Линей Ленгстон. Нет.

Рейчел Сара Маркс. Нет.

Жаклин Этель Манг.

Он уже проверил семь человек, и ему осталось еще семь.

Ханна Мей Рейни.

На экране появилась Валери Энн Кин. Волосы у нее были причесаны не так, как теперь, когда он видел ее в «Красной двери». Она была прелестна, но не улыбалась на фотографии.

Спенсер затребовал полную распечатку файла на Ханну Мей Рейни. Получилось всего лишь три страницы. Он прочитал все до конца под взглядом женщины с экрана.

Под именем Рейни она проработала около четырех месяцев в качестве крупье за карточным столом, где играли в блекджек. Это было в казино отеля «Мираж» в Лас-Вегасе. Последний день ее работы – двадцать шестое ноября, почти два с половиной месяца назад. Как сообщил менеджер казино комиссии, она уволилась, не уведомив об этом заранее.

Они – не важно, кто были эти «они», – настигли ее двадцать шестого ноября. Ей, видимо, удалось удрать от них. Так же как смогла она скрыться от них в Санта-Монике.

В углу подземного гаража, расположенного под агентством в Лос-Анджелесе, Рой Миро проводил последний брифинг с тремя агентами, которые должны были ехать с ним в дом Спенсера Гранта, чтобы забрать с собой этого человека. Так как их агентство официально не существовало, они не могли взять его под стражу. Их намерения было легче определить как «похищение».

Рой не страдал от излишних комплексов, его устраивало любое слово. Мораль была относительным понятием. Ничто не могло считаться преступлением, если совершалось во имя правильных идеалов.

У них у всех были с собой удостоверения Агентства по борьбе с наркотиками, поэтому Грант мог поверить, что его забрали для расспросов в федеральное отделение и после прибытия туда они разрешат ему позвонить адвокату. На самом деле ему будет легче увидеть самого Господа Бога на золотом троне, парящем в воздухе, чем кого-то с юридическим образованием.

Они используют любые методы допроса, чтобы получить у него правдивые ответы на вопросы по поводу его отношений с этой женщиной и о том, где она в настоящее время находится.

Когда у них будет все, что им нужно – или же они будут уверены, что выжали из него все, что он только знал, – им придется от него избавиться.

Рой сам займется устранением Спенсера Гранта. Он сам освободит бедного чёртушку со шрамами от страданий этого ужасного мира.

На первом из трех агентов – Кэле Дормоне – были белые свободные брюки и белая рубашка, на которой был вышит фирменный знак местной пиццерии. Он поведет маленький белый фургон с таким же фирменным знаком. Этот знак держался на магнитной прокладке, и было легко прикрепить его к чему-то и так же легко снять, совершенно изменив внешний вид автомобиля. Им часто пользовались в операциях, он помогал производить нужное впечатление.

Альфонс Джонсон был одет в брюки цвета хаки и обычные туфли. На нем также была джинсовая куртка. На Майке Веккио был спортивный трикотажный свитер с длинным рукавом и кроссовки фирмы «Найк».

На Рое, единственном из них, был костюм. Но он дремал, не раздеваясь, на кушетке в офисе Дэвиса и не производил впечатления аккуратного и хорошо одетого федерального агента.

– Итак, это не будет похоже на прошлую ночь в Санта-Монике, – заметил Рой. Они все принимали участие в деле, которое имело место в Санта-Монике. – На этот раз нам нужно поговорить с этим парнем.

Прошлой ночью, найдя женщину, они должны были убить ее на месте. Чтобы не смущать местных полицейских, им следовало подложить ей оружие – мощный «магнум» пятидесятого калибра, марки «Орел пустыни». Если из него попадали в человека, входное отверстие было огромным, как кулак взрослого мужчины. Им пользовались только для убийства, а не для защиты. Они должны были показать, что агент убил эту женщину, защищаясь.

– Он не должен ускользнуть от нас, – продолжал Рой. – Он грамотный парень, и у него имеется хорошая подготовка. Он так же хорошо тренирован, как и любой из вас. Поэтому он не протянет вам руки, чтобы вы надели на него блестящие браслеты. Если вы сразу не сможете с ним справиться и будет видно, что он собирается удрать от нас, стреляйте ему в ноги. Если вам захочется, изрешетите ему все ноги. После нашей встречи ему уже не придется ходить. Но только не слишком увлекайтесь, ладно? Помните, нам необходимо поговорить с ним!

Спенсер получил всю интересующую его информацию, которая содержалась в файлах комиссии Невады по азартным играм. Он удалился из этого кибернетического пространства и дошел до полицейского департамента Лос-Анджелеса.

Отсюда он связался с департаментом полиции Санта-Моники и просмотрел все дела, которые были начаты в течение последних суток. Ни одно дело не было связано с Валери Кин или же с адресом бунгало, которое она снимала.

Он вышел из этих файлов и начал просматривать отчеты о происшествиях, случившихся в ночь на среду. Вполне возможно, что полицейские могли написать рапорт в отношении шума в бунгало, но еще не присвоили номер делу. На этот раз он обнаружил ее адрес.

Последняя запись объясняла, почему дело еще не имеет номера. Там была масса сокращений, которые означали: ведется работа со стороны АТФ³, и для этого имеются легальные основания.

---

³ АТФ (ATF) – Федеральное бюро по предотвращению преступлений, связанных с алкоголем, табаком, огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами.

То есть делом занимались федеральные власти. Местных полицейских отстранили от него.

Рокки с пронзительным воплем проснулся у себя на кушетке, слетел на пол, потом вскочил на ноги, начал гоняться за хвостом, потом потряс в недоумении головой. Он искал кого-то или что-то, так сильно испугавшее его во сне.

– Это просто страшный сон, – сказал Спенсер собаке.

Рокки с сомнением посмотрел на него и завизжал.

– Что было на этот раз – огромный доисторический кот?

Собака быстро проковыляла по комнате и положила лапы на подоконник. Она смотрела на дорогу и на окружавшие это место леса.

Короткий февральский день превращался в прекрасные сумерки. Внутренняя сторона листьев эвкалипта, обычно серебристого оттенка, сейчас стала золотой от света, проникавшего через узкие просветы в листве. Листья колебались под легким ветерком. Казалось, что деревья украшали гирлянды, как это бывало во время Рождества. Хотя оно уже прошло больше месяца назад.

Рокки опять жалобно завыл.

– Может, это был кот-птеродактиль? – выдвинул новое предположение Спенсер. – У него были огромные крылья и жуткие когти. Он урчал так сильно, что от этого звука рушились скалы?!

Собаке это не понравилось, она отошла от окна и быстро направилась в кухню. Рокки всегда так вел себя, когда внезапно просыпался после страшного сна. Он бродил по дому, переходя от одного окна к другому. Он был совершенно уверен, что враг из кошмарного сна также угрожал ему в реальности.

Спенсер снова взглянул на экран.

Там все еще была надпись, что делом начали заниматься федеральные власти.

Что-то было странное в этой формулировке.

Если отряд, который прибыл в бунгало прошлой ночью, состоял из агентов АТФ, тогда почему же те люди, которые появились в доме Луиса Ли в Бель-Эр, имели с собой удостоверения ФБР? Бюро действовало под эгидой министра финансов США, а ФБР непосредственно подчинялось генеральному прокурору. Все было так, хотя собирались несколько раз поменять всю структуру этих подразделений. Разные организации иногда сотрудничали во время проведения различных операций, особенно когда затрагивались их общие интересы. Но если принять во внимание растущее соперничество между разными учреждениями и тот факт, что они постоянно подозревали друг друга в желании присвоить себе пальму первенства при расследовании интересных дел, данную операцию должны были проводить представители двух агентств. Особенно когда шел допрос Луиса Ли или кого-то иного, кто мог дать им какую-то подсказку.

Рокки что-то ворчал про себя, как будто он был Белым Кроликом, опаздывавшим на чай к Сумасшедшему Шляпнику. Он вылетел из кухни и через открытую дверь влетел в спальню.

Делом продолжают заниматься.

Нет, здесь явно что-то не так...

ФБР из этих двух бюро было гораздо сильнее и обладало большей властью. Если что-то интересовало ФБР, то оно никогда не позволяло другой организации вторгаться в сферу своих интересов. На этот счет даже существовало специальное юридическое обоснование, составленное конгрессом по просьбе Белого дома. АТФ подчинялось ФБР. И запись в докладе о происшествии должна быть следующей: ФБР и АТФ продолжают заниматься этим делом.

Размышляя об этом, Спенсер перешел к файлам полицейского департамента Лос-Анджелеса.

Некоторое время он соображал, все ли выяснил, что его интересовало, потом перешел к записям отдела, занимавшегося именно этим происшествием. Выходя из очередного файла, он тщательно уничтожал все следы своего присутствия.

Рокки выскочил из спальни и пронесся мимо Спенсера обратно к окну гостиной.

Спенсер вернулся в свою программу и выключил компьютер. Он поднялся из-за стола и, подойдя к окну, стал рядом с Рокки.

Собака прижала черный нос прямо к стеклу, одно ухо у нее стояло, а другое было опущено.

– Что же тебе снилось? – спросил Спенсер.

Рокки тихонько заскулил. Он не отводил глаз от темно-фиолетовых теней и золотистых переливов света на листьях эвкалиптов, освещенных заходящим солнцем.

– Тебе снились сказочные монстры, которых не существует на самом деле? – спросил его Спенсер. – Или это были... воспоминания?

Рокки начал дрожать.

Спенсер положил руку на шею Рокки и тихо его погладил.

Собака глянула на него и сразу же переключила внимание на эвкалипты. Наверное, потому, что плотная темнота медленно поглощала легкие сумерки. Рокки всегда боялся ночи.

Глава 8

Исчезающий свет оставлял красный след на небе. Красный закат отражался в каждой капельке воды, насыщавшей воздух, поэтому казалось, что город подернут легкой дымкой кровавого тумана.

Открыв задние дверцы белого фургона, Кэл Дормон вытащил большую коробку от пиццы и пошел к дому.

Рой Миро находился на другой стороне улицы. Он подъехал из глубины квартала. Рой вышел из машины и тихо закрыл дверцу.

К этому времени Джонсон и Веккио уже оказались сзади дома, пробравшись через соседние участки.

Рой начал переходить улицу.

Дормон уже прошел половину пути. В его коробке не было пиццы, там лежал пистолет «магнум» сорок четвертого калибра, марки «Орел пустыни» с мощным глушителем. Униформа и коробка требовались только для того, чтобы рассеять подозрения Спенсера, если вдруг он выглянет в окно, когда Дормон будет приближаться к дому.

Рой уже подошел к белому фургону сзади.

Дормон встал на первую ступеньку крыльца.

Рой приложил руку ко рту, как бы стараясь справиться с кашлем, и заговорил в маленький микрофон, прикрепленный к манжете его рубашки.

– Считайте до пяти – и вперед! – услышали мужчины, которые находились сзади дома.

У двери Дормон даже не попытался позвонить или постучать, он просто повернул ручку. Дверь была заперта. Тогда он открыл коробку из-под пиццы и вытащил оттуда мощное оружие израильского производства, а коробку бросил на землю.

Рой зашагал быстрее, он уже не делал вид, что случайно оказался здесь.

Несмотря на мощный глушитель, пистолет, стреляя, издавал сильный звук. Это не было похоже на выстрел, но прозвучало достаточно громко и могло привлечь внимание случайных прохожих, если бы они оказались поблизости. Пистолетом обыкновенно пользовались, чтобы открывать запертые двери: тремя выстрелами Дормон разворотил ручку и пластинку, на которой она была укреплена.

Если даже уцелела задвижка, ей было не за что цепляться. Вместо планки двери торчали сплошные щепки.

Дормон вошел внутрь. Рой следовал за ним по пятам.

Парень в носках поднимался из винилового кресла синего цвета. В руках – банка пива. На парне были вылинявшие джинсы и майка с надписью: «Иисус Христос». Он с ужасом смотрел на них, потому что последние осколки двери вонзились в ковер прямо перед ним. Дормон посадил его назад в кресло. Он сделал это очень грубо, и парню стало нечем дышать. Банка упала на пол и покатилась, отмечая свой путь пролитым пивом.

Но парень не был Спенсером Грантом.

Держа в обеих руках свою «беретту» с глушителем, Рой быстро прошел под аркой из гостиной в столовую и оттуда через открытую дверь в кухню.

На полу лежала вниз лицом блондинка, лет примерно тридцати. Голова ее была повернута к Рою. Левая рука была протянута вперед, женщина пыталась достать большой разделочный нож, который у нее выбили из руки. Она немного не дотягивалась до него. Двигаться она не могла, потому что Веккио прижал ее к полу коленом и уперся дулом пистолета ей в шею, как раз за левым ухом.

– Подонок, подонок! Подонок! – кричала женщина. Ее крики были не такими уже громкими и внятными, потому что ее лицо было прижато к линолеуму.

Кроме того, ей было трудно дышать, потому что нога Веккио сильно давила ей на спину.
– Тихо, леди, тихо, – говорил ей Веккио, – спокойно, черт бы тебя побрал!

Альфонс Джонсон уже стоял на пороге кухни. Задняя дверь, наверное, не была заперта, и ему не пришлось взламывать ее. Еще одно лицо находилось в помещении: это была маленькая девочка лет пяти. Она стояла, тесно вжавшись в угол, с широко раскрытыми глазами. Очень бледная, она до того испугалась, что даже не плакала.

В воздухе пахло луком и горячим томатным соусом. На разделочной доске лежали разрезанные зеленые перцы. Женщина готовила ужин.

– Пошли, – сказал Рой Джонсону.

Они быстро обыскали остальные помещения. Они уже ничему не удивлялись. Преимущество внезапности пропало, но они еще могли выиграть. Стенной шкаф в холле, ванная комната. Спальня малышки: плюшевые мишки и куклы. Дверь стенного шкафа была открыта: там никого не было. Еще одна маленькая комната – здесь стояла швейная машинка, незаконченное зеленое платье висело на манекене. Стенной шкаф был так набит, что в нем было невозможно спрятаться. Потом спальня хозяев дома, стенной шкаф, ванная комната и – никого.

Джонсон заметил:

– Может, это он, в светлом парике, валяется на полу в кухне...

Рой возвратился в гостиную, где парень в кресле откинулся, как только мог, дальше назад, глядя на направленный на него пистолет, пока Кэл Дормон орал на него, брызгая слюной прямо ему в лицо:

– Спрашиваю тебя еще раз. Ты меня слышишь, грязный засранец? Я еще раз тебя спрашиваю, где он?

– Я уже сказал вам. Боже ты мой, здесь нет никого, кроме нас, – отвечал ему хозяин квартиры.

– Где Грант? – продолжал допрос Дормон.

Мужчина так дрожал, как будто его кресло было присоединено к какой-то массажной установке.

– Я ничего о нем не знаю. Клянусь, я его вообще не знаю! Пожалуйста, если вам не сложно, не можете ли вы отвести немного в сторону вашу пушку?

Рою стало так грустно – его всегда печалило, что люди теряли чувство собственного достоинства, когда их заставляли сотрудничать с ними. Он оставил Джонсона в гостиной вместе с Дормоном, а сам вернулся в кухню.

Женщина все еще лежала на полу, а колено Веккио по-прежнему упиралось ей в поясницу. Она уже не пыталась достать свой нож. Она уже не обзывала Веккио подонком. Она уже не бушевала, а начала бояться. Она умоляла не причинить вреда ее маленькой дочке.

Рой поднял нож и положил его на стол.

Она покосилась на него:

– Не обижайте мою малышку.

– Мы не собираемся никого обижать, – заявил ей Рой.

Он подошел к маленькой девочке, присел перед ней и спросил самым нежным голосом:

– Малышка, ты боишься? – Она перевела свой взгляд с матери на Роя. – Конечно, ты боишься, – продолжал Рой. Малышка, держа палец во рту, кивнула. – Ну, тебе нечего меня бояться. Я не обижу и мухи! Даже если она будет все время летать вокруг моего лица и станет танцевать у меня на ушах и кататься, как с горки, на моем носу. – Малышка серьезно смотрела на него сквозь слезы. Рой ворковал: – Если даже на меня садится комарик и готовится меня укусить, ты думаешь, я его убиваю? Не-е-е-ет! Я кладу перед ним крохотную салфетку, маленькую-маленькую вилочку и ножичек и говорю ему: «Никто не должен голодать в этом мире. Отведайте меня, мистер Комарик!» – У девочки высохли слезы. – Я помню, как один раз, – продолжал свои сказки Рой, – когда слон шел в супермаркет, чтобы купить себе орешки,

он так торопился, что просто отшвырнул мою машину со своего пути. Другие люди последовали бы за слоном в супермаркет и постарались бы его больно ущипнуть за хобот. Но я не мог сделать этого! Не-е-е-ет! Я подумал, что, когда у слона кончаются орешки, он уже не отвечает за свои действия. Вот что я сказал себе. Но я должен признаться, что все же последовал за слоном в супермаркет и выпустил воздух из шин его велосипеда. Но я не сделал это в злобе. Я только хотел, чтобы он не выезжал на дорогу до того, как поест орешков и немного успокоится. – Девочка была прелестная. Ему так хотелось, чтобы она улыбнулась ему. – Ну что ж, – сказал он. – Теперь ты не думаешь, что я могу кого-нибудь обидеть?! – Девочка отрицательно покачала головой. – Дай мне ручку, сладкая моя, – сказал ей Рой.

Она разрешила ему взять ее за левую ручку. Она как раз сосала большой палец этой руки, и он был влажным. Рой повел ее через кухню.

Веккио убрал ногу со спины матери. Она встала на колени и, рыдая, обняла девочку.

Рой отпустил ручку девочки и снова присел перед ней на корточки. Его растрогали слезы матери. Он сказал ей:

– Извините нас, я ненавижу насилие. Правда. Но мы думали, что здесь скрывается опасный человек. Мы не могли постучать в дверь и попросить, чтобы он вышел к нам. Вы нас понимаете?

У женщины снова задрожала нижняя губа.

– Я... я не знаю. Кто вы такие? И что вы хотите?

– Как вас зовут?

– Мэри. Мэри З-елински.

– Как зовут вашего мужа?

– Питер.

У Мэри Зелински был прелестный носик. Просто образец прямизны и формы.

Линия носа была совершенна. Прекрасные тонкие ноздри. Словно их изваяли из тончайшего фарфора. Ему казалось, что раньше он никогда не видел такого идеального носа.

Рой улыбнулся и сказал:

– Ну, Мэри, нам нужно знать, где он.

– Кто? – спросила женщина.

– Я уверен, что вы это знаете. Нам нужен Спенсер Грант.

– Я его не знаю.

Пока она ему отвечала, он отвел взгляд от ее носа и посмотрел ей прямо в глаза. Он видел, что она не лжет ему.

– Я никогда ничего о нем не слышала, – добавила Мэри.

Рой сказал Веккио:

– Выключи газ под томатным соусом, а не то он пригорит.

– Я клянусь, что никогда о нем не слышала, – продолжала убеждать женщина.

Рой почти верил ей. Даже у Елены Прекрасной нос был хуже, чем у Мэри Зелински. Конечно, Елена Прекрасная, хотя и косвенно, повинна в смерти тысяч людей. Много народу пострадало из-за нее, и естественно, красота не была гарантией невиновности. За века, прошедшие со времен Елены Прекрасной, люди научились скрывать зло, поэтому даже самые невинно выглядывшие существа иногда были виновны в сокрытии правды.

Рой хотел быть уверенным, поэтому он сказал:

– Если я почувствую, что вы мне лжете...

– Я не лгу, – сказала Мэри дрожащим голосом.

Он поднял руку, чтобы она замолчала, и продолжал точно с того места, где она прервала его:

– ...Я могу отвести эту чудную девочку в ее комнату, раздеть ее... – Женщина крепко зажмурила глаза. Казалось, она хотела стереть встававшую перед ее глазами сцену, которую с

таким изяществом рисовал перед ней Рой. — ...И там среди ее мишек и кукол я мог бы поучить ее некоторым играм, которыми занимаются взрослые люди.

От ужаса женщина широко раскрыла глаза и раздула ноздри. Да, у нее был действительно прелестный носик!

— Итак, Мэри, посмотрите мне в глаза, — сказал он. — И расскажите мне, знаете ли вы человека по имени Спенсер Грант.

Она еще шире раскрыла глаза и не отрываясь смотрела на него.

Они смотрели друг на друга, словно играя в гляделки.

Он положил руку на головку ребенка, погладил шелковистые волосы и улыбнулся.

Мэри Зелински прижала крепче свою дочь.

— Клянусь Богом, что я никогда о нем не слышала. Я его не знаю. Я не понимаю, что здесь происходит.

— Я вам верю, — сказал он. — Успокойтесь, Мэри. Я вам верю, моя милая леди. Простите нас, что нам пришлось прибегнуть к такой жестокости.

Хотя говорил он извиняющимся тоном и очень тихо, его охватывала ярость. Он бушевал от ненависти к Гранту, который каким-то образом перехитрил его. Он не злился на эту женщину.

Он не злился на ее дочку или ее несчастного супруга в его синем пластиковом кресле.

Хотя Рой старался не выдавать свою ярость, женщина, видимо, все прочла в его глазах, которые всегда сохраняли выражение доброты. Она отшатнулась от него.

Веккио, стоявший у плиты после того, как убавил газ под томатным соусом и кастрюлей с кипящей водой, сказал:

— Он больше здесь не живет.

— Я думаю, что он здесь никогда и не жил, — с напряжением в голосе сказал Рой.

Спенсер вынул из стенного шкафа два чемодана, посмотрел на них, маленький отложил в сторону и разложил на постели большой. Он отобрал одежду, которой ему должно было хватить на неделю. У него не было костюма, белой рубашки или даже галстука. В шкафу висело пар шесть джинсов, столько же легких хлопчатобумажных брюк коричневого цвета. Там были рубашки цвета хаки и джинсовые рубашки. На верхней полке шкафа лежало четыре теплых свитера — два синих и два зеленых. Он взял по одному каждого цвета.

Пока Спенсер укладывал чемодан, Рокки бродил из комнаты в комнату. Он, волнуясь, наблюдал за каждым окном. Бедный парень, он все еще никак не мог избавиться от страшного сна.

Оставив своих людей стеречь семью Зелински, Рой вышел на улицу и пошел к машине.

Сумерки превратились из красных в темно-фиолетовые. Зажглись уличные фонари. В воздухе не чувствовалось ни дуновения ветерка. Какое-то мгновение было так тихо, как бывает только в деревне и в поле.

Им повезло, что соседи Зелински ничего не слышали и у них не возникло никаких подозрений.

С другой стороны, в рядом стоящих домах не было видно света. Многие семьи в этом приятном месте, где жили в основном люди среднего достатка, могли продолжать вести привычный образ жизни, если только работали оба супруга. Можно даже сказать, что в такие времена, когда экономика была на спаде, люди едва выдерживали растущие расходы, даже если в семье работали полный рабочий день муж и жена.

Сейчас как раз был час пик, и почти все дома на этой улице ждали возвращения своих владельцев. А те пробирались через транспортные пробки, заезжали за детьми в садики и школы. Кстати, это тоже стоило больших денег. Люди старались как можно быстрее добраться

до дома, чтобы там отдохнуть несколько часов и снова вернуться в мясорубку современной напряженной жизни.

Иногда Рой так сочувствовал тяготам людей, что у него от огорчения выступали на глазах слезы.

Но сейчас ему не следовало расслабляться и становиться слишком чувствительным. Он должен был найти Спенсера Гранта.

В машине он завел мотор и сел на пассажирское сиденье, потом включил портативный компьютер и подключил к нему телефон.

Он вызвал агентство и попросил, чтобы ему нашли телефон Спенсера Гранта, жившего в районе Лос-Анджелеса. Начались поиски из самого центра, расположенного в Виргинии. Рой надеялся выяснить адрес у телефонной компании, так же как ранее адрес Беттонфилд.

Наверное, Дэвид Дэвис и Нелла Шир уже покинули офис, поэтому он не мог позвонить им и выместить на них свою злобу. Но в любом случае это была не их вина. Хотя ему бы очень хотелось обвинить во всем Дэвиса и Верца. Его, наверное, звали Игорь.

Через несколько минут ему ответили, что Спенсер Грант вообще не значится в справочнике и среди тех, чей телефон засекречен. Был проверен весь район Лос-Анджелеса.

Рой не мог этому поверить. Он полностью доверял «Маме».

Дело было совсем не в ней. Она была такой же безгрешной, как и его собственная дорогая мамочка. Это Грант был умен. Даже слишком умен.

Рой попросил «Маму» проверить счета телефонной компании, оплаченные тем же клиентом. Грант мог там фигурировать под псевдонимом. Но прежде, чем обеспечивать кому-то услуги, компания требовала настоящую подпись клиента, чтобы знать, с кого спрашивать оплату счетов.

Пока «Мама» выясняла это, Рой обратил внимание на машину, проехавшую по улице и заехавшую во дворик недалеко от дома Зелински.

Ночь вступила во владение городом. До самого конца горизонта на западе спустилась темнота. Не осталось ни пятнышка великолепного королевского алого цвета на небе.

Экран дисплея слегка вспыхнул, и Рой взглянул на компьютер у него на коленях. Как сообщила ему «Мама», имя Гранта также не фигурировало в записях разовых счетов телефонной компании.

Стало быть, Грант добрался до своего файла в департаменте полиции Лос-Анджелеса, стер свой адрес и вписал адрес Зелински. Он, видимо, выбрал их адрес случайно. И сейчас, даже если он продолжает жить в районе Лос-Анджелеса и, вполне возможно, у него есть телефон, его фамилия стерта из файлов любой телефонной компании, которая могла до этого обслуживать его.

Грант хотел остаться невидимым.

– Какого черта, кто же он такой? – вслух подумал Рой.

Познакомившись со всеми материалами, которые откопала Нелла Шир, Рой испытывал уверенность, что знает его. Но теперь ему показалось, что он совершенно не знает Спенсера Гранта. Он мог догадываться о каких-то деталях или общих характеристиках, но он не мог составить цельную картину со всеми подробностями...

Что делал Грант в бунгало в Санта-Монике? Каким образом он связан с этой женщиной? Что он вообще знает?

Рой было необходимо как можно скорее получить ответы на все вопросы.

Еще две машины въехали в гаражи соседних домов.

Рой понимал, что, по мере того как проходило время, у него оставалось все меньше шансов найти Гранта.

Он начал срочно анализировать свои возможности. Он снова с помощью «Мамы» вошел в компьютер калифорнийского департамента по выдаче прав на вождение автомобилей в

Сакраменто. Через секунду на его экране показалось изображение Гранта. Фото требовалось для получения новых водительских прав. Под фотографией были записаны все его данные и адрес.

– Хорошо, – тихо сказал Рой, как будто боялся, что, заговорив громко, слезит слетевшую на него удачу.

Рой заказал три распечатки данных с экрана и получил их. Вышел из этой программы, попрощался с «Мамой», выключил компьютер и пошел через улицу к дому Зелински.

Мэри, Питер и их дочка сидели на диване в гостиной. Они были бледны, молчали и держались за руки.

Они были похожи на три привидения, ожидавшие приговора в небесном зале ожидания. Они как бы ждали, когда придут их документы, по которым их будут судить. Они больше верили в то, что получают билеты в один конец – в ад.

Дормон, Джонсон и Веккио стояли рядом. Они были вооружены и безмолвны. Ничего не объясняя, Рой передал им распечатки нового адреса Спенсера, которые выдал ему компьютер.

Он задал Мэри и Питеру несколько вопросов и узнал, что сейчас они без работы и получают пособие. Вот почему они были дома в то время, когда их соседи еще неслись по скоростным шоссе к своим домам. Те, другие люди напоминали ему стайки стальных рыбок в бетонном море дорог. Каждый день Зелински изучали все объявления о работе в «Лос-Анджелес таймс». Они подавали заявления в бесчисленное множество разных компаний и были сильно обеспокоены своим будущим, поэтому неожиданное и громкое вторжение Дормона, Джонсона, Веккио и Роя, как ни странно, не очень поразило их. Казалось, что это было продолжением преследующих их бед и катастроф.

Рой собирался размахивать удостоверением Агентства по борьбе с наркотиками и изменять свои обычные штучки для устрашения семейства Зелински, чтобы им даже не пришлось в голову писать жалобу в местную полицию или в федеральное правительство. Но их настолько придавили экономические беды, отсутствие работы и тяготы жизни, что Роя даже не пришлось демонстрировать им свое фальшивое удостоверение.

Они хотели только одного – сохранить себе жизнь.

Они сами отремонтируют разбитую дверь, приведут в порядок квартиру и, наверное, решат, что их терроризировали дилеры наркотиков, которые ворвались не в тот дом, стараясь отыскать проклятого конкурента.

Никто и никогда не писал жалобы на торговцев наркотиками.

В современной Америке торговцы наркотиками были похожи на силы природы. Имело больше смысла – и было гораздо безопаснее – писать гневные жалобы на ураган, торнадо или же на гром и молнию.

Рой вел себя как кокаиновый король. Он их предупредил:

– Если вы не хотите, чтобы вам выбили мозги, то сидите спокойно в течение десяти минут после того, как мы уйдем. Зелински, у тебя есть часы. Как полагаешь, ты сможешь отсчитать десять минут?

– Да, сэр, – ответил ему Питер Зелински.

Мэри не смотрела на Роя. Она низко опустила голову, и он не мог видеть ее чудесный носик.

– Ты понимаешь, что я абсолютно серьезен? – продолжал спрашивать Рой у ее мужа. Тот кивнул ему. – Ты будешь пай-мальчиком?

– Нам не нужны никакие неприятности.

– Рад это слышать.

Такое полное подчинение очень расстроило Роя. Все лишний раз доказывало, что американское общество виновно перед своими членами, настолько запугав их.

С другой стороны, их слабости здорово облегчали его работу. Если бы они оказывали ему сопротивление, все было бы гораздо сложнее.

Рой, Дормон, Джонсон и Веккио вышли из дома. Рой последним уехал с этой улицы. Он несколько раз взглянул на дом. Он не заметил лиц в окнах или в дверях разгромленной квартиры.

Да, здесь чуть не произошла трагедия.

Рой всегда гордился своим присутствием духа. Он не помнил, чтобы когда-нибудь злился так сильно на кого-нибудь, как на Гранта. Он не мог дожидаться, когда же наконец доберется до него.

Спенсер положил в парусиновую сумку несколько банок еды для собаки, коробку с бисквитами, новую косточку, чтобы собака могла ее грызть и укреплять зубы. Миски, из которых Рокки ел и пил, тоже оказались в сумке. Не забыл Спенсер и резиновую игрушку Рокки – чизбургер, выглядывавший из булочки с маком. Спенсер поставил сумку рядом со своим чемоданом у входной двери.

Собака продолжала время от времени проверять окна. Но было видно, что ее напряжение спало. Она почти избавилась от ужаса, который мучил ее во сне. Теперь Рокки волновало уже другое – он всегда нервничал, когда чувствовал, что предстоят какие-то перемены. А перемен он не любил.

Он ходил по пятам за Спенсером, словно для того, чтобы самому убедиться, что не случилось ничего неприятного. Постоянно возвращался к чемодану и обнюхивал его. Потом обнюхивал любимые уголки квартиры и вздыхал, как будто понимал, что ему уже не придется спокойно отдыхать здесь.

Спенсер снял с полки над письменным столом портативный компьютер и поставил его рядом с чемоданом и сумкой Рокки.

Он купил его в сентябре, и поскольку компьютер был маленьким, Спенсер мог составлять свои программы, сидя на крылечке, дыша свежим воздухом и поглядывая, как легкий ветерок играет с серебристыми листьями эвкалиптов. Теперь, во время его путешествия, компьютер станет связывать его с огромной американской информационной системой.

Он вернулся к письменному столу и включил большой компьютер. Спенсер сделал копии на мягких дисках некоторых программ, которые сам разработал. В том числе и программу, которая может различить самый слабый электронный сигнал подслушивающего устройства в телефонной линии, использующейся в компьютерном диалоге. Другая программа могла его предупредить, если в то время, когда он влезал в чужие программы, кто-нибудь попытался бы подловить его с помощью современной технологии обратной связи.

Рокки снова стоял у окна и то скулил, то тихо ворчал в темноту ночи.

Рой ехал с западного края долины Сан-Фернандо, поднимаясь на холмы и пересекая каньоны. Небольшие городки следовали один за другим, но уже возникали пространства первородной черноты между скоплениями ярких огней, обозначающими каждый городок.

На этот раз он станет действовать более осторожно. Если полученный адрес приведет в дом другой семьи, которая, как и семья Зелински, никогда не слышала о Спенсере Гранте, Рою хотелось бы узнать об этом до того, как они вышибут двери в доме, начнут терроризировать его обитателей с помощью оружия и соус для спагетти опять подгорит на плите. Или, что гораздо хуже, подвергнут себя риску быть расстрелянными раздосадованным владельцем дома, который может оказаться фанатиком, имеющим при себе достаточно оружия.

Во время царящего кругом социального хаоса вламываться в частные дома, даже под прикрытием настоящих удостоверений, становилось все рискованнее и рискованнее. Не то что раньше. Жилыцы этих домов могут оказаться кем угодно – от сектантов – служителей Сатаны,

преследующих детей, до убийц с ярко выраженными склонностями к каннибализму, чьи холодильники, возможно, заполнены сочными кусками человечины. И не исключено, что кухонные принадлежности у них окажутся прелестными вещами ручной работы, изготовленными из человеческих костей...

В эти странные времена хватало чертовых лунатиков в дурдоме под названием Америка.

Рой ехал по двухрядной дороге, ведущей в темную долину, затянутую легким туманом. Он начал подозревать, что не найдет обычного дома и не сразу выяснит, обитает в указанном месте Спенсер Грант или нет. Там его ждало что-то иное. Хорошая дорога перешла в дорожку, покрытую гравием, окруженную болезненного вида пальмами, за которыми не ухаживали многие годы. На них болтались веера давно отмерших листьев.

Наконец дорожка привела к воротам забора из металлических прутьев.

Он подошел к воротам. Там его ждал Кэл Дормон.

За забором, в серебристом тумане, освещаемом огнями, ритмично двигались странные машины. Они стояли одна рядом с другой и были похожи на огромных доисторических птиц, которые клевали червей в земле. Это были насосы, качающие нефть. Один из нефтедобывающих участков, которых так много разбросано по всей Южной Калифорнии.

К Рою и Дормону подошли Джонсон и Веккио.

– Это нефтяные скважины, – заметил Веккио.

– Проклятые нефтяные скважины, – уточнил Джонсон.

– Просто несколько чертовых нефтяных колодцев, – не останавливался Веккио.

По приказу Роя Дормон пошел к фургону, чтобы принести фонари и кусачки. Его фургон не был просто фургончиком не известной никому пиццерии, а представлял собой прекрасно оборудованную мастерскую, где нашлись бы любые инструменты и электронные приспособления, которые могли понадобиться в военных операциях.

– Мы туда идем? – спросил Веккио. – Зачем?

– Там должен быть домик сторожа, – ответил ему Рой. – И Грант может работать сторожем и жить здесь.

Рой понимал, что им не хочется оставаться в дураках второй раз за один вечер. Как бы то ни было, они понимали, что Спенсер мог вложить свой фальшивый адрес и в другую компьютерную программу при получении водительских прав и поэтому вероятность найти его здесь практически равнялась нулю.

Когда Дормон открыл им ворота, они последовали за ним, освещая себе путь фонариками и проходя между качающими нефть насосами. В некоторых местах сильный дождь, прошедший прошлой ночью, смыл гравий и оставил только грязь. Когда они, побродив между скрипящими, лязгающими и гремящими насосами, вернулись к калитке, не найдя сторожа, Рой окончательно испортил свои новые туфли.

Они молча почистили обувь, пошаркав носками по траве перед воротами.

Рой вернулся к своей машине, пока остальные ждали его приказа по поводу дальнейших действий. Он хотел снова связаться с «Мамой» и найти другой адрес Спенсера трахающего-змея-и-жрущего-всякое-дерьмо-куска-человеческих-отбросов Гранта.

Он был сильно зол, и это было нехорошо. Злость мешала ему ясно мыслить. Во время припадка ярости трудно разрешить любую проблему.

Он начал глубоко дышать, вдыхая воздух и спокойствие. С каждым выдохом он старался выбросить из себя напряжение. Он представлял себе покой в виде бледного облака персикового цвета. Напряжение казалось ему туманом ядовитого желто-зеленого цвета. Этот туман выходил из ноздрей двумя языками, подобными пламени.

Он освоил технику регуляции своих эмоций, изучив книжку по тибетской медицине и философии. Но может, это была китайская книга. Или индийская. Он не помнил точно. Он зна-

комился со многими философскими учениями в своих бесконечных поисках глубокого самопонимания и способов медитации.

Садясь в машину, он услышал сигнал вызова. Он снял приборчик с солнцезащитного козырька. На маленьком экранчике появились имя Клек и номер телефона.

Джон Клек занимался поисками «пontiака», сделанного девять лет назад и зарегистрированного на имя Валери Кин.

Если она действует по своей обычной схеме, то машина будет оставлена на стоянке или в конце длинной городской улицы.

Когда Рой позвонил по указанному номеру, ему ответил голос Клека. Ошибиться было невозможно. Джону было немногим больше двадцати лет. Тощий, состоящий из острых углов, с огромным кадыком и лицом, напоминавшим форель, он обладал голосом низким, мелодичным и весьма приятным.

– Это я, – сказал Рой. – Где вы?

Слова, произносимые Клеком, были подобны музыке:

– Я нахожусь в аэропорту Джона Уэйна. – Они начали работу в Лос-Анджелесе, но за день круг поисков расширился. – «Понтиак» здесь, он находится на стоянке, где можно оставить машину на длительный срок. Мы узнаем имена служащих, продававших билеты вчера во второй половине дня и вечером. У нас имеются ее фото. Может, кто-то вспомнит, как оформлял ей билет.

– Продолжайте, но мне кажется, что вы зайдете в тупик. Она слишком умна, чтобы бросить машину там, где легко будет проследить ее следующие шаги. Она замечает следы. Понимает, что мы ни в чем не уверены и станем терять время, перепроверяя все возможные версии.

– Мы также пытаемся поговорить с водителями такси, которые работали здесь в это время. Может, она не полетела самолетом, а вместо этого уехала на такси.

– Вам лучше предпринять еще один шаг. Она могла пойти из аэропорта в один из ближайших отелей. Нужно узнать, не помнит ли швейцар или служащие на парковке, не просила ли она их вызвать ей такси.

– Я это сделаю, – ответил ему Клек. – Рой, на этот раз она не сможет удрать от нас далеко. Мы будем сидеть у нее не на хвосте, а прямо на ее заднице.

Роя могла бы убедить уверенность Клека или роскошный тембр его голоса, но, к сожалению, он представил себе, как выглядит Клек. Тот был похож на рыбу, пытающуюся проглотить достаточно большую дыню.

– Пока.

И он отключился.

Потом присоединил телефон к компьютеру, включил его и связался с «Мамой» в Виргинии. Он поставил перед ней сложную задачу, даже с учетом ее огромных талантов и связей.

Она должна была искать Спенсера Гранта в файлах компаний по водоснабжению, в газовых компаниях, в офисах налоговой инспекции. Ей также следовало искать во всех отделениях и офисах все файлы каждого штата, округа, региональных и городских агентств. И также проверить все отделения компаний, которые управляются из Вентуры, Керны, Лос-Анджелеса, Оранджа, Сан-Диего, Риверсайда и Сан-Бернардино. Он еще просил ее проверить все банковские счета покупателей в Калифорнии – займы, расчеты, накопления и кредитные карточки. На общенациональном уровне проверить файлы администрации по социальному страхованию и налоговых управлений, начиная с Калифорнии и затем двигаясь на восток от штата к штату.

Наконец, после того как он объявил, что позвонит утром, чтобы ознакомиться с результатами работы «Мамы», он запер за собой электронную «дверь» в Виргинии и выключил компьютер.

Туман становился все гуще, а воздух с каждой минутой прохладнее. Его ждали у ворот, дрожа, остальные три участника неудачных поисков Гранта.

– На сегодня нам придется закончить, – сказал им Рой. – Начнем все сначала утром.

У них на лицах выразилось облегчение. Кто знает, куда их могут завести поиски Гранта!

Рой похлопал каждого по плечу и успокаивал, пока они шли к своим машинам. Ему не хотелось, чтобы они раскисали. Каждый человек должен гордиться своими действиями.

Сев в машину и выехав с гравия на асфальтированную дорогу, Рой опять медленно и глубоко вздохнул. Вдох – волшебная дымка бледно-персикового покоя, выдох – желто-зеленый туман злобы, напряжения и стресса. Вдыхаем персиковый покой, выдыхаем зеленый туман злобы. Вдох – персик, выдох – зелень злобы.

Он все еще был вне себя от бешенства.

Ланч у них был поздний, поэтому Спенсер проехал длинный отрезок пути до Барстоу без остановки. Потом он остановился, чтобы поесть и покормить собаку. Через окошко «Макдоналдса» он, не вылезая из машины, заказал бигмак, хрустящий картофель и небольшую порцию ванильного коктейля для себя. Ему не хотелось возиться с банками еды для собаки, и поэтому он заказал для Рокки два гамбургера и большую порцию воды. Потом пожалел пса и заказал вторую порцию ванильного молочного коктейля.

Спенсер припарковался позади хорошо освещенного ресторана. Он не стал выключать мотор, чтобы в «эксплорере» было тепло.

Пересев назад, чтобы поесть, и прислонившись спиной к переднему сиденью, он вытянул перед собой ноги.

Рокки облизывался в предвкушении удовольствия, когда Спенсер раскрыл бумажные пакеты и машина наполнилась великолепным ароматом. Перед выездом из Малибу Спенсер убрал задние сиденья, поэтому даже стоявшие там чемодан и сумка не мешали ему и собаке удобно устроиться.

Спенсер вынул гамбургеры Рокки и положил их на бумажную обертку. К тому времени, когда Спенсер достал свой бигмак из контейнера и откусил первый кусочек, Рокки уже жадно проглотил свои мясные котлеты и оставил лишь кусок булочки. Он больше не желал есть хлеб. Жадно глядя на сэндвич Спенсера, он начал жалобно скулить.

– Это мое, – сказал ему Спенсер.

Рокки снова заскулил. Он скулил не как испуганное существо. Он скулил не от боли. Это был звук, говоривший: «О-взгляните-на-бедное-существо-и-поймите-наконец-как-же-я-жажду-этот-гамбургер-и-сыр-и-такой-вкусный-соус-и-может-быть-даже-эти-чертовы-огурчики».

– Ты что, не понимаешь слово «мое»? – Рокки перевел взгляд на упаковку хрустящего картофеля, лежавшую на коленях у Спенсера. – Мое! – Собака начала сомневаться. – Твое, – подсказал ей Спенсер, указывая на недоеденную булочку от гамбургера.

Рокки тоскливо посмотрел на сухую булочку, потом перевел взгляд на чудесный бигмак с таким великолепным соусом.

Спенсер откусил еще кусок и, запив его молочным ванильным коктейлем, посмотрел на часы.

– Нам нужно заправиться и вернуться на шоссе к девяти часам. До Лас-Вегаса остается примерно двести шестьдесят километров. Если даже не станем спешить, то будем там к полуночи. – Рокки не сводил глаз с хрустящего картофеля. Спенсеру стало его жаль, и он бросил четыре кусочка на обертку от бургера. – Ты там когда-нибудь был? – спросил он Рокки. Четыре кусочка исчезли в единое мгновение. Рокки жадно глядел на оставшееся в шуршащем пакете, лежавшем на коленях его хозяина и повелителя. – Вегас жестокий город. У меня такое предчувствие, что там нам с тобой будет худо. Вот так.

Спенсер доел бигмак, хрустящий картофель и допил коктейль. Он больше ничего не дал собаке, несмотря на обиженное выражение, которое не исчезло с ее морды. Потом Спенсер собрал разорванные упаковки и сложил их в один пакет.

– Я хочу, чтобы ты все понял, приятель. Кто бы ни преследовал ее, это сильные и влиятельные люди. Очень опасные. Они еще любят палить из оружия и очень нервничают. Если судить по тому, как прошлой ночью они палили по тени. Наверное, для них все поставлено на карту. – Спенсер открыл крышку второго молочного коктейля, и собака с интересом наклонила голову. – Ты видишь, что я собираюсь тебе дать? Тебе не стыдно, что ты так плохо думал обо мне? Особенно когда я не дал тебе еще картошки.

Спенсеру пришлось придержать контейнер, чтобы Рокки не перевернул его.

Собака начала лакать так быстро, как это не смогла бы сделать ни одна другая собака к западу от Канзас-Сити. Она яростно лакала, и через секунду ее нос был глубоко в стакане, где она пыталась отыскать еще вкусное лакомство, которое, к сожалению, так быстро кончилось.

– Если они следили за домом прошлой ночью, у них наверняка имеется моя фотография. – Рокки вытащил нос из бумажного стакана и с любопытством посмотрел на Спенсера. Собачья морда была вымазана молочным коктейлем. – Ты совершенно не умеешь себя вести за столом! – Рокки снова засунул морду в стакан, и машину наполнили приглушенные звуки собачьего пира. – Если у них есть мое фото, они все равно найдут меня. Пока я стараюсь побольше узнать о Валери и путешествую в файлах компьютера в прошлое, я тоже могу попасть в западню и тем самым опять привлеку к себе внимание. – Стакан опустел, и Рокки больше не обращал на него внимания. Удивительно быстро работая гибким языком, он вылизал почти всю свою морду. – Кто бы ни желал разделаться с Валери, я самый большой глупец на земле, если надеюсь справиться с ними. Я это знаю. Я совершенно в этом уверен. Но все равно, я направляюсь в Вегас, вот такая штука. – Рокки закашлялся, ему следовало попить воды. Спенсер открыл стакан с водой и придерживал его, пока Рокки пил. – То, что я делаю, вмешавшись во всю эту кашу... для тебя это тоже плохо. И я это прекрасно понимаю. – Рокки больше не желал пить, с его морды капала вода. Спенсер вновь закрыл контейнер с водой и засунул в пакет с мусором. Потом он взял несколько салфеток и придержал собаку за ошейник. – Не двигайся, неряха.

Рокки терпеливо ждал, пока Спенсер промокал его мордочку бумажными салфетками.

Глядя в глаза собаке, Спенсер сказал:

– Ты мой лучший и единственный друг. Ты понимаешь меня? Конечно, ты все понимаешь. У тебя тоже нет лучшего друга, чем я. И если меня убьют, кто позаботится о тебе? – Собака пристально смотрела в глаза Спенсера, как бы понимая, что он говорит ей о серьезных вещах. – Ты мне только не рассказывай, что сможешь сам о себе позаботиться. Конечно, ты сейчас в лучшей форме, чем тогда, когда я встретил тебя. Но ты еще не пришел в норму и, может быть, никогда и не станешь самостоятельной собакой. – Пес фыркнул, не соглашаясь с ним. Но они оба знали, что это правда. – Мне кажется, что, если со мной что-то случится, ты опять рассыплешься на куски. Станешь таким, каким был до того, как я тебя взял к себе. Кто будет о тебе заботиться и ласкать, чтобы ты был хотя бы таким, как теперь? А? Никто. – Он отпустил ошейник. – Тебе следует знать, что я не такой хороший друг тебе, каким должен бы быть. Я хочу попытать счастья с этой женщиной. Может, действительно мы одного поля ягоды. И ради этого я рискну своей жизнью, чтобы выяснить... но мне не хочется рисковать и твоей тоже.

Никогда не лги собаке.

– Мне чего-то не хватает, чтобы стать таким же преданным другом, как ты. Я ведь всего лишь человек. Если заглянуть к нам в душу поглубже и попристальнее, то обязательно найдешь там эгоистичного негодяя. – Рокки завилял хвостом. – Прекрати, ты что хочешь, чтобы мне стало еще хуже? – Рокки работал хвостом, как пропеллером, он вскарабкался на колени к Спенсеру, чтобы тот его приласкал. Спенсер вздохнул. – Ну что ж, мне придется постараться,

чтобы меня не убили. – Никогда нельзя лгать собаке. – Но мне кажется, что счет не в мою пользу, – добавил он.

Рой Миро снова оказался в городе. Он проехал через несколько торговых районов. Ему было трудно понять, где кончался один и начинался другой. Он все еще злился, но у него началась депрессия. В отчаянии он старался найти магазин, где бы продавались разные газеты. Но ему была нужна особенная газета.

Весьма интересно, что, проехав два далеко расположенных друг от друга района, Рой был уверен, что там происходило что-то странное. Явно шло наблюдение за кем-то.

В первом операцией руководили из фургона с хромированными колпаками на колесах. На боках машины аэрозолью были изображены пальмы и волны прибоя на пляже и еще красный закат. На крыше были прикреплены две доски для серфинга. Несведущему человеку могло показаться, что фургон принадлежал специалисту по серфингу, выигравшему большую сумму в лотерею.

Рой же ясно видел то, что выдавало фургон. Все его стекла, включая ветровое, были сильно затемнены. Оба боковых стекла, вокруг которых шла роспись, были такими темными, какими бывают стекла с зеркальным отражением. Если кто-то пытался через них заглянуть внутрь фургона, он ничего не видел. Но зато сидящие внутри люди и их видеокамеры могли фиксировать все, что происходило на улице. На крыше фургона были укреплены четыре прожектора. Они пока не горели. Лампы находились в специальных конических патронах, служащих рефлекторами, благодаря которым свет фокусировался в нужном месте. Но на самом деле это не важно. Один конус мог служить антенной компьютерам, находившимся внутри фургона. С ее помощью можно принимать и отсылать огромное количество информации или связываться сразу с несколькими другими компьютерами одновременно. Остальные три конуса служили сборниками звука направленных микрофонов.

Один такой конус был повернут назад, а три другие смотрели в направлении переполненной закуской «Субмарин дайв», находившейся на другой стороне улицы.

Шла запись разговоров восьми или десяти людей, которые стояли на тротуаре перед закуской. Позже компьютер сумеет проанализировать голоса: он выделит речь каждого человека, присвоит ему номер, свяжет один номер с другим, основываясь на потоке слов, уберет почти весь уличный шум – например, звуки, производимые транспортом и ветром, – и запишет речь каждого на отдельную звуковую дорожку.

Вторая операция проходила в полутора километрах от первой, на перекрестке. Наблюдение велось тоже из фургона, закамуфлированного под коммерческий, который вроде бы принадлежал компании по продаже стекол и зеркал «Магия стекла Джерри». Там храбро были выставлены по бокам зеркальные, непроницаемые с улицы стекла, их окружали изображения торговой марки фиктивной компании.

Рою всегда было приятно видеть команды, ведущие наблюдение. Особенно когда у них была первоклассная техника. Это, как правило, были не местные команды, а скорее всего федеральные.

Их тайное присутствие показывало, что кто-то волнуется по поводу общественного спокойствия и мира на улицах.

Когда он их видел, ему обычно становилось спокойнее и он не чувствовал себя одиноким.

Но сегодня ему не стало легче при виде этих двух фургонов. Сегодня он не мог выбраться из трясины отрицательных эмоций.

Сегодня его не радовала встреча с бригадами наблюдения. И не успокаивала ни хорошая работа, которую он выполнял для Томаса Саммертона, ничто другое в окружающем мире.

Ему нужно было найти свой центр, открыть дверь в своей душе, остаться один на один с космосом.

Еще до того, как Рой нашел необходимый ему магазин, он увидел почту. Это было именно то, что нужно. Перед ней стояли десять или двенадцать потрепанных автоматов для продажи газет.

Он остановился у красной полосы тротуара, вышел из машины и проверил автоматы. Ему были не нужны «Таймс» или «Дейли ньюс». Необходимую информацию он мог найти только в альтернативной прессе. Множество публикаций были связаны с сексом: информация по поводу обмена партнерами, поиски подходящего партнера, информация о знакомствах голубых или развлечениях для взрослых обеспеченных людей и всяческих услугах. Ему это было неинтересно. Если волновалась душа, секс не мог принести успокоения.

Во многих крупных городах успехом пользовалась еженедельная газета «Нью эйдж». В ней были статьи о здоровой пище и натуральных продуктах, о хилерах и проблемах духа, начинающая с терапии реинкарнацией и кончая привлечением духов.

В Лос-Анджелесе таких альтернативных газет было целых три.

Рой купил их все и вернулся к машине.

В полутьме салона он быстро просмотрел все газеты. Он читал только объявления об услугах – гуру, сваи, психоаналитики, гадалки, иглоукалыватели, снимающие порчу, травники, помогающие кинозвездам поддерживать форму. Люди, которые могут разобраться в вашей ауре, гадающие по руке, теоретики хаоса, гиды, сопровождающие в прошлую жизнь. Эти и еще многие специалисты предлагали свои услуги, и имя им было легион...

Рой жил в Вашингтоне, но работа заставляла его ездить по всей стране. Он посетил все святые места, где земля, подобно гигантской батарее, аккумулировала огромные запасы духовной энергии: Санта-Фе, Таос, Вудсток, Ки-Уэст, Спирит-Лейк, Метеор-Крейтер и другие. С ним происходили удивительные случаи в этих местах, где накапливалась космическая энергия. Но он уже давно подозревал, что Лос-Анджелес является источником такой энергетической мощи, по сравнению с которым меркнут все остальные.

Теперь его предположения подкрепились огромным количеством газетных объявлений с предложениями помощи в повышении уровня сознания.

Из множества предложений Рой выбрал «Место в стороне от дороги» в Бербанке. Объявление обращало на себя внимание, поскольку все буквы в названии были прописные. Во всех словах и даже в предлогах.

Предлагалось множество способов «найти себя и обнаружить центр универсального шторма». Но искать его советовали не на грязном причале, а «в приятной обстановке нашего дома». Ему также понравились имена учителей, и привлек тот факт, что они указали их в объявлении: Джиневра и Честер.

Он посмотрел на часы – было уже начало десятого.

Его машина все еще стояла перед почтой, где парковка не разрешалась. Он позвонил по телефону, указанному в объявлении. Ответил мужской голос:

– С вами говорит Честер из «Места в стороне от дороги». Чем я могу вам помочь?

Честер и Джиневра принимали посетителей в том доме, где жили. Рой извинился за то, что позвонил так поздно. Он объяснил, что скатывается в духовную пустоту и ему необходимо как можно скорее обрести под ногами твердую почву. Он с радостью узнал, что Честер и Джиневра выполняли свою миссию в любое время. Они рассказали, как ему ехать, и он рассчитал, что доберется до них примерно в десять вечера.

Он приехал в девять пятьдесят.

Перед ним был приличный двухэтажный дом в испанском стиле, с крышей из черепицы. Его окна смотрели из глубины толстых стен. Двор был искусно освещен – роскошные пышные пальмы и австралийские огромные папоротники отбрасывали странные тени на бледно-желтые оштукатуренные стены.

Нажимая кнопку звонка, Рой обратил внимание, что на окне рядом с дверью установлена сигнализация. Через секунду Честер попросил его через переговорное устройство:

– Пожалуйста, ответьте, кто здесь?

Рой слегка удивился, что такая необычная пара, обладающая талантами экстрасенсов и психиатров, считает необходимым прибегать к помощи автоматической охраны. Да, действительно, мы живем в ужасном мире. Даже мистикам приходится защищаться.

Честер мило улыбнулся и проводил Роя в «Место в стороне от дороги». У Честера было значительное брюшко. Ему было около пятидесяти лет. Он почти облысел, но его лысину окружали клочки волос, как у католического монаха. Хотя сейчас стояла зима, он сильно загорел. Несмотря на возраст, он выглядел сильным и похожим на мишку. На нем были свободные брюки цвета хаки и такая же рубашка. Закатанные рукава обнажали волосатые и толстые руки.

Честер провел Роя через комнаты с желтыми полированными полами из сосны. На них лежали индийские ковры, была установлена прочная и грубая мебель, которая больше подошла бы домику в горах Сангре-де-Кресто, чем особняку в Бербанке. Они прошли через большую гостиную, где стоял телевизор с огромным экраном, и попали в холл. Из него они перешли в круглый зал, примерно четырех метров в диаметре. В помещении были белые стены, а окна отсутствовали. Свет проникал через отверстие в куполообразном потолке.

В центре круглого зала располагался круглый стол из сосны. Честер предложил Рою сесть. Тот сел. Честер предложил ему что-нибудь выпить:

– Что хотите – диетическую коку или чай с травами...

Рой отказался – жаждала только его душа. В центре стола красовалась корзина, сплетенная из листьев пальмы. Честер указал ему на эту корзину:

– Я всего лишь ассистент. Это Джиневра разбирается во всем как следует. Ее руки никогда не должны касаться денег. Хотя она старается отрешиться от земных забот, но ей все равно нужно есть.

– Конечно, – ответил ему Рой.

Он достал из бумажника три сотни долларов и положил их в корзину. Казалось, Честер был приятно удивлен его щедростью. Рой всегда считал, что может рассчитывать на хорошее обслуживание только после того, как хорошо заплатит.

Честер вышел из комнаты с корзинкой.

Тонкие лучики света лились с потолка, но сейчас они стали менее яркими. Комната наполнилась тенями, разлился полумрак, как бывает в помещении, освещенном свечами.

– Привет. Я – Джиневра. Нет-нет, не вставайте.

Она впорхнула в комнату, как девочка, высоко подняв голову и расправив плечи. Джиневра обошла стол и села в кресло напротив Роя.

Ей было около сорока лет. Она была удивительно красивой, несмотря на то что ее длинные светлые волосы спадали каскадами завитков, как у горгоны Медузы. Рою не понравилась ее прическа. Зеленые глаза Джиневры светились внутренним светом. Ее лицо напоминало Рою мифических богинь в классических изображениях. На ней были облегающие джинсы и майка. Ее поджарое и красивое тело двигалось весьма грациозно. И большие груди соблазнительно колыхались во время движения. Он видел, как соски терлись о ткань майки.

– Как у вас дела? – задорно спросила она его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.